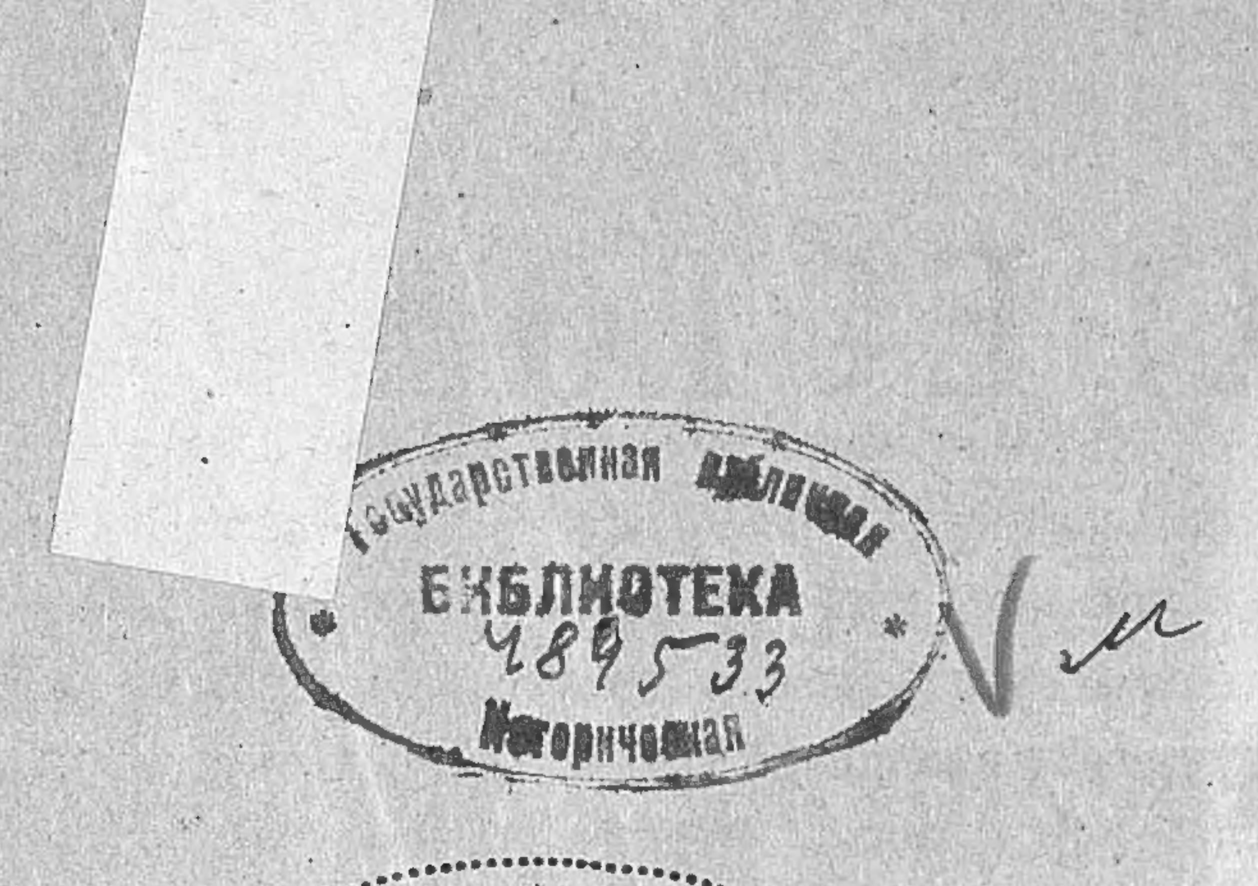
ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Составили Ю. И. ГЕССЕН и А. Н. ШЕБУНИН

Том I

Ленинградский Гублит № 2253. Тираж 5.000.—7 л.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

При составлении настоящей хрестоматии преследовалась исключительно педагогическая цель. Ее задача—дать возможность учащимся (по преимуществу учащимся трудовых школ 2-й ступени) самостоятельно поработать над источниками по истории русского революционного движения.

Первоначально план Хрестоматии был иной. Предполагалось выпустить ее в трех томах и дать в 1-м томе документы по революционному движению за период от Радищева до эпохи крестьянской реформы. Но уже в ходе работы издательство, по техническим соображениям, оказалось вынужденным уменьшить об'ем Хрестоматии, вследствие чего пришлось начать ее с периода крестьянской реформы, при чем ему могло быть уделено сравнительно небольшое место.

Настоящий том содержит в себе документы до стачки ткачей 1896 года, знаменовавшей начало под'ема революционного движения, постепенно приведшего к революции 1905 года. Второй том будет посвящен этому периоду под'ема, а также последовавшим событиям и закончится Октябрьской Революцией 1917 г.

В некоторых местах настоящего тома составители отступили от желательного принципа—давать только документы, исходящие от современников изучаемых событий: для краткости и ясности документы вводного характера (преимущественно по экономическому состоянию России) заменены статьями исследователей.

Первая часть настоящего тома составлена совместно; вторая и третья—А. Н. Шебуниным; четвертая—Ю. И. Гессеном.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Лучшим способом изучения различных вопросов общественной жизни и истории является детальное знакомство с подлинниками. Полное представление о той или иной эпохе дают только отрывки из тех сочинений и произведений, которые были написаны в известную историческую эпоху, при сопоставлении с фактами и обстановкой тогдашней экономической и политической жизни. Само собой разумеется, в них могут быть отдельные ошибки, неправильная оценка того или иного события, но даже при таких дефектах они представляют из себя крупную ценность, свидетельствуя о том, как данные события понимались и оценивались современниками в определенной социально-экономической обстановке.

Такой же метод применяется и авторами хрестоматии. Для того, чтобы дать представление об истории общественного и революционного движения в России за такой огромный период времени с крестьянской реформы до событий последний революции, надо очень тщательно и осторожно подобрать материал, нельзя перегрузить книгу излишними подробностями, которые не могут иметь сейчас серьезного значения. В то же время нельзя упустить из виду и тех фактов и событий, которые сыграли в определенный момент крупную историческую роль.

Авторы начинают с периода предшествовавшего освобождению крестьян и шаг за шагом стараются проследить всю общественную историю вплоть до революции.

Прежде всего они останавливаются на причинах, вызвавших отмену крепостного права. Самой главной, несомненно, является разложение крепостного хозяйства, которое не могло уже удержаться при усилении взаимоотношений между тогдашней Россией и заграничными капиталистическими государствами. Феодально - крепостническая Россия должна была или распасться, превратиться в колонию иностранного капитала или же пойти по пути капиталистического

развития. Последнего не усваивайвали не только общественные и политические деятели периода освобождения крестьянства, но даже и теоретики последующего периода—Чернышевский и народники. Все они усиленно проповедывалим ысль о своеобразии экономического развития России, которая не должна будет пережить эпохи капитализма, и сразу сможет перейти к социализму, осуществляемому первобытной общиной.

Само собой разумеется, что эти взгляды уже тогда встречали известный отпор со стороны марксистов, которые подвергали их теоретической критике. которая, между прочим, нашла блестящее подтверждение в жизни и в дальнейшем социал-экономическом развитии страны.

В период освобождения крестьянства от крепостной зависимости тогдашние общественные деятели, вынужденные в силу цензурно-политических условий находиться и писать заграницей, очень много говорили по вопросу об освобождении крестьянства, доказывая необходимость его осуществления. Однако, происходя по—преимуществу из разночинной интеллигенции или даже из среды дворянства, они не могли встать на последовательно-революционную точку зрения и возлагали слишком много надежд на доброту владетельных классов и, в частности, Александра II.

Чрезвычайно характерным в этом отношениии является то, что писал в этот период времени Герцен. В своем заграничном „Колоколе", который несомненно имел крупное политическое и общественное значение, Герцен останавливался неоднократно на крестьянской реформе. Крайне характерным является то, что он пытается убедить Александра II провести крестьянскую реформу. В одной из своих статей он говорит: „Вы—самодержавный император. Но между вашим знаменем и моим может быть одно общее, именно та любовь к народу, о которой шла речь. И во имя ее я готов принести огромную жертву. Чего не могли сделать ни долголетние преследования, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучные скитании из страны в страну, то я готов сделать из любви к народу. Я готов ждать, стереться. говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сделаете для России. Государь, дайте свободу русскому слову".

В этой статье, а также и в последующих проглядывает крайний утопизм Герцена. В этом отношении он сроден социалистам-утопистам Сен-Симону, Фурье и Оуэну, которые тоже надеялись, что можно добиться переустройства социально-политических отношений, аппе-

лируя к доброй воле отдельных благодателей и филантропов, которые согласились бы итти на социальную реформу. В этом отношении Герцен близок к ним. Он надеется на добрую волю Александра II, а не на борьбу классов и общественных сил, которая только одна в силах привести к крушению крепостного права.

Еще в большей степени его утопизм и непоследовательность выступают в следующей статье, написанной после рескрипта на имя виленского генерал-губернатора Назимова и петербургского генерал-губернатора Игнатьева, которыми было положено начало подготовительной работе по освобождению крестьян.

Статья начинается восторженными словами: „Ты, победил, галилеянин". В ней Герцен восторженно высказывается по поводу этих рескриптов, как будто бы они уже были фактическим освобождением крестьянства. Его утопизм, преувеличенные надежды на добрую волю Александра II здесь выступают еще с большей силой. Ему кажется, что Александр II является „великим преобразователем", „мощным деятелем", открывающим новую эру в жизни России и „наследником заветов декабристов". Ему кажется, что эта реформа будет действительно направлена против помещиков, сокрушая и ломая основы их власти и преобладание в России. Он совершенно не дооценивает той связи, которая существовала и впоследствии, и тогда между императором всероссийским и дворянами. Объективные обстоятельства и усиление классовой борьбы заставляли итти на крестьянскую реформу, но она ни в малейшей степени не обусловливалась доброй волей Александра II.

С другой стороны, Герцен и его последователи возлагали огромные надежды на крестьянство. Здесь опять-таки сказался их утопизм. Они считали, что крестьянин России является прирожденным социалистом и носителем социалистических взглядов. Они предполагали, что удастся перескочить через капитализм, обойтись без него, благодаря своеобразию крестьянства.

Наконец, по вопросу самому важному в тогдашний период времени об освобождении крестьянства Герцен и его последователи придерживались неправильных взглядов. Были два пути уничтожения крепостного права—или сверху, или снизу; или царь и помещики освободят крестьян, или же крестьяне сами возьмут землю и упразднят царя и помещиков — путь реформы и путь революции. И вот тут-то отчетливо сказалось происхождение Герцена. Он боялся революции. Вместо того, чтобы звать крестьян к восстанию, к борьбе

„за землю и волю“, он в своей газете „Колокол“ убеждал царя и помещиков освободить крестьян, дав им не всю, а только часть земли. Такое предложение было в общем приемлемо как для правительства, так и для передовых помещиков. „Колокол“ читали даже помещики и некоторые придворные. В то же самое время истинные революционеры не соглашались с Герценом. Образцом этой непоследовательности Герцеча являются приводимые в книге отрывки.

И Герцен, и его последователи, и общественные деятели по следующей эпохи народников относились совершенно по особому к крестьянству и к земельному вопросу. Они считали, что крестьянская община, сохранившаяся от времени чуть ли не родового коммунизма, может и должна сыграть исключительную роль в жизни крестьянства и в судьбах России. В этом отношении наиболее последовательным и логичным несомненно надо считать Чернышевского. Он говорит, что большинство населения России привыкло считать землю общей собственностью. В России установился давно уже порядок, к которому стремится Западная Европа. В одной из своих статей он говорит: „В настоящее время мы владеем спасительными учреждениями, в осуществлении которых западные племена начинают видеть избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности“.

Приблизительно такие же взгляды по вопросу об общине высказывали и народники, которые считали, что именно община даст нам возможность сразу перепрыгнуть в царство социализма.

Против этих утопических взглядов выступали марксисты с первых же шагов своей деятельности. Они должны были показать и действительно показали, что община у нас не является учреждением только специфически русским, что такие же формы земледелия существовали и у других народов, например, задруга у сербов, но что общественное развитие их уничтожало. Она не могла сохраниться при росте и развитии капиталистических отношений. То же самое повторяется и в России. Сочинения Плеханова, направленные против народников, классические труды Владимира Ильича Ленина и особенно его „Развитие капитализма в России“ доказывали на основании цифр и фактов, что крестьянская община не сохраняется в чистом виде, что она постепенно разлагается.

Она могла бы расчитывать на развитие и сохранение в том случае, если бы в деревню не были внесены элементы классовой дифференциации. Между тем они давали себя чувствовать очень

сильно, и уже в 70—80 г. г. бесспорным было появление, помимо крестьянской бедноты, безлошадных и беспосевных крестьян, а с другой стороны, крестьян - кулаков.

Если первые возлагали особенно сильные надежды на переделы, то вторые, и особенно более зажиточная часть крестьянства, изо всех сил противилась этим методам хозяйства, считая, что они их хозяйственно только ослабляют.

Несмотря на эти факты, Чернышевский и народники считали, что община должна играть крупную роль в качестве хозяйственного фактора. Между тем она постепенно лишилась этого своего значения. Из нее делали только фактор политической и административной власти над деревней, обеспечивающий правильное поступление налогов, выполнение деревней своих повинностей и т. д.

Если община когда-нибудь имела известное значение, то к моменту освобждения крестьян это уже было позади. Идеалом западно-европейского движения и европейской жизни не могла быть первобытная община. Выдвигались и формировались другие взгляды, отвечающие общественно - экономическому и социальному развитию этих стран, идеал общины был и для них и для России идеалом реакционным.

С другой стороны, и Чернышевский, и народники в своих статьях и выступлениях говорили о полном своеобразии России. Вот, что, например, писали они: „У нас нет политического прошлого, мы не связаны никакими традициями, мы стоим на новине, и, нисколько не пленяясь немецкими садиками и рощами, хотим разделать свое поле не по немецкой системе, не в заграничном вкусе, а как делилась земля встарь, когда еще людям не было тесно, — и мы можем сделать это. Вот отчего у нас нет страха перед будущим, как в Западной Европе“. В другом месте Чернышевский говорит, что основной ячейкой является община, а собрание таких общин составляет Россию.

И он, и его последователи, и ученики-народники проводили мысль о том, что в России существуют совершенно особые своеобразные отношения. Совокупность их даст возможность пойти по особому пути. В результате этих своеобразных взглядов марксистам приходилось спорить с народниками по вопросу о том, придется ли России „вариться в фабричном котле“, как тогда говорилось, „итти на выручку к капитализму“. Народники доказывали, что Россия обойдется без этого. Они силились доказать, что уже в 70—80 годах

Европа переживала кризис, что капитализм в ней уже разлагается и что поэтому Россия смело может миновать эту стадию общественного развития. Жизнь показала другое. Дифференциация деревни стала фактом. Западно-европейский капитализм и не думал разлагаться, а наоборот, в этот период времени он переживал эпоху роста и расцвета. Другое дело, что этот рост и расцвет в конечном итоге заводят его в тупик при развитии финансового капитала и связанной с ним империалистической борьбы. Но это происходило не в 70-ые годы, когда обсуждался вопрос о своеобразии экономического и социального развития России, а сейчас, когда у нас имеется опыт империалистической войны и развития за последние 40 лет.

Еще в большей степени сторонником самобытного развития России являлся Михаил Александрович Бакунин.

В его сочинениях резко проводится мысль о необходимости противопоставить Россию, с ее своеобразными экономическими отношениями, Западной Европе. В этой своеобразной оценке России и русских общинных отношений он исходит из предшествовавших ему трудов и сочинений. Если перелистать приводимые в хрестоматии отрывки, то они действительно крайне своеобразны по своему утопизму. Многие из них желали бы разрешить неразрешимые социальные отношения таким образом, чтобы не обидеть класса помещиков.

Об этом говорит, например, статья Н. П. Огарева под заглавием: „Что нужно народу“, в которой он высказывает следующую мысль: „Хотя помещики 300 лет и владели неправо землей, однако, народ их обижать не хочет. Пусть им казначейство выдает ежегодно в пособие или вознаграждение сколько нужно, примерно хоть 60 миллионов в год“.

Рассуждая таким образом, Огарев и „Колокол“ должны были понимать, что рекомендуемые ими методы в конечном итоге не нарушают помещичьего владения, социального преобладания помещиков и в то же время сваливают на крестьянство тяжесть оплаты. Ведь эти 60 миллионов в год, о которых говорит Огарев, в конечном итоге являются налогом на тех же крестьян и дают возможность сохраниться паразитическому классу. Этот класс сам не будет работать над созданием и накоплением новых экономических ценностей, а будет извлекать только пользу из своего прежнего положения, неправильность и недопустимость которого сознают Герцен и Огарев. Тем не менее их социальное происхождение налагает слишком

сильный отпечаток на проводимые ими взгляды. Они не могут решиться на последовательные социалистические и революционные взгляды.

На точке зрения своеобразия экономического социального и политического развития России стоит, как уже приходилось указывать, Бакунин. Он является одним из наиболее последовательных представителей течения, совершенно отрицающего государство и стремящегося заменить его другими формами общественных отношений. Он дает убийственную критику тогдашних европейских государств. Он указывает в своих статьях и воззваниях, написанных с огромным темпераментом, на факты эксплоатации государством широких народных масс. На их преобладание, гнет, реакцию он указывает в своих статьях. По его мнению, эта реакция сосредоточивалась как раз в столицах важнейших европейских государств. Он говорит: „Эта реакция ни что иное, как окончательное осуществление противонародной идеи новейшего государства, имеющего единою целью устройство самой широкой эксплоатации народного труда в пользу капитала, сосредоточенного весьма в немногих руках; значит, торжество жидовского царства, банкократии, под могущественным покровительством фискально-бюрократической и полицейской власти, главным образом, опирающейся на военную силу, а следовательно, по существу своему деспотической, но прикрывающейся вместе с тем парламентской игрою мнимого конституцинализма“.

В других сочинениях Бакунин обрушивается весьма решительно на государство, парламентаризм, который направлен на то, чтобы держать в повиновении и в подчинении широчайшие народные массы. В этом отношении он прав. Действительно, политика буржуазных государств является именно такой. Дальнейшее развитие подтвердило еще критику Бакунина. Из этих своих предпосылок он делает единственный вывод о том, что необходимо совершенно отбросить государство. Он является одним из проповедников так называемой анархии, т. е. полного отрицания государства. Для доказательства этой мысли он ссылается на славянство. Противопоставляя его Германии и другим государствам, он говорит: „По совей природе и по всему существу своему, славяне решительно племя не политическое, т. е. не государственное. Несомненно, что славяне никогда сами собою, своею собственной инициативой государства не слагали. А не слагали они его потому, что никогда не были завоевательным племенем.

Только народы завоевательные создают государства и создают его непременно себе в пользу, в ущерб покоренным народам. Славяне были по-преимуществу племенем мирным и земледельческим".

Само по себе это утверждение неверно. Славянские народы создавали свои государства, лучшим доказательством чего является хотя бы история России, которая вела завоевательную политику и стремилась к созданию государства. Это утверждение необходимо было Бакунину для того, чтобы нарисовать собственный идеал, по мнению его не вычитанный из книг, идеал, отрицающий совершенно государство, как таковое. И он говорит: «Мы объявляем себя врагами всякой правительственной государственной власти, врагами государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх, путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создает свою жизнь".

В своем отрицании государства Бакунин доходит до того, что находит аналогию даже между революционной диктатурой и государственной властью, и утверждает, что революционная диктатура также является методом управления громадного большинства незначительным меньшинством „во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего".

Таким образом, Бакунин являлся последовательным противником и врагом государства, не представляющим себе совершенно, что народные массы в процессе революции должны захватить и использовать государство. Примеры последующего доказали, что развитие должно пойти по этому пути.

Как известно, Бакунин вел по этому поводу ожесточенную борьбу в рядах I Интернационала с Марксом. Если Бакунин стремился к немедленному уничтожению государственности вообще, то Маркс считал необходимым использовать государство в интересах революции путем захвата государственной власти рабочим классом и установления диктатуры пролетариата на время перехода от капитализма к социализму. Бакунин полагал, что чернорабочие массы Италии, Испании и других стран готовы к социальной революции, — стоит только поднять ряд бунтов в разных местах. Маркс, наоборот, был уверен, что не отсталые рабочие массы, а дисциплинированный, с развитым классовым самосознанием, фабрично-заводский пролетариат может быть рычагом социальной революции.

Маркс питал отвращение к тайным организациям[1]), полагая, что только широкое рабочее движение способно играть крупную революционную роль. Бакунин, наоборот, был от'явленным сторонником заговоров, конспираций, шифров и прочего. Бакунин призывал к немедленной социальной революции, которая понималась им как разнуздание всего, что называлось дурными страстями. Маркс, наоборот, звал рабочий класс к выдержке, к организации и к дисциплине. Бакунин в отдельных бунтах, вспышках, разрозненных выступлениях видел путь, который приведет к социальной революции. Маркс, наоборот, относился резко отрицательно ко всяким попыткам вспышкопускательства со стороны отдельных групп и секций, которые свои суб'ективные пожелания отожествляли с велениями об'ективного исторического процесса.

Таковы были важнейшие пункты расхождения между Бакуниным и Марксом. Все они проистекали из различных взглядов на роль и значение государства. Карл Маркс, а за ним и В. И. Ленин в своей книге „О государстве" проводят мысль о том, что государство является органом гнета и насилия, пока оно находится в руках буржуазии, и, наоборот, должно сделаться органом революционным в тот момент, когда его захватывает пролетариат и устанавливает свою революционную диктатуру. В этом отношении особенно показателен опыт нашей Советской Республики. У нас пролетариат, захвативши власть, не разбил государства, а постарался широчайшим образом использовать его для революции. На этом примере подтверждается правильность взглядов Маркса и ошибки Бакунина в его оценке роли и значения государства.

Точно так же, как Бакунин, Герцен, Чернышевский, все народники были сторонниками так называемой самобытности России, доказывали, что ей предстоит совсем другой путь, чем Европе. На этой точке зрения стояли Лавров и Михайловский, а также все прочие народники, которые придерживались своеобразного взгляда на отношения в России и на будущую судьбу ее.

Эти ученые выработали самостоятельный и совершенно своеобразный взгляд на прогресс человеческого общества. Особенно характерны взгляды Лаврова, поскольку они отразились в его статьях и «Исторических письмах». В понимании истории он является суб'ективистом и идеалистом. Вот что он пишет: „Приходится прилагать к

---

[1]) Разумеется, он не отрицал необходимости нелегальной партии.

процессу истории суб'ективную оценку, т. е., усвоив по степени своего нравственного развития тот или другой нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу и на первый план истории выставить по важности те факты, в которых его содействие или противодействие выразилось с наибольшей яркостью". Этот взгляд чисто идеалистический. Сейчас уже бесспорно доказано, а пожалуй было доказано даже в то время, когда писал Лавров, что история всех времен и народов есть по существу борьба различных классов друг с другом. На фоне ее складываются различные факты. Не нужно тогда искать какой-либо нравственной идеи для того, чтобы понять эти факты и получить полное представление об историческом процессе в целом. Точно также и процесс в историческом смысле этого слова есть развитие, рост и усиление экономических форм, на которых строится общество. От этого и в полной зависимости стоит и нравственное развитие отдельной личности. Между тем Лавров, являясь руководителем и идеологом народничества, по этому поводу говорит: „Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула обнимающая, как мне кажется, все, что можно назвать прогрессом".

В этом определении по существу все поставлено на голову. Прогресс — это, прежде всего, развитие, рост и усиление экономических предпосылок, из которых затем вытекают все нравственные факты и факторы, о которых говорят Лавров и его последователи. Только анализируя и понимая эти факты, можно найти надлежащее об'яснение для идеологических предпосылок и идеологических данных. На экономической почве строится идеология, а не наоборот. Лавров, Михайловский и затем их последователи из лагеря народников, исходя из неправильных предпосылок, делали в корне неправильные выводы. Марксисты были совершенно правы, относя их к школе идеалистов в общественной жизни и в понимании исторических процессов.

Лавров, Михайловский и их последователи исходили из предпосылки существования общины, которую они считали разрешающей все вопросы. Вот что, например, говорил журнал „Вперед" в одной из своих статей: „Для русского социальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле,

который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением". На этой почве народники стояли все время. Например, Ткачев в программе журнала „Набат" в качестве одного из наиболее важных пунктов выдвигал рост, развитие и улучшение крестьянской общины. Он говорит: „В постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного частного владения в общину-коммуну, основывающуюся на принципе общего совместного пользования орудиями производства и общего совместного труда".

На той же почве общины и идеологического взгляда на историю стоит Михайловский, этот признанный вождь российского народничества. Он старается доказать, что капитализм проник в Россию в весьма незначительной степени, что он не может иметь существенного значения для экономических отношений России. Он—наиболее выдающийся сторонник того, чтобы как-нибудь проскочить капитализм, миновать его и перейти к следующей ступени хозяйственного быта — к социализму. Он сторонник того, чтобы сохранить старый быт, мелкого хозяйчика в промышленности. Он доказывает, что в России рабочий вопрос, по существу говоря, является вопросом консерватизма, сохранения того уклада мелкой частной собственности, которая существовала. Вот что он пишет: „У нас под самым Петербургом, т. е. в одной из самых англизированных местностей, в местности, испещренной фабриками, заводами, парками, дачами, существуют деревни, жители которых живут на своей земле, жгут свой лес, едят свой хлеб, одеваются в армяки и тулупы своей работы, из шерсти своих овец. Гарантируйте им прочно это свое, и русский рабочий вопрос решен. А ради этой цели можно все отдать, если как следует понимать значение прочной гарантии". Вот его идеал. По возможности не затронуть общественных отношений в деревне, не дать туда вторгнуться капитализму, закрыться в скорлупе первобытной, в скорлупе деревни, и дело сделано. Россия избавляется от необходимости пережить капиталистическое развитие. Михайловский отлично понимает возможность двоякого рода путей, на которых может развиваться экономика и хозяйство России. Один путь через развитие промышленности и рост капитализма, к чему отрицательно относится Михайловский. Другой путь, говорит он,— „состоит в развитии тех отношений труда к собственности, которые уже существуют в наличии, но в крайне грубом первобытном виде. Понятно, что цель эта не может быть достигнута без широкого го-

сударственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление общины". Этот путь и выбирает Михайловский. Он рекомендует его широким слоям русской молодежи, которая искала общественных путей и общественной деятельности.

И он, и все поколение народников, а затем народовольцев стояли на точке зрения сохранения общины и самобытности русских отношений. Это все говорилось в то время, когда община уже начала разлагаться и распадаться. Само собой разумеется, этот процесс распадения общины не был так заметен, как в девяностых или девятисотых годах. Тогда еще это обстоятельство необходимо было доказывать. Этому посвящены статьи Плеханова, который говорит о том, что для России нет каких-то особых своеобразных путей, что она должна будет пережить такой же процесс, как и другие европейские страны. Нельзя смотреть только назад и возносить на недосягаемую высоту идеалы в отношении прошлого. Под революционной оболочкой фраз может тогда скрываться реакционная сущность. По существу, таким и было отношение Михайловского и других народников. Община, как форма общественно-экономической жизни, начала уже распадаться, и попытки воскресить ее являлись реакционным гальванизированием трупа.

Несмотря на это, вся та плеяда писателей, взгляды которых пришлось рассмотреть, были идеологами и вождями молодого поколения тогдашней России. Вслед за своими учителями, это молодое поколение превозносило народ, под которым понимало крестьянство, стремилось к слиянию с ним, искало путей общения с ним.

Вся єта масса российской радикально-революционной интеллигенции рассматривала крестьянство за единственный слой, который может воспринять революционные идеалы, к которому стоит обращаться. Рабочие фабрик и заводов рассматривались исключительно как звено для связи с деревней. Эти рабочие должны были нести в деревню пропаганду и социалистические идеалы. Они сами должны были не рассматривать фабрик и заводов и своей работы с точки зрения чисто рабочей организации. И интеллигенция, и рабочие, в силу этой идеологии, готовились к тому, чтобы итти в деревню, вести там культурную и всякую другую работу, организовать крестьянские массы для защиты интересов общины, вокруг которой все должно было вертеться.

С точки зрения такой идеологии совершенно понятно хождение в народ землевольцев и других народнических организаций, которые игнорировали совершенно рабочих и рассматривали все задачи исключительно только с точки зрения нужд и потребностей деревни.

В хрестоматии читатель может найти важнейшие материалы, характеризующие деятельность партии „Земли и Воли", а затем тех партий, которые постепенно вырастали на почве народнической идеологии. Невероятные преследования правительством всех абсолютно попыток, направленных на то, чтобы проникнуть в деревню даже с мирной пропагандой и с культурной работой, заставили постепенно представителей российской интеллигенции отказаться от этих задач и встать на точку зрения террора, открытой борьбы с правительством. Такой была идеология Народной Воли, а также тех бунтарей, которые готовы были поднять бунты и вспышки среди крестьянства. Они готовы были пользоваться даже, в случае необходимости, подложными документами, манифестами, яко бы исходящими от царя, стремившегося исправить то зло, которое было причинено крестьянским массам России в связи с пристрастным разрешением земельного вопроса при освобождении крестьян, разрешением, имевшим всецело в виду только интересы помещиков.

Воспоминания, программные заявления, статьи, выступления на судах отдельных членов партий „Земля и Воля", „Черный Передел" и „Народная Воля" лучше всего и полнее всего характеризуют эту эпоху, во время которой произошел знаменитый поворот от мирной пропаганды к террористической борьбе, закончившейся покушением 1 марта 1881 г.

Кстати это покушение, закончившее целую террористическую эпоху, стояло в известном смысле на переломе. На этом по существу кончается террористическая и боевая деятельность „Народной Воли", которая постепенно умирает в тогдашней обстановке. Это происходит не потому, что были захвачены и арестованы наиболее видные представители „Народной Воли", хотя несомненно и это имело крупнейшее значение, а главным образом потому, что идеология ее начинает постепенно ломаться, что развитие промышленности ставит на очередь новые вопросы и задачи, которые не могут уложиться в программу народнических партий. Надо было считаться с тем, что зарождается фабрика, на ней собирается и концентрируется пролетариат, который ставит перед собою свои новые задачи. Недаром уже с 70-ых

годов начинаются стачки, как средство классовой борьбы, самостоятельной, не имеющей ничего общего с деревней и с традиционными взглядами на нее, как на единственного носителя и представителя революционной России. Недаром же к этому времени относится возникновение северно-русского союза рабочих. Правда, он в значительной степени сложился еще под влиянием народнической идеологии. Взгляды, высказанные в его программе, носят еще яркий отпечаток этой идеологии. Прокламация его „К русским рабочим" издана была в 1879 г., т. е. еще до того момента, когда наступил крах народничества в его террористической форме. „Северный союз русских рабочих" заявляет о том, что он примыкает к социал-демократическим партиям Запада, но в нем есть известное отличие, из коих главным является взгляд на общину. В своей программе Союз говорит: „уничтожение поземельной собственности и замена его общинным земледелием". Это был пункт, по которому „Северный русский союз" отличался от социал-демократических партий Запада.

Аргументы его в значительной степени почерпнуты еще из крестьянской идеологии, т. к. ему приходилось иметь дело по-преимуществу с рабочими, не порвавшими еще окончательно связей с деревней и находящимися под влиянием крестьянских взглядов и аргументов.

Однако, это была уже определенная попытка освободиться от преобладающего и доминирующего влияния народничества, которое в своей чистой форме никогда не стало бы вырабатывать специальной программы, имеющей в виду интересы городского пролетариата не только в экономическом, но и в политическом отношении.

Приблизительно такой же была идеология „Южно-русского рабочего союза", попытки возникновения которого относятся к периоду времени между 1875 и 1880 г.г. Идеология его и взгляды на важнейшие экономические и политические вопросы становятся все более определенными, хотя еще довольно туманны.

Прокламации, изданные „Южно-русским рабочим союзом", носят в значительной степени отпечаток экономизма. В них формулированы экономические требования рабочих. Это несомненно отвечало тем условиям, в которых тогда были поставлены рабочие. Но в то же самое время программа этих союзов имела в виду также и политические требования. Об этом говорит, например, программа Северного: „Так как политическая свобода обеспечивает за каждым рабочим самостоятельность его убеждений и действий, так как ею

прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями союза должна быть свобода слова, печати, права собраний и сходок и т. д.".

„Северно-русский рабочий союз" имел более крупное значение, чем Южно-русский.

Возникновение этих союзов чрезвычайно характерно, доказывая, что рабочие все в большей степени начали высвобождаться из-под влияния народнической идеологии, и искали своих самостоятельных путей.

Однако, если взгляды обоих этих союзов были еще в значительной степени несовершенны, если у них много было наивного, то гораздо более разработаны, гораздо более серьезны взгляды „Группы Освобождения Труда".

Возникновение ее относится к 1883 г. Ее взгляды в гораздо большей степени социалистичны, чем взгляды всех до нее возникавших групп и организаций. В своей деятельности она стремится опереться прежде всего на рабочие массы. Программа „Группы Освобождения Труда", составленная Плехановым, имеет в виду интересы рабочих. При этом она не замыкается в узкую сферу только профессиональных требований или экономизма, но имеет в виду также и политическую борьбу. В своей идеологии „Группа Освобождения Труда" примыкает к бывшей „Международной Ассоциации Рабочих" и признает тождество интересов трудящихся всего мира за основу своей работы. В этом отношении она делает большой шаг вперед, освобождаясь от народнической идеологии, все время говорившей о своеобразии отношений в России.

Выдвигая целый ряд политических требований относительно законодательного собрания, равноправия всех граждан, в то же самое время „Группа Освобождения Труда" в известной степени не освобождается еще от тяготевшей над ней народнической идеологии. Так например, она требует „радикального" пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. В этой части много неясного, как представляла себе „Группа Освобождения Труда" этот процесс. Необходимо было говорить более определенно о том, что она стоит за полное уничтожение всяких выкупных платежей и безвозмездный переход всей земли к крестьянству.

В отличие от народнической идеологии, она высказывалась за выделение крестьян из общины и создание таких условий, которые

больше всего отвечали бы желаниям каждого отдельного члена общества.

Ставя также перед собою и политические задачи, „Группа Освобождения Труда“ не могла еще формулировать их таким образом, чтобы избавиться всецело от влияния народнической идеологии. В своем заявлении — программе, которая является самым важным документом, формулирующим взгляды „Группы“ на важнейшие политические и общественные вопросы, „Группа Освобождения Труда“ говорит, что ее цель составляет пропаганда идеалов социализма на территории России. Однако, преследуя эту цель, „Группа Освобождения Труда“ не отказывалась еще от террористической борьбы и главным различием и расхождением с партией „Народной Воли“ считала взгляды на так называемый захват власти революционной партией и на непосредственную деятельность социалистов в среде рабочего класса. Из ее программы, а также из статей Плеханова, относящихся к тому периоду времени, мы видим, что расхождение между нею и народническими партиями не было еще особенно значительным. Оно должно было усиливаться с течением времени. Так, например, в предисловии Плеханова к статье „Наши разногласия“ он подчеркивает все большую глубину расхождений между „Народной Волей“ и „Группой Освобождения Труда“.

Опять-таки это обстоятельство об'ясняется главным образом тем, что еще не дифференцировались политические и социальные отношения, и эта первая социал-демократическая партия на территории России должна была в такой еще несовсем определившейся обстановке формулировать свои взгляды.

Хрестоматия рассматривает на отдельных отрывках дальнейшее развитие и рост революционных партий и отношений, которые все в большей степени подготовляли почву для революционной борьбы.

Составители хрестоматии считают, что в таком виде она поможет разобраться в истории революционного движения рабочей и крестьянской молодежи, стремящейся к тому, чтобы изучить прошлое и на основании его анализа понять перспективы дальнейшего развития и победы революции.

Р. А.

ЧАСТЬ I

ЭПОХА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ и ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

I. Освобождение крестьян.

---

1. Разложение крепостного хозяйства.

Н. Рожков.

П. Б. Струве в своей книге «Крепостное хозяйство в России» пытается доказать, что в первой половине 19 в. падение крепостного права не было подготовлено экономически, что, напротив, крепостное, в частности, барщинное хозяйство, тогда было выгоднее хозяйства вольнонаемного, и что барщина даже сильнее распространилась на счет оброка. Другие исследователи смягчают эту характеристику хозяйства первой половины прошлого века, но не устраняют ее совершенно, допуская, что в 30-х годах наступила в России крепостническая реакция, вызванная понижением цен на хлеб на европейском рынке.

На самом деле, однако, все эти положения — и в их крайнем, и в смягченном выражении—совершенно не соответствуют действительности. Чтобы понять это, стоит только внимательно присмотреться к относящимся сюда фактам.

Приводимые П. Струве данные, относящиеся к некоторым местностям Тверской и Псковской губерний, конца 18 и начала 19 в.в., указывают не на рост барщины, а на беспомощные метания помещиков-рутинеров, крепостников, от барщины к оброку и опять к барщине, чтобы спасти шатающееся уже крепостное хозяйство.

Мы имеем затем и прямые указания на уменьшение распространения барщины и на относительный рост оброка в ряде губерний и нечерноземной и даже черноземной России. Так, во Владимирской губернии к половине 19 в. барщинные крестьяне соста-

вляли уже только 30 проц. всех крепостных вместо прежних 50 ти, в Московской—32 вместо 64, в Рязанской—62 вместо 81. Только в восьми губерниях барщина возросла, но это об‘ясняется не большей выгодностью крепостного хозяйства, а тем, что черноземная полоса Европейской России была слабо населена, и там ощущалась острая нужда в рабочей силе, так что в прибавок к крепостному труду здесь практиковался и усиленно применялся также и вольнонаемный труд рабочих, приходивших из Малороссии, Новороссии и других южных губерний, а также и с севера. Фактически, значит, и в этих барщинных, казалось бы, сугубо-крепостнических губерниях труд был в значительной степени вольнонаемный, не крепостной.

На подготовку падения крепостных хозяйственных порядков и отношений указывает и ряд фактов применения хозяйственно-технических улучшений в помещичьих имениях...

Нельзя признать правильным и мнение о крепостнической реакции 30-х годов, вызванной падением цен на хлеб на международном рынке. Прежде всего, что такое реакция? В данной обстановке это было бы возвращение к положению 18 в., попятное движение русского хлебного вывоза сравнительно с 20-ми годами 19 в. Ближайшее знакомство с фактами ничего подобного не дает. По статистическим данным о внешней торговле в России оказывается, что хлеб составлял в 20-х годах 19 века 7 проц. ценности всего русского вывоза; в 1830 г. он равнялся уже 26 проц. всего вывоза; в 1835 г.—опять 7 проц. и потом стал постепенно повышаться, дойдя в 1840 г. до 17 проц. Итак, в начале 30-х годов вывоз хлеба сильно вырос, и если бы это сохранилось, крепостное хозяйство быстро пало бы, как это и случилось в 40-х и 50-х годах. Но повышение хлебного экспорта в 1830 г. было минутной случайностью. Она исчезла к половине десятилетия; когда дело свелось к возврату не положения 18 века, а того, что было в 20-х годах—и опять на минуту; потом пошло нарастание постепенное, но неуклонное. Вообще же внешний вывоз хлеба из России в 30-х годах был все время невелик. Обычно вывозилось не более 10% урожая и потому этот вывоз не мог существенно влиять в то время на технику производства и формы хозяйства.

Это видно лучше всего еще и из того, что процесс разложения крепостного хозяйства только в первые 20 лет 19 века

выразился в одних лишь технических улучшениях, в 30-х же, 40-х и 50-х годах более передовые хозяева-помещики почувствовали острую потребность также и в новых хозяйственных формах. Необходимость этого вытекала из несомненной невыгодности барщинного труда: в Тульской губернии у помещиков при барщине доход был вчетверо меньше, чем при сдаче в аренду; в Московском уезде вольнонаемный труд в 40-х годах давал втрое больший доход, чем труд крепостной; крепостное хозяйство в Рязанской губ. в 40-х годах давало 10% чистого дохода, а вольнонаемное—20%; в Саратовской губ. купеческие имения, работавшие свободным наемным трудом, давали 57% дохода. Понятно, что применение вольнонаемного труда в передовых помещичьих хозяйствах увеличивалось, причем сначала создавались переходные формы от крепостных к вольнонаемным. Это созидание переходных форм началось в 30-х годах и продолжалось позднее.

Первая из них состояла в том, что барщина не уменьшалась, даже увеличивалась, но крестьянам давалось для собственного их хозяйства гораздо больше земли, чем прежде, и, таким образом, создавалось квалифицированное вознаграждение землей за лучшую обработку пашни... Вторая переходная форма, имевшая место, например в 40-х годах в Московской губ., сводилась к тому, что крепостные сами барщины не отбывали, а нанимали вместо себя свободных рабочих. Третья состояла в обычном в 50-х годах во Владимирской и Черниговской губерниях дополнительном найме помещиками свободных рабочих в прибавок к крепостным барщинникам. Наконец, нет недостатка и в указаниях на применение чистого вольнонаемного труда, без всякой примеси барщины...

Так перед нами в ярких красках рисуется явление первостепенной важности: оказывается, что чем ближе мы подходим к половине 19 века, тем яснее становится, что даже все сколько-нибудь живое в помещичьей среде в той или другой мере перестраивало свое хозяйство на новые, свободные, капиталистические формы. Крепостное хозяйство в чистом виде было уделом лишь помещиков-рутинеров, которые, в сущности, еще разорились, заложили и перезаложили свои имения; вырученные от залога деньги употребили не на улучшение и перестройку хозяйства, а просто их прожили. Такие рутинные хозяйства—их было большинство—могли еще кое-как жить при сохранении устарелых отношений,—новшества и особенно отмена крепостного права, если бы она была

проведена последовательно и до конца, должны были их совершенно разрушить.

Таким образом, если даже оставаться лишь в рамках одного помещичьего хозяйства, то придется признать, что к половине 19 века крепостное право являлось препятствием развитию производительных сил. Класс помещиков-крепостников не только перестал содействовать развитию производительных сил страны, но стал противодействовать этому развитию. Маркс указал, что это является об'ективной причиной смены господства одного класса господством другого.

Такое положение тем более верно, что, препятствуя развитию производительных сил в передовых дворянских хозяйствах, крепостное право уже в начале 19 века было лишним, хозяйственно-неоправданным бременем для хозяйства крестьянского. Это видно как из массы больших крестьянских волнений, число которых в первой половине 19 века дошло до 556, так и из прекращения или, по крайней мере, замедления роста крепостного населения; между 9-й и 10-й ревизией число крепостных не увеличилось, и даже в 20-х годах крепостное население росло гораздо медленнее всего прочего; между 1815 и 1835 г.г. ежегодный прирост всего населения составлял 1,4 процента, а крепостного крестьянства—только 0,9 процента. И, наконец, чтобы исчерпать до конца экономические причины, разлагавшие крепостное хозяйство и крепостное право, надо отметить еще развитие индустрии в России первой половины 19 столетия, причем здесь заслуживает внимания не столько количественный рост фабрик и числа рабочих, сколько новая техника производства и новые его формы, тесно связанные с техникой...

---

2. Настроение эпохи.

Из воспоминаний Н. В. Шелгунова.

Н. В. Шелгунов, известный публицист 60—90-х г., в начале 60 годов принадлежал к наиболее радикальным кружкам петербургской интеллигенции. Поэтому его воспоминания крайне ценны для характеристики этих кругов.

Смерть императора Николая застала Россию в самый разгар Севастопольской обороны, исход которой был уже ясен. Россия напрягала последние силы. Государь умер 18 февраля 1855 г., а 27 августа, после жестокого штурма, был взят Малахов курган, и нашим войскам приказано отступить... Вся эта страшная севастопольская история случилась как-то вдруг, неожиданно: неожиданно началась война, неожиданно пал Севастополь. Но когда эта громада пала, когда оказалось, что Россия не имеет ни денег, ни людей, чтобы продолжать борьбу, когда две такие неожиданности, как смерть императора Николая и павший Севастополь, точно два громовых удара, повторились один за другим,—Россия точно проснулась от летаргического сна.

Нравственное состояние, в котором очутилась Россия после этих громовых ударов, редко в истории народов, а на памяти русской истории подобное положение еще не бывало. Освобождение России от поляков и смуты в 1612 году, освобождение от двунадесяти языков в 1812 году были, конечно, моментами очень героического напряжения и чудовищной народной энергии, но это были только моменты чувства и инстинкта самосохранения. Теперь было не то, и за свою государственную целость нам бояться было нечего. Все могло бы итти в обычном, установившемся порядке. Государь умер; на престол вступил его наследник без потрясений и беспорядков; война кончилась; мир предстоял достаточно почетный; все было тихо, спокойно, мирно, и все могло бы итти опять по старому, традиционному, с какими-нибудь небольшими починками и преобразованиями. Казалось бы, только радоваться и отдыхать после военных трудов и севастопольских потерь. Но в том-то и дело, что старое не могло уже больше повториться; все чувствовали, что порвался какой-то нерв, что дорога к старому закрылась. Это был один из тех начинающих исторических моментов, которые подготовляются не годами,

а веками, и они так же неустранимы, как лавины в горах, как ливни под экватором. Единоличная воля в таких случаях исчезает, и всеми, сверху до низу, овладевает один общий жизненный порыв, вначале инстинктивный, как глубокий вздох после летаргического сна, как первое светлое пробуждение после горячки; но затем, после бессознательного, инстинктивного душевного движения, является понемногу светлое состояние сознания, человек приходит в себя и с новыми силами принимается за новую работу. То, что происходит с отдельным человеком, повторяется и с народами, когда каждым и всеми овладевает одно и то же душевное состояние, когда каждый и все чувствуют перелом, когда каждый и все из бессознательного, инстинктивного состояния переходят к работе мысли, когда в каждом и во всех пробуждается критическая мысль, и каждый и все начинают думать. В том, что после Севастополя все очнулись, все стали думать, и всеми овладело критическое настроение,—и заключается разгадка мистического секрета шестидесятых годов. Все—вот секрет того времени и секрет успеха всех реформ...

... В 1856 г., когда я отправился заграницу сейчас же после Севастополя, над Россией носился хаос желаний, стремлений, порывов, и вещи больше чувствовались, чем понимались. И я в качестве частички, оторвавшейся от этого хаоса, носился по Европе, точно дикая, необузданная сила. Прошло полтора года, и в русском хаосе образовалось светлое ядро, из хаоса понятий возникла ясная, точно определенная центральная идея—освобождение крестьян. Но идея эта, ясная в основе, не только не разрешала подробностей, а, напротив, их вызывала и громоздила одни на другие. Как создастся освобождение, на каких условиях, с землей ли, без земли (даже немецкие ученые приглашались разрешать этот вопрос), с выкупом или без выкупа, на личном или общинном начале, что, по очереди вопросов, последует за освобождением, каковы будут новые общественные устои, на которых утвердится обновление не только России, но и Европы? Да, Европы! Мы думали и об обновлении Запада русскими началами, и об этом мечтали не одни славянофилы, но и западники. Не смейтесь, читатель. У этого русского порыва к обновлению Европы было вполне западническое основание... Один из французских эмигрантов, бежавший в Испанию, серьезно верил и писал, что европейскую цивилизацию нужно смести с лица земли

и что это может сделать только Россия (Николай) своими казаками, и когда Европа будет разрушена этими полчищами нового Аттилы, возникнет из наступившего хаоса идея гармонии и порядка, и все народы славянской и латино--германской рас сольются в одно всеобщее социалистическое государство.

Так далеко мы не шли и казацкого нашествия на Европу делать не хотели, но мы были не прочь предложить Европе наш общинный порядок и наши общественно-экономические основы, да и сами не находили нужным проходить тот тяжелый путь индивидуалистического экономизма и капитализма, которым прошла Европа. Не мне одному,—многим думалось, что в русской жизни, сохранившей черты быта, уже исчезнувшего в Европе, есть что предложить Западу, да и у себя из-под заимствованных наслоений, преимущественно византийских, нашлось бы не мало бытовых особенностей, нуждавшихся в очистке. Как все это сделать,—я не знал (да, вероятно, и не я один). Но вопрос на первое время заключался не в том, как делать, а в том, что именно сделать. Прежде, чем началось освобождение крестьян, тоже не знали, как его сделать; знали только, что освобождение сделать нужно. Вопрос, значит, заключался в том, чтобы справедливая идея была признана справедливой, и чтобы оказались налицо кое-какие счастливые случайности...

...В 1858 г. я не только верил в возможность самого полного обновления России на гуманных и справедливых началах, но был убежден и в возможности этого. И верилось мне не только потому, что все молодые верили этому в России, но потому, что и в Европе шла сильная обновительная и освободительная работа... ...В качестве молодого народа, начавшего такой радикальной реформой, как освобождение, мы не могли не быть решительнее в своих требованиях и, конечно, были более готовы на всякие, самые крайние перемены. Это была простая логика факта или, как выразился бы историк, неустранимое следствие солидарности народов. Всеобщность освободительного движения связывала все народы, и национальное дело легко переходило в международное и космополитическое, точно наступило время братства народов...

3. Письмо А. И. Герцена к Александру II.

А. И. Герцен, русский публицист-эмигрант, происходит из дворянской среды. Неудача политического переворота, задуманного декабристами, и разочарования в западно-европейских политических революциях воспитали в передовом меньшинстве русского дворянства равнодушное отношение к конституционным идеалам буржуазного либерализма. У Герцена и его друзей это отношение слилось с симпатией к утопическому социализму. После 1848 года он особенно отрицательно относился к чисто политическим проектам и думал, что экономическое освобождение трудящихся масс может быть осуществлено любой властью, способной проявить свою добрую волю к такому освобождению. Характерная для утопического социалиста готовность верить в добрую волю монарха проявилась и в этом письме, напечатанном в лондонском журнале Герцена «Полярная Звезда» за 1855 год.

Смотри—в волнении народы,
Смотри—в движенья сонм царей.
Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом.
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царем,
Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби
И рабства дух неблагородный,
Неправосудье истреби.

(*К. Рылеев*—«Ода в. к. Александру Николаевичу, 1823 г., августа 30»).

Государь,

Ваше царствование начинается под удивительно счастливым созвездием. На Вас нет кровавых пятен, у Вас нет угрызений совести.

Весть о смерти Вашего отца Вам принесли не убийцы его. Вам не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтобы сесть на трон. Вам не нужно было казнями возвестить народу Ваше восшествие.

Летописи Вашего дома едва ли представляют один пример такого чистого начала.

И это не все. От Вас ждут кротости, от Вас ждут человеческого сердца. Вы необычайно счастливы. Судьба, случайность—

все окружило Вас чем-то, говорящим в Вашу пользу. Вы один из всех Ваших родились в Москве и родились в то время, как она воскресала к новой жизни после очистительного пожара. Бородинские и тарутинские пушки, едва воротившиеся из-заграницы, еще покрытые парижской пылью, возвестили с высот Кремля о Вашем рождении. Я пятилетним ребенком слушал их и помню. Рылеев приветствовал Вас советом (ведь Вы не можете отказать в уважении этим сильным бойцам за волю, этим мученикам своих убеждений!). Почему именно Ваша колыбель внушила ему стих кроткий и мирный? Какой пророческий голос сказал ему, что на Вашу детскую голову падет со временем корона? Вас воспитал поэт, которого любила Россия. В день Вашего совершеннолетия была облегчена судьба наших мучеников. Да, Вы удивительно счастливы. Потом Ваше путешествие по России. Я его видел, и больше—я его очень помню; через Ваше предстательство моя судьба географически улучшилась: меня перевели из Вятки во Владимир,—я не забыл это. Сосланный, в дальнем заволжском городе, я смотрел на простую любовь, с которой шел Вам навстречу бедный народ, и думал: «чем Он заплатит за эту любовь?» Вот оно, время для уплаты,—и как она Вам легка. Дайте волю Вашему сердцу. Вы, верно, любите Россию, и Вы можете так много-много сделать для народа русского. Я тоже люблю народ русский, я его покинул из любви, я не мог, сложа руки и молча, остаться зрителем тех ужасов, которые над ним делали помещики и чиновники. Удаление мое не изменило моих чувств; середь чужих, середь страстей, вызванных войной, я не свернул моего знамени. И на днях еще во мне английский народ всенародно приветствовал народ русский. Разумеется, моя хоругвь—не Ваша: я—неисправимый социалист. Вы—самодержавный император. Но между Вашим знаменем и моим может быть одно общее, именно—та любовь к народу, о которой шла речь. И во имя ее я готов принести огромную жертву. Чего не могли сделать ни долголетние преследования, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучные скитания из страны в страну, то я готов сделать из любви к народу. Я готов ждать, стереться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сделаете для России. Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... нам есть что

сказать миру и своим. Дайте землю крестьянам,—она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий, эти страшные следы презрения к человеку. Отец Ваш, умирая,—не бойтесь, я знаю, что говорю с сыном,—признался, что он не успел сделать всего, что хотел для всех своих подданных... Крепостное состояние явилось, как угрызение совести, в последнюю минуту. Он не успел в тридцать лет освободить крестьян!

Торопитесь. Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить!..

...Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться. Мы хотим вещей, в справедливости которых Вы так же мало сомневаетесь, как и все.

На первый случай нам и этого довольно... Быть может, на той высоте, на которой Вы стоите, окруженные туманом лести, Вы удивитесь моей дерзости; может быть, даже рассмеетесь над этой потерянной песчинкой из семидесяти миллионов песчинок, составляющих Ваш гранитный пьедестал. А лучше не смеяться. Я говорю только то, о чем у нас молчат. Для этого я и поставил на свободной земле первый русский станок; он, как электрометр, показывает деятельность и напряжение огненной силы... Несколько капель воды, не находящих выхода, достаточно, чтоб разорвать гранитную скалу.

Государь, если эти строки дойдут до Вас, прочтите их беззлобно одни и подумайте потом. Вам не часто придется слышать искренний голос свободного русского.

10 марта, 1855 г.

3. Через три года.

А. И. Герцен.

Статья эта была вызвана опубликованием рескриптов Александра II на имя виленского генерал-губернатора Назимова от 20 ноября 1857 г. и 6 декабря (т.-е. почти через три года после воцарения)—на имя петербургского ген.-губернатора Игнатьева, которыми было положено начало подготовительным работам по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Тон статьи об'ясняется повышенным настроением тогдашней русской интеллигенции, которая после длительного мрачного царствования Николая I испытывала потребность возложить на-

дежды на нового царя. Даже наиболее радикальные элементы, как напр. Чернышевский, тогда готовы были верить в царя и оставить революционную точку зрения. Замечательно, что в порыве упований ни Герцен, ни Чернышевский не заметили глубоко консервативного характера царских рескриптов. Статья была напечатана в «Колоколе» (15 февраля 1858 г.), первом свободном политическом органе. издававшемся Герценом в Лондоне (1857 — 67 гг.), но весьма популярном в России, имевшем огромное влияние на русскую общественную мысль.

(18 февраля 1858 г.).

Ты победил, Галилеянин! И нам легко это сказать потому, что у нас в нашей борьбе не замешано ни самолюбие, ни личность. Мы боролись из дела, — кто его сделал, тому и честь.

Середь общего сетования, прерываемого дикими криками бесновавшихся реакционеров и солдат, пьяных от крови, середь нелепой войны и глубокого падения всего западного материка, — мы, со страхом гадая, обращали взгляд наш на молодого человека, шедшего занять упраздненное место на железном троне, которого тяжелые ножки далеко вдавились в нашу грудь.

«От вас ждут кротости», говорили мы ему, «от вас ждут человеческого сердца, — вы необыкновенно счастливы». И робко, мучимые сомнением, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния».

И потом мы ждали с внутренним трепетом, надеясь, негодуя, прислушиваясь к движению, к вестям. После тридцатилетнего ожидания нетерпение простительно...

Книга Корфа оскорбила нас, она так грубо дотронулась до воспоминаний, святых нам, она так беспощадно напоминала нам свинцовое время, в которое мы столько страдали...

... А там это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мешающие ему итти вперед... Надежды удалялись, мы становились еще беднее и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями немых злодейств, совершающихся во мраке канцелярских тайн.

Но с того дня, как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он со стороны освобождения крестьян, что он его хочет, с тех пор наше положение к нему изменилось.

Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он

столько же наследник 14-го декабря, как Николая. Он работает с нами для великого будущего.

Имя Александра II отныне принадлежит истории; если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог,—все равно. Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут.

Но из этого не следует, чтобы он мог безнаказанно остановиться. Нет, нет, пусть он довершит начатое,—пусть полный венок закроет его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодействие закоснелых помещиков, их волчий вой не опасен. Что они могут противопоставить, когда против них власть и свобода, образованное меньшинство и весь народ, царская воля и общественное мнение?

И пуще всего общественное мнение. Лишь бы теперь нашим плантаторам и их противникам позволено было вполне высказаться, помериться... И тут, как во всем, поневоле бьешься в другое великое искомое современной России—в гласность. Гласность их казнит прежде, нежели дойдет дело до правительственного бича или до крестьянского топора.

Посмотрели бы мы, право,... (при свете дня) на этих защитников розог и крещеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами. Выходите же на арену, дайте на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поумнели со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши? Знаете, что до помещичьего права добираются, до вольности дворянской! Это мужика-то и не посечь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить! Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог—Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины, попробуйте не розгой, а пером, не в конюшне, а на белом свете высказаться. Померяемтесь!

Вам можно было отпустить грех неправого наследства, преемственного стяжания, преступления наших злодеев-отцов, наших извергов-матерей за раскаяние, за молчание, за уменье перенести потерю, за угрызения совести. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете

на себя всю ответственность. Вы никогда не осмеливались даже поворчать, когда ваших детей ссылали в Сибирь, когда с самими вами обращались, как с холопами, и вы осмеливаетесь теперь показывать зубы. История вас рассудит с императором Александром II и с народом русским,—смотрите только, как бы она для вас не настала слишком скоро. Подумайте об этом!

Что касается до нас,—наш путь вперед назначен: мы идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает; в этом мы последовательны всей нашей жизни. Как бы слаб наш голос ни был, все же он—живой голос, и как бы наш «Колокол» ни был мал, все же он слышен в России, и потому скажем еще раз, что мы убеждены, что Александр II неравнодушно примет приветствие людей, которые сильно любят Россию, но также сильно любят и свободу, «которым не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждут, ничего не просят».

Но ничего не прося, они желали бы, чтоб Александр II видел в них представителей свободной русской речи, противников всему, останавливающему развитие, всему, ограничивающему независимость, но не врагов! Они потому этого хотят, что им стало дорого мнение освободителя крестьян.

«Ты победил, Галилеянин»!

---

4. Общинное землевладение.

Ник. Гавр. Чернышевский (1857).

Нижепечатаемые строки представляют собою извлечение из статьи: «Славянофилы и вопрос об общине».

Выступая защитником крестьянской общины, Чернышевский сходился в этом вопросе со славянофилами, хотя он, говоря его словами, отрицательно относился «к тем примесям славянофильской системы, которые находятся в противоречии и с идеями, выработанными современной наукой, и с характером нашего племени». С другой стороны, не все огульно называемые «западники», к которым причисляли Чернышевского, признавали необходимым поддерживать общинное землевладение. — Чернышевский уже в ту пору пользовался громадным влиянием в кругах «разночинной» интеллигенции и проявил себя противником буржуазного строя. Убеждение Чернышевского, Герцена и др., что русская община является зародышем социалистического строя, об'ясняется слабым развитием в тогдашней России промышленности, еще совсем не коснувшейся «устоев» русской деревни.

У нас есть землевладельцы с юридическим полновластием английского или французского землевладельца (помещики, купцы и разночинцы, купившие себе землю, однодворцы, несколько тысяч крестьян, владеющие собственною землею), но они составляют, сравнительно с массою народа, еще очень немногочисленный класс, понятия которого о полновластной собственности отдельного лица над землею еще не проникли в сознание массы нашего племени. По праву полновластной собственности обрабатываются у нас уже миллионы десятин (все земли, обрабатываемые в пользу землевладельцев и разночинцев-землевладельцев; участки, оставляемые для собственного хозяйства помещиками, не могут быть причисляемы сюда, потому что и границы и различие между этими и общинными участками не одинаковы,—различие то возникает, то исчезает, смотря по тому, учреждается ли в селе оброк или барщина, да и при барщине разграничение участка помещика и участка его крестьян изменчиво),—но все эти миллионы десятин составляют еще незначительную, быть может, пятнадцатую, быть может, двадцатую часть в общей массе обрабатываемых земель, которые или распределяются для обработки или пользования по общинному началу (почти все земли, возделываемые на себя помещичьими и государственными крестьянами, и все земли, возделываемые на помещика барщиною, так же как и мирские запашки в казенных селениях), или принадлежат государству, т. е. всей нации (оброчные статьи). Масса народа до сих пор понимает землю, как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении, или пользование им под общинною обработкою так велико, что масса участков, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним, незначительна. Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае сельского быта. Существовал некогда он и на западе, по крайней мере, во многих странах Запада, но утрачен там в одностороннем стремлении к полновластной собственности отдельного лица.

Мы видим, какие печальные следствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возвратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас. Вопрос о земледельческом быте—важнейший для России, которая очень надолго останется государством по

преимуществу земледельческим, так что судьба огромного большинства нашего племени долго еще—целые века—будет зависеть, как зависит теперь, от сельско-хозяйственного производства.

Но того нельзя скрывать от себя, что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе. Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции.

В настоящее время мы владеем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают видеть избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности. Но при новой эпохе усиленного производства, в которую вступает Россия, многие из прежних экономических отношений, конечно, изменятся сообразно потребностям времени...

5. Двусторонняя оппозиция дворянства.

Первым учреждением, возникшим в связи с крестьянской реформой, явился начавший собираться в январе 1857 года. Особый комитет, год спустя переименованный в Главный комитет — «для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии». Затем, в конце 1857 года, были учреждены Губернские комитеты, под председательством губернских предводителей дворянства, в составе выборных членов от дворянства и депутатов, назначенных правительством. Наконец, при Гл. комитете были образованы Редакционные комиссии, имевшие задачей: рассмотреть материалы, поступившие из Губернских комитетов, вести сношения с членами и депутатами Губ. комитетов, вызванными в Петербург (по одному от каждого выраженного в данном комитете мнения), сделать общую сводку всех поступивших проектов реформы и составить проект общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.

В занятиях Ред. комиссий, составленных из представителей различных ведомств, приняли участие 38 «экспертов» по назначению от правительства из числа членов Губ. комитетов и вообще помещиков.

Членам Губ. комитетов, вызванным в Петербург, было запрещено иметь официальные совместные совещания. Каждому из них было дозволено высказываться лишь по той губернии, из которой он прибыл.

Указанный порядок прохождения подготовительных работ по реформе вызывал недовольство как в правых, так и в левых кругах дворянства.

А. ПРОТЕСТЫ ИЗ ЛАГЕРЯ КРЕПОСТНИКОВ.

«Всеподданнейший адрес» Д. Шидловского (1859 г.).

Автор этого адреса, приводимого здесь в извлечении, принадлежал к группе реакционного большинства Симбирского Губернского Комитета.

... На призвание твое, государь, осуществить мысль, богом внушенную твоему благолюбящему сердцу, устроить быт крестьян, дворянство русское радостно отозвалось и с ревностью приступило к исполнению своего долга. Ежели оно не вполне оправдало это доверие, то нельзя винить его. Оно было поставлено в невозможность устроить это дело в совершенстве: 1) административным влиянием правительственных лиц; 2) краткостью времени и 3) влиянием посторонних внушений, вкравшихся почти во все губернские комитеты. Но при всей неполноте трудов своих, комитеты составили проекты, которые, не отступая от высочайше указанных начал, стремились к осуществлению их. Дворянство надеялось, что избранные из среды комитетов депутаты, призванные в С. Петербург, исправят недостатки... но надежда эта не осуществляется. Вызваны были депутаты не все избранные дворянством, а члены от меньшинства Комитетов, часто представители собственных своих мнений. Дворянство унижено и оклеветано пред вашим величеством, ибо представлено о нем, как о сословии отсталом, желающем сохранить крепостное право, и которое, при составлении проектов положений, думало только о своих интересах и через это не улучшало, а ухудшало быт крестьян.

Положения Губернских Комитетов без всяких доказательств отвергнуты редакционными комиссиями и заменены предположениями, на началах, которые дворянству были неизвестны и которые не только оказываются неприменимы в большей части России, но заставляют опасаться за счастливый исход этого дела. Убеждение это, выраженное более или менее ясно в соображениях, представленных членами Губернских Комитетов Председателю редакционных комиссий, основано на видимом стремлении уничтожить сословное и имущественное значение дворянства, которое всегда было первым оплотом порядка и тех начал, под сению коих

Россия доживает свое тысячелетие. Кроме того, многосложность и неприменимость хозяйственно-распорядительных предположений, составленных редакционными комиссиями не на положительных и практических данных, а на личных воззрениях и соображениях их, а также преждевременное обнародование печатных трудов их, рассылаемых в губернии в огромном числе экземпляров, заставляют опасаться за возможность сохранения необходимого порядка, которое составляет залог всякого правильного и мирного преобразования.

В виду такой опасности и очевидного наплыва западных идей, стремящихся к потрясению порядка в государстве, слияние самодержавия с дворянством, как первым и самым естественным охранителем престола и отечества, необходимо... Удостой призвать, государь, к подножию престола твоего нарочито избранных уполномоченных от дворянства и кончи под личным твоим, государь, председательством дело, которое составит славу царствования твоего...

Б. НЕДОВОЛЬСТВО В РЯДАХ ЗАЩИТНИКОВ РЕФОРМЫ.

Записка А. М. Унковского, поданная государю (1857 г.).

А. М. Унковский состоял членом Тверского губернского Комитета и Редакционной Комиссии. В 1860 г. он был сослан в Вятку вследствие того, что, несмотря на запрещение дворянским собраниям касаться крестьянского вопроса, тверское дворянское собрание, под председательством Унковского, постановило добиться отмены указанного запрещения. Унковский принадлежал к тому прогрессивному меньшенству дворянства, которое готово было совсем покончить с крепостным строем и перейти к капиталистическому хозяйству. С этой точки зрения после реформы преобладание дворянства в русской жизни должно было быть основано не на юридическом закрепощении крестьян, а на имущественном и образовательном цензе.

Освобождение помещичьих крестьян, основанное на началах, изложенных в высочайших рескриптах и отношениях министра внутр. дел к генерал-губернаторам Виленскому и С.-Петербургскому, должно будет иметь следующие последствия: свобода будет дарована крестьянам на одних словах, а не в действительности...

По нашему мнению, освобождение русского крестьянина не иначе может быть соглашено с обеспечением поступления государственных прямых налогов и собственности помещика, как только

двумя способами: личным освобождением без всякого надела землею, с правом свободного переселения; или совершенным отделением крестьян от их владельцев, при наделе их необходимо нужным количеством усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли и с вознаграждением за это помещиков.

В первом случае свобода крестьянина неоспорима, и право владельца на землю совершенно обеспечено, ибо последний имеет ничем нестеснимое право распоряжения своею собственностью, которая и служит обеспечением государственных прямых налогов. Мы не защищаем этот способ освобождения, а потому и не распространяемся о нем, но указываем только на одну его возможность.

Во втором случае, при освобождении крестьян с землею с отделением их совсем от помещика, т. е. и уничтожением всяких взаимных их обязательных отношений—свобода крестьян, даже при большей или меньшей крепости их земле, неоспорима; помещик, получив за крестьян с землею капитальный выкуп деньгами или облигациями, по возможности, вознагражден, а исполнение крестьянами обязанностей перед правительством обеспечивается землею, отдаваемою им в собственность. Вот единственное и верное средство освободить крестьян не словом, а делом, не постепенно, а разом, единовременно и повсеместно, не нарушить ничьих прав, не порождая ни с какой стороны неудовольствий и не рискуя будущим России.

Справедливость требует, чтобы при таком освобождении крестьян помещики были вознаграждены как за землю, отходящую из их владения, так и за самих освобождаемых крестьян...

Ясно, что ценность всякого населенного имения, состоящего на крепостном праве, заключается не в одной земле, но и в людях, за которых помещик должен быть также вознагражден, как и за землю, тем более, что в некоторых местностях земля без людей не имеет никакой ценности. Конечно, освобождаемые крестьяне должны сами купить отходящую к ним землю; но кто же вознаградит помещиков за личную свободу крестьян и дворовых людей? Неужели можно допустить, чтобы в этом случае ценность людей была присоединена к ценности земли, и те же самые люди, у которых была отнята свобода,... были вынуждены выкупать свою неволю?.. Если это правило будет отвергнуто, то все дело дарованья свободы не будет справедливым восстановлением прав чело-

вечества, и сами освобождаемые люди поймут, что им продают, а не даруют свободу.

На основании непреложных начал справедливости восстановление нарушенных прав должно лежать на обязанности их нарушителей. Мы видим, что русский крепостной человек лишен личной свободы и сделан вещью вследствие распоряжений правительства русской земли, которым подчинился и сочувствовал весь народ. Мы видим, что учредило крепостное право само правительство, за действия которого должны ответствовать все сословия государства равномерно, тем более, что распоряжения правительства по этому предмету были совершенно согласны с нуждами, понятиями и правами всего народа и что освобождение крепостных людей составляет интерес всего государства.

Все вышеизложенное ведет к неоспоримому заключению, что, в видах сохранения справедливости, помещики должны быть вознаграждены за людей и землю, отходящих из их владения, и что вознаграждение за первых никак не должно падать на одних освобождаемых крепостных людей, а на все сословия государства и имущества всех родов без всякого различия...

Мы сказали, что вознаграждение убытков помещиков должно состоять из двух элементов: вознаграждения за людей и выкупа земли, отходящей из их владения, из которых первое должно падать на государство, а второе на самих освобожденных крестьян. По нашему мнению, это вознаграждение должно быть расчитано не иначе, как денежный капитал, и выдано помещикам облигациями, приносящими проценты и совершенно обеспеченными. Такая выдача капитала необходима для поддержания помещичьих хозяйств и приспособления их к обработке наемными руками...

Остается один и самый важный вопрос: где найти средства для вознаграждения помещиков?

К несчастию, многие отвергают изложенный нами единственно разумный способ освобождения крестьян только потому, что убеждены в недостатке наших государственных средств.

Убеждение это в частных людях основано на одних слухах, идущих от наших государственных людей, а у сих последних основано на одних официальных отчетах, всегда противоречащих действительности, и на недостатке средств по бюджету доходов и расходов государства. Этому убеждению сильно помогает и то, что мы всегда привыкли верить слухам и словам авторитетов,

созданных табелью о рангах, но никогда не осмеливаемся взглянуть в окружающую нас действительность и проверить их слова своими собственными глазами.

Средства государства существуют не в одном только доме, занимаемом государственным казначейством, и не в одних только цифрах, значащихся в бюджете его доходов. Мы не расчитываем на эти средства. Источники государственного богатства, о которых мы говорим, рассеяны по всей нашей империи. Они существуют во всех местностях и видимы на каждом шагу. На отдельных местностях они видимы даже лучше, нежели в графах министерских отчетов. Стоит каждому поглядеть внимательно вокруг себя, и они увидят, что эти средства даже превышают потребности, но что потребности часто не удовлетворяются только вследствие невыгодных распоряжений средствами.

Мы видим, что весьма часто строятся огромные общественные здания, которые впоследствии ничем не занимаемы; мы видим, что каждое сооружение стоит для казны впятеро более, нежели для частных лиц; мы видим казенные фабрики и заводы, приносящие одни убытки и доставляющие только теплые места чиновникам; мы видим государственные леса, служащие только предметом расхищения; мы видим ясно и положительно, что самая значительная статья государственного дохода—винный откуп—не приносит половины следующего с него дохода; мы видим множество чиновников, не нужных для службы и ничего не делающих, но получающих большие содержания, тогда как, с другой стороны, множество чиновников, на которых опирается вся администрация, лишены всякой возможности существовать и выпущены на грабительство. Наконец, мы видим, что все эти невыгодные распоряжения суммами, грабежи чиновников, бездна совершенно случайных и потому неравномерных натуральных повинностей, от которых жители откупаются втихомолку суммами, вчетверо и впятеро превышающими их стоимость, не в состоянии подавить благосостояние России и разрушить окончательно источник ее богатства. Значит, мы богаты! Значит, люди, говорящие о неимении государственных средств, не знают ни государства, ни его производительных сил...

6. Крестьянские волнения в дни освобождения от крепостной зависимости.

По книге Ел. Коц „Крестьянское движение“.

Крестьянское движение крепостной эпохи коренилось в противоречии между потребностями экономического развития и застывшими формами крепостного хозяйства. Субъективно оно чаще всего ставило себе целью избавление от крепостной зависимости данного помещика. Освобождение крестьян, продиктованное правительству властными требованиями жизни, должно было в большей или меньшей степени разрешить это противоречие, дав выход развитию производительных сил. Вместе с тем и крестьяне получали долгожданную «волю», чем как бы устранялись всякие поводы для новых волнений. Но на деле вышло иначе. Весь период 61—63 г.г., связанный с опубликованием манифеста и первыми шагами его осуществления, представляет сплошную полосу крестьянских волнений, широко разлившихся по всему пространству России...

...Из всех волнений описываемого периода выделяется так называемое Бездненское волнение и по длительности, и по размаху, и по психологическим подробностям, и по трагической своей развязке, внесшей символическое название неведомого до того села в кровавые летописи истории...

Слухи о воле начались здесь за три года до 1861 г. Толковали, что царь разными способами пытался пересылать волю народу, но всякий раз господа ее перехватывали. Особенно обострилось ожидание 19 февраля 1861 г.; ждали волю в церквах и на большой дороге. Но она не пришла—манифест был опубликован лишь 9 марта. Это окончательно убедило крестьян, что волю от них утаили... Появились толки о полной воле, т.-е. о немедленном прекращении всех крепостных отношений, о праве собственности на все земли и леса, о праве на раздел господских выгонов и даже господского хлеба. Отсюда делались и соответствующие практические выводы. Крестьяне перестали ходить на барщину или отбывали ее небрежно, местами приступили к дележу лесов, говоря, что «везде леса стали вольными, потому что их бог для всех растил», и т. п. В таком настроении застал крестьян манифест. Не найдя ни в нем, ни в «Положении» ответа на свои чаяния, крестьяне решили, что сейчас дана «бабья воля, а мужичья воля будет только через два года». Наряду с этим создалась

версия, что господа хотят скрыть на два года присланную царем «мужичью волю». И начались ее поиски. Устраивались тайные чтения и приглашались чтецы, которые должны были вычитать по таинственной книге побольше «правов». Тут и появляется на сцену Антон Петров.

Антон Петров—местный народный герой, в защиту которого стеной стали десятки тысяч крестьян, был «ледащий мужиченка», смирный и робкий. Он был сектантом и, несмотря на свою усидчивость в чтении священного писания, не отличался ни большой грамотностью, ни развитием. И вот этот нервный и экзальтированный человек только потому, что он случайно, бродя в мистическом тумане, натолкнулся на мысль, выразившую удачно общее напряженное устремление, возвысился до роли чуть не народного вождя, до роли мученика, вокруг имени которого сплетались легенды.

Антон Петров был чтецом и толкователем «Положения». Сам он, подобно всем остальным, был убежден, что в присланной от царя книге обязательно должна быть объявлена где-нибудь истинная воля. Целые дни вчитывался он в «Положение» и, наконец, нашел. Он нашел то слово, которое искал, — слово «воля», встречающееся во всем «Положении» только один раз. Текст гласил: «из них отпущено после ревизии на волю дворовых—00, крестьян—00». Внизу страницы стояло царское «быть по сему». Над непонятными знаками 00 стоял другой непонятный знак 10%. И это послужило материалом для толкования, эти нули, «оники», стоили жизни сотням людей. Толкование Антона Петрова сводилось к следующему: 10% означает печать святой Анны, приложенную к грамоте о воле, подписанной самим царем («быть по сему»); фразу же «отпущено после ревизии на волю» надо понимать в том смысле, что воля вышла еще при последней ревизии, в 1858 г., т. е. господа скрывали волю уже два года. Кроме того, то место «Положения», где сказано, что со дня обнародования «Положения» прекращается... не читая дальше, Петров толковал так, что «все прекращается». И вот такое жалкое, безграмотное толкование прославило несчастного Антона, как чтеца, отыскавшего истинную волю. Потянулись к нему ходоки от крестьян, со всех сторон толпами стекался народ в Бездну, даже из других губерний. И всем Петров закладывал соломинкой потайные листы.

Основываясь на толковании Петрова, крестьяне стали еще смелей в своих действиях, чем были до того. В некоторых местах

они приступили к дележу господского имущества, полагая, что имеют право получить возмещение за свой «даровой труд» на помещика в течениие двух последних «вольных» лет. Каждый был убежден в своем праве взять барские земли, леса, хлеба, амбары, риги и прочее имущество, оставив помещику только его усадьбу, и то не всегда. Местами смещались сельские власти и заменялись самостоятельно выбранными, но привычное почтительное отношение к остальным местным властям не нарушалось. Отношение же к помещикам, «утаившим волю», было озлобленное, хотя оно и не выливалось в форму каких-либо эксцессов. Все ограничивалось разговорами: «Дворян резать, вешать, рубить топорами»...

«Царь велел дворян не миловать, а головы рубить»...

Когда слух о толковании Петрова достиг начальства, был отдан приказ об его аресте. Однако, крестьяне не выдали его ни рассыльному, ни полицейскому чиновнику, ни исправнику, ни уездному предводителю дворянства. Напуганный толками бежавших из имений помещиков о новой пугачевщине, казанский военный губернатор принял чрезвычайные меры. В Бездну отправился генерал граф Апраксин. В его распоряжение назначено было до 2000 солдат. Но торопясь подавить движение, он явился туда с незначительным войском—всего 231 человек. Крестьяне, в свою очередь, приняли меры для защиты своего легендарного героя. Во все концы рассылались ходоки за подмогой... Крестьяне говорили, что «кто не придет, тому царь и воле не даст». Они шли на защиту, охотно исполняя как бы свой долг. Среди них молодых почти не было; большинству было лет за сорок. «Шли они, как на праздник, на богомолье: новые кафтаны, нарядные кушаки, в руках узелки с хлебом»...

Многие шли в Бездну еще и потому, что, по слухам, царский посол 12-го должен был «объявлять волю». В Бездне скопилось до 10000 человек. Настроение было мирное, серьезное. Пьяных не было. Около избы Антона был учрежден постоянный караул, правильно сменявшийся. Оружия заготовлено у крестьян не было, и, повидимому, они не замышляли никаких враждебных выступлений против власти да и вообще не имели никакого определенного плана действий...

На обычные, весьма краткие увещания Апраксина крестьяне отвечали единогласным дружным криком «воля!». Тогда Апраксин отдал приказ стрелять. Масса народа была так велика, что заго-

раживала собою четыре соседних усадьбы. Крестьяне стояли на земле, на санях, телегах, на заборах, воротах и крышах домов. Это была сплошная мишень из человеческих голов—амфитеатр в 40 саженей шириной и в 4—5 саженей вышиной; ни одна пуля не могла пролететь мимо, а при близости расстояния и силе зарядов каждая могла убить двух, трех человек. Первые три залпа толпа выдержала спокойно, но потом ее охватила паника. Бежать назад и в сторону было невозможно, толпа шарахнулась к фронту; солдаты открыли «беглый огонь», люди прыгали с крыши, кувыркались, падали среди дыма, воплей и грохота. Раздалась команда бить отбой, и барабанщик пробил дробь. Тогда из избы вышел сам Антон Петров, неся «Положение» над головой. Он был в длинной рубахе поверх одежды, как сектанты одевались на молитву, «Положение» нес на голове, как евангелие, и бессознательно бормотал: «Истинная воля, истинная воля». Его отправили в острог.

По официальным данным убитых было 51, ранено 77, но фактические цифры были много выше, особенно относительно раненых, многие из которых не зарегистрированы. Трупы были немедленно убраны и поле битвы очищено, для чего собраны деревенские бабы и им приказано убрать с улицы лужи крови. Женщины и дети не пострадали при побоище, так как бездненские мужики из осторожности удалили их еще до прибытия войск. Помощь раненым была оказана лишь самая элементарная, потому что врач прибыл только через три дня, а хирургические инструменты—через две недели. На крестьян Бездны в наказание возложена была повинность развозить убитых и раненых по их деревням, как бы издалека они ни были. И вот опять штрих общественной солидарности. Крестьяне попутных деревень смотрели на эту повинность, как на мирское дело, перенимали бездненские подводы и давали мирских лошадей, их же отправляли домой, «потому что Бездна служила общему делу». В «замиренной» области наступила тишина. Конечно, это была тишина могилы, но усмирители были довольны—они добились повиновения и рассеяли «нелепые ожидания» крестьян. Во многих имениях был установлен разорительный постой. А в душах крестьян что-то надломилось—поколебалась, быть может, их беззаветная вера в «царя».

Петрова судили военно-полевым судом. 19 апреля его расстреляли в Бездне в присутствии согнанной силою сотни крестьян...

В крестьянах не было никакого озлобления против Петрова; его, как и остальных убитых крестьян, жалели, считали, что «они приняли венец мученический за мир православный«. «То дело всегда прочней, в которое человеческая кровь попадет,—говорил один старик,—без крови царь бы не узнал, что у нас делается, а теперь, может быть, он и заступится за нас, пожалеет о крови— вспомнит и об воле». Крестьяне села Бездны испросили разрешения выкопать столб, у которого расстреляли Петрова, желая «якобы уничтожить этот памятник своих заблуждений и неразумия». На самом же деле этот столб был обернут ими чистым холстом, обвязан веревкою, запечатан сургучными печатями и помещен на хранение в волостное правление. Старики говорили: «Вот приедет от царя великий князь узнать правду, тогда мы ему и покажем на столбе дробовые знаки вместе с клочками Антона Петрова». Они еще верили в «царскую правду», эти темные, наивные люди, верили своей большой и трагической верой, которая пережила еще много расстрелов, создала еще сонмы мучеников.

Благодарное дворянство устроило Апраксину торжественный обед. В ответ на это казанская интеллигенция отслужила панихиду по невинным жертвам. Присутствовало до 400 человек. Поминали «убиенных за свободу и любовь к отечеству». После панихиды преподаватель Щапов произнес речь, ходившую потом в списках по городу. Щапов и священник понесли суровые наказания, пострадали и многие учащиеся, присутствовавшие на панихиде. Зато Апраксин получил Владимира 3-й степени. Память о Петрове надолго сохранилась в местном населении...

II. На заре революционного движения.

1. Из воспоминаний Н. В. Шелгунова.

... До 1860 г. общественное внимание было занято освобождением крестьян. теперь же, когда все основания освобождения определились и шла редакционная работа «Положения 19 февраля», у общества явился досуг подумать и о другом. Поэтому с 1860 г. начинается как бы иной «период» в работе общественной мысли. Работа эта не представляла особенной трудности, потому что ее программа была очень проста и заключалась всего в одном слове: «свобода». Внизу освобождались крестьяне от крепостного права, вверху освобождалась интеллигенция от служилого государства и от старых московских понятий. И более великого момента, как этот переход от идеи крепостного и служилого государства к идее государства свободного, в нашей истории не было, да, пожалуй, и не будет. Мы, современники этого перелома, стремясь к личной и общественной свободе и работая только для нее, конечно, не имели времени думать, делаем ли мы что-нибудь великое или не великое. Мы просто стремились к простору, и каждый освобождался, где и как он мог и от чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, так сказать, единоличная, потому что каждый действовал за свой страх и для себя, но именно от этого общественное движение оказывалось сильнее, неудержимее, стихийнее. Идея свободы, охватившая всех, проникала повсюду, и совершалось действительно что-то небывалое и невиданное. Офицеры выходили в отставку, чтобы завести лавочку или магазин белья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательством или основать журнал.

Петербургские читатели, вероятно, помнят магазин «Феникс» на углу Невского и Садовой (в окне этого магазина стояло какое-то чучело, вроде водолаза), и покупатели этого магазина, конечно, не подозревали, что маленький, скромный и совсем штатский хозяин его был офицером. Тут же на Невском помещался книжный магазин для иногородних, открытый тоже офицером; на том же Невском явился еще книжный магазин Серно-Соловьевича...

...Освободительный порыв только и поддерживался общественно-гуманными идеалами, только они создали все реформы, и только благодаря освободительным, гуманным идеалам Россия шестидесятых годов выдвинула такую массу замечательных людей в литературе, в журналистике, в художестве, в музыке, на общественном поприще и в сфере государственных преобразований. В короткий период трех-четырех лет обществу была дана такая масса идей, понятий и знаний, большая часть которых и до сих пор не дождалась практического осуществления. К этому же времени принадлежат первые попытки женщин к высшему образованию. В начале шла пока речь о допущении женщин слушать лекции в университете, против чего, замечу кстати, Ив. Аксаков написал статью в газете «День». Был поднят вопрос даже о вольном университете... Но и в то время, богатое людьми, смелыми, энергическими, решительными, людей почина было не особенно много.

К этим людям принадлежал Николай Серно-Соловьевич (его очень любил и ценил Герцен). Книжный магазин, который устроил Серно-Соловьевич, был делом не торговым, а идейным; таким же идейным делом были для Серно-Соловьевича воскресные школы, в которых он принимал самое деятельное участие (мысль об устройстве воскресных школ принадлежала профессору Павлову).

...Александр II сам разжигал революционное чувство, возбуждая преувеличенные ожидания. Освобождение совершилось в такой тайне, и общее внимание было так напряжено, что каждый ждал гораздо большего, чем получил. Неудовлетворение вызвало недовольство, а недовольство создало революционное брожение. Вот источник эпохи прокламаций. Кому принадлежит первая прокламация неизвестно; но прокламации, точно по уговору, явились все в одно время. Все они принадлежали очень небольшому кружку людей, действовавших отдельно и в глубокой тайне.

Паника и надежды были гораздо сильнее, чем бы им следовало быть. И правительство преувеличивало опасность, и молодежь ошибалась насчет силы, за которой она готова была итти...

...В ту же зиму, т. е. в 1861 году, я написал прокламацию «к солдатам», а Чернышевский прокламацию к «народу»...

...В ту же зиму я написал прокламацию «К молодому поколению», но мы решили печатать ее в Лондоне «в русской печатне». Об этой прокламации никто не знал, кроме Михайлова и меня...

...Герцен не одобрил прокламации, он уже пережил тогда революционный переход и в «Колоколе», и в «Полярной Звезде» соблюдал собственно правительственный авторитет снимал с него ореол священности и демократизировал власть. Но мы не переживали 1848 г. в Европе, подобно Герцену, и потому верили в то, во что он уже не верил. Мы пенились, Герцен перестал пениться. Конечно, правда оказалась на стороне того, кто пениться перестал. А пока мы пенились и верили и считали себя «накануне». Укажу следующий случай, забегая вперед. В 1861 году несколько литераторов задумали издавать артельный журнал. Новые журналы уже тогда разрешали с трудом. Вейнберга «Век» шел плохо, и артель приобрела его. Артель состояла из 32 литераторов, и замыслы были чисто литературные, но не все думали так; редактором был избран Елисеев. Елисеев вел в «Современнике» внутреннее обозрение. Чернышевский говорил о нем, что это—единственный человек, который умеет писать. Пожалуй, это была правда. В Елисееве было много лукавства и критического смысла. Он очень хорошо отличал возможное от невозможного и вообще не увлекался, может быть, оттого, что был много старше нас всех. Впрочем, Елисеев пенился по своему и был большой мастер подзадоривать, оставляя для себя лазейку. Таким же он был и в своих статьях, а мы же писали слишком прямо. Кажется, уже после первого номера «Века» обнаружился в артели раскол. Елисеев хотел, чтобы руководящее главенство оставалось за «Современником». «Век» только повторял его. К Елисееву пристал кружок Курочкина и... Другие хотели итти дальше «Современника» и сделать «Век» органом крайних. Во главе других стоял Николай Серно-Соловьевич. Вначале споры бывали хотя и горячие, однако, бури еще не предчувствовалось. Но вот раз Елисеев не принял статьи Энгельгардта и, как помнится, статьи Н. Серно-Соловьевича. Наша партия зашевелилась. В ближайшее

заседание — заседания производились у Елисеева — мы явились с перунами, и буря разразилась. Когда Елисеев спросил, для чего нам нужен свой орган, Серно-Соловьевич ответил, что он нужен нам «на случай восстания». Может быть, Соловьевич ответил и не этими словами, но смысл был тот. Мы серьезно считали себя «накануне». Этот маленький эпизод из эпохи шестидесятых годов случился после распространения прокламации «К молодому поколению», в то время, когда судился Михайлов. То было время самого славного возбуждения...

2. Ранние прокламации.

А. ИЗ ПОДПОЛЬНЫХ ЛИСТКОВ «ВЕЛИКОРУСС» (1861).

Составители этих подпольных листков в точности не установлены. Существует мнение, что они прошли чрез руки Н. Г. Чернышевского *).

«Великорусс» № 1.

Помещичьи крестьяне недовольны обременительною переменою, которую правительство производит под именем освобождения; недовольство их уже проявляется волнениями, которым сочувствуют казенные крестьяне и другие простолюдины, также тяготящиеся своим положением. Если дела пойдут нынешним путем, надобно ждать больших смут. Правительство ничего не в силах понимать, оно глупо и невежественно, оно ведет Россию к пугачевщине. Надобно образованным классам взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний; если общество не сделает этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести национальные дела разумным образом, впадает в необходимость держаться системы стеснений.

Если образованные классы почтут себя бессильными и не почувствуют в себе решимости обуздать правительство и руководить им, тогда патриоты будут принуждены призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы. Сначала же попробуем: быть может, просвещенная часть нации не почтет себя

*) Ср. А. Хоментовская, Н. Г. Чернышевский и подпольная литература начала 60-х годов (Исторический архив. Изд. Главного Управления Архивным Делом, 1919 г., кн. первая).

бессильною. На деле, она гораздо сильнее правительства, тупого и трусливого. Так, просвещенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуем отмены таких-то и таких-то вещей, мы хотим замены их такими-то и такими-то. Требование будет исполнено. Мы не поляки и не мужики.

В нас стрелять нельзя.

Программу действий, конечно, должно определить для себя само общество. Итак, мы будем ждать его решений. Теперь пока поставим два из вопросов, особенно нуждающихся в решении:

Должна ли состоять сущность нового порядка вещей, которого одинаково желают и народ и образованные классы, в устранении произвольного управления, в замене его законностью и способна ли нынешняя династия отказаться от произвольной власти добросовестно и твердо?

Сообразно тому или другому решению этих вопросов, определятся и способы действия, а определив способы действия, общество найдет в себе и силу действовать.

«Великорусс» № 2.

...Помещичьи крестьяне, по своему понятию об ожидаемой ими к весне 1863 г. воле, разделяются на две партии. Одна думает, что вся земля поместья должна перейти в собственность крестьян, т. е. и земля, бывшая в пользовании помещика; никакого выкупа за землю платить крестьяне не должны; помещики, потеряв решительно всю землю, удалятся из сел в города; вознаграждение получат они от государства (по выражению крестьян, царь возьмет помещиков на свое жалованье). Партия, непременно ждущая такого решения, очень многочисленна между крепостными крестьянами; она неизбежно возьмет верх, если нынешнее положение дел продолжится. Другая, так сказать, умеренная партия полагает, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какой они пользовались при крепостном праве, со всеми угодьями, в пользовании которых они участвовали, т. е. с рыбными ловлями и частью леса; но земля, которою пользовался сам помещик, может, по их мнению, остаться за ним. О выкупе и эта партия думает точно так же, как и первая, т. е. совершенно его отвергает. Теперь эта умеренная партия слабее первой, но можно надеяться, что она привлечет к себе всех крестьян, если вопрос будет разрешен чисто в ее духе.

Эта надежда основывается на том, что крестьяне еще не организовались для общего восстания, эпохою которого будет лето 1863 г., если весна его обманет их. Но должно помнить, что выкуп отвергают единодушно все крестьяне. О требовании с них выкупа нечего и думать людям, желающим, чтобы они остались довольны решением вопроса. Если же крестьяне останутся недовольны, законный порядок не может водвориться путем мирных реформ, потому что удерживать крестьян в спокойствии надобно будет, как теперь, военными мерами. А власть, действующая такими мерами против массы населения, не будет соблюдать законности ни в чем. В таком случае законность будет введена только вследствие революции.

Итак, для мирного водворения законности необходимо решить крестьянский вопрос в смысле, удовлетворительном по мнению самих крестьян, т.-е. государство должно отдать им, по крайней мере, все те земли и угодья, которыми пользовались они при крепостном праве, и освободить их от всяких особенных платежей или повинностей за выкуп, приняв его на счет всей нации...

...Все согласны в том, какие черты законного порядка должна установить конституция... Но чего требовать? Того, чтобы государь даровал конституцию, или чтобы он предоставил нации составить ее?.. требовать надобно не оптроирования конституции, а созвания депутатов для свободного ее составления...

„Великорусс“ № 3.

Мнения о том, способна ли нынешняя династия отказаться от произвольной власти добросовестно и твердо, очень разделены. Многие из конституционалистов думают, что нынешний государь сам расположен к конституционному порядку и способен верно соблюдать его правила. Они основываются на неопределенных, но многочисленных анекдотах о произнесенных будто бы им разных словах в этом смысле; основываются также на его личном характере, который называют они добрым, мягким, наклонным к спокойному пользованию почетностью и материальными выгодами своего положения. Другие находят, что анекдоты о мнимых конституционных намерениях нынешнего государя неосновательны. Не отвергая добрых качеств его характера, эти лица убеждены,

что быть приверженцем конституционного правления он не может; что это было бы противно и воспитанию, полученному им в духе безусловного самодержавия, и приобретенной им привычке пользоваться неограниченной властью, и всем фамильным его преданиям, и всем свойствам придворной среды, из которой он не хочет и не может выйти; что это их убеждение подтверждается всеми действиями его царствования, которые часто были следствием хороших намерений, но все были проникнуты боязнью политической свободы и безусловным ее отрицанием (почему и остались совершенно бесплодны)...

... Одни думают, что низложение династии—дело легкое при настоящем раздражении простого народа, озлоблении помещиков, недовольстве образованного класса и расстройстве финансов. Другие находят, что, при всем изобилии революционных начал в нации, просвещенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремление, к которому уже так близок народ.

Видя такое разделение между друзьями свободы, комитет думает, что для блага нации надо дать время проверить свои мысли людям, считающим сохранение династии вещью, совместною с конституционным правлением. Если нынешний государь добросовестно откажется от произвола, проигрыш республиканской партии будет не очень велик. Истинно конституционная монархия мало отличается от республики. Что касается комитета, он, вместе с передовою частью патриотов, уверен, что законность и нынешняя династия—вещи, которых нельзя соединить. Тем не менее он убеждает передовых патриотов ограничиться на первое время только тем, чтобы помогать умеренной партии, желающей сделать такую пробу. Время, употребленное на этот опыт, не будет потеряно для политического воспитания массы. Сами факты пусть раскроют глаза людям, питающим ошибочную надежду на династию. Всего важнее, чтобы друзья свободы действовали заодно. Для этого передовые прогрессисты должны подождать (ждать придется недолго), пока отставшие от них в своем политическом развитии конституционалисты будут приведены событиями к принятию истины, которую теперь они еще не замечают. Быть снисходительными и терпеливыми—дело тех, которые убеждены, что довольно скоро всеми будет признана верность их взгляда.

Сообразно этому следует на первый раз испытать мирные средства. Должно подать государю адрес.

..... Долго медлить решением нельзя: если не составят образованные классы мирную оппозицию, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины к восстанию, народ неудержимо поднимется летом 1863 года. Отвратить это восстание патриоты не будут в силах и должны будут позаботиться только о том, чтобы оно направилось благотворным для нации образом.

Б. К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ.

Написанная известным публицистом Н. В. Шелгуновым, прокламация была отпечатана в Лондоне А. И. Герценом, не считавшим, впрочем, ее целесообразной, а затем привезена в Россию поэтом-переводчиком М. Л. Михайловым, который, будучи арестован, признал себя автором прокламации, чтобы не выдать Н. Шелгунова, и был приговорен к каторжным работам.—Прокламация приводится здесь в сокращенном виде.

...Освобождение крестьян и последние четыре года показали, что новое правительство, при своем настоящем составе и при тех правах, которыми оно пользуется, решительно никуда не годится.

России правительство не знает и знать не хочет, общественного мнения для него не существует, как не существует для него русского общества, как не существует для помещика мнения его крестьян.

Мы не знаем ни одного сословия в России, которое не было бы оскорблено (императорской властью). Обижены все. Последняя обида нанесена как раз в то время, когда (императорская) власть думала, что она творит великое дело, что она кладет первый камень великому будущему России. Мы не отвергаем важности факта, заявленного манифестом 19-го февраля; но мы видим важность его не в том, в чем видит важность его правительство. Освобождение крестьян есть первый шаг к великому будущему России или к ее несчастию; к благосостоянию политическому или экономическому и политическому пролетариату. От нас самих зависит избрать путь к тому или другому... Сословия уже начинают понимать, какую роль они играли до сих пор; освобожденные крестьяне уже думают о своем безвыходном положении,—они недовольны везде; все ждут чего-то. Императорская Россия разлагается... Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло, но пусть же оно не медлит. Если Александр II

не понимает этого и не хочет добровольно сделать услугу народу... тем хуже для него. Общее неудовольствие могло бы еще быть успокоено, но если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет общее восстание, недовольные будут последовательны,—они перейдут к крайним требованиям. Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло, но пусть же оно не медлит.

Но, с другой стороны, и мы должны помнить, что имеем дело с правительством, которое временными уступками будет успокаивать нас, из личных, временных выгод готово испортить все будущее всей страны,—для 10 подлецов ничего не значит счастье миллионов.

Молодое поколение! не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию; вы—настоящая ее сила, вы вожаки народа, вы должны об'яснить народу и войску все зло, сделанное нам императорской властью, вы должны показать народу, что тут нет никакого помазания, что бог познается в делах общего блага, в делах добрых, а где добра нет, там действует злая сила—дух тьмы, а этот-то дух и есть русская императорская власть в том виде, как она существовала до сих пор.

Вы должны об'яснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающие, чтобы он владел землей, а не находился в вечной зависимости от землевладельцев; есть люди, желающие убавить ему подати и всякие платежи, водворить правду в суде, избавить народ от лишних нянек и опекунов.

Не забудьте и солдат. Об'ясните им, что и у них есть доброжелатели, которые бы хотели убавить солдатам срок службы, дать им больше жалованья, избавить их от палок...

До сих пор народ наш жил своею жизнью, не мешаясь в дела правительства и не понимая их, и он был прав. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тем русская мысль зрела, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидели, что и у них не ладно, и тут-то мы поняли, что имеем полнейшую возможность избегнуть жалкой участи Европы настоящего времени..

Европа не понимает да и не может понять наших социальных стремлений; значит, она нам не учитель в экономических вопросах. Никто не идет так далеко в отрицании, как мы, русские. А отчего это? Оттого, что у нас нет политического прошлого, мы не связаны никакими традициями, мы стоим на новине и, нисколько не пленяясь немецкими садиками и рощами, хотим разделять свое поле не по немецкой методе, не в заграничном вкусе, а как делилась земля встарь, когда еще людям не было тесно,— и мы можем сделать это. Вот отчего у нас нет страха перед будущим, как у Западной Европы; вот отчего мы смело идем навстречу революции; мы даже желаем ее...

Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и действующая в интересах народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть из самих нас—выборная и ограниченная.

Мы хотим свободы слова, т. е. уничтожения всякой цензуры.

Мы хотим развития существующего уже частью в нашем народе начала самоуправления. Если крестьяне имеют это право, если они избирают сами от себя старшин и голов, если общинам предоставлено право гражданского суда и полицейской расправы, зачем же этими правами выборного начала и самоуправления не пользуется вся остальная Россия? Или все остальное население хуже понимает свои потребности и потребности страны? Или в нем меньше смысла, чем в земледельческом населении?.. Наша сельская община есть основная ячейка; собрание таких ячеек есть Русь. Везде должно проходить одно начало. Вот что нам нужно.

Мы хотим, чтобы все граждане России пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированных сословий не существовало, чтобы право на высшую деятельность давали способности и образование, а не рождение; чтобы назначение на общественные должности шло из выборного начала. Мы не хотим дворянства и титулованных особ. Мы хотим равенства всех перед законом, равенства всех в государственных тягостях, в податях и повинностях.

Мы хотим, чтобы денежные сборы со страны не шли неизвестно куда, чтобы их не крали; чтобы правительство давало народу отчет в собранных с него деньгах.

Мы хотим открытого и словесного суда, уничтожения императорской полиции—явной и тайной, уничтожения телесного наказания.

Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту; чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины, т. е. или приписаться к общине существующей, или несколько граждан могли бы составить новую общину. Мы хотим сохранения общинного владения землею, с переделами через большие сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общинного владения землею есть заблуждение, пусть она кончится сама собой, умрет вследствие собственной несостоятельности, а не под влиянием экономического учения Запада.

Мы хотим, чтобы девять миллионов десятин свободных земель Европейской России (оброчные статьи) были отданы дворовым людям, пущенным манифестом 19 февраля по миру.

Мы хотим уничтожения переходного состояния освобожденных крестьян; мы хотим, чтобы выкуп всей личной земельной собственности состоялся немедленно...

Мы хотим полного уничтожения следов крепостного права, уничтожения развитого им неравенства в землевладении; мы хотим полного обновления страны. Мы хотим уничтожения мещанства, этой неудавшейся русской буржуазии, задуманной Екатериной II. И какие они tiers état (третье сословие)? Те же крестьяне, как и все остальные, но без земли, бездействующие, гибнущие с голоду. Им должна быть дана земля.

Мы хотим сокращения расходов на бесполезную громадную армию...

Мы хотим, чтобы офицеры армии и гвардии поняли свое истинное назначение; чтобы они поняли, что они не царское войско, исполняющее капризы императорской власти, а народная стража; что они служат не на угнетение слабого, а на его защиту против обид сильных и власти, эксплоатирующей его труд и время...

Но кому мы указываем эту программу? Кто станет ее выполнять? Где у нас люди, понимающие свои гражданские и человеческие права и способные предъявить свои требования? Дворянство? Нет, в дворянство мы не верим, — оно показало уже свое бессилие, непонимание своих выгод и неумение пользоваться обстоятельствами.

Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий; затем все угнетенные, все, кому тяжело нести крестную ношу русского произвола,—чиновники, эти несчастные фабричные канцелярий, обреченные на самое жалкое существование и зависящие вполне от личного произвола своих штатских генералов; войско, находящееся совершенно в таком же положении, и 23 миллиона освобожденного народа, которому 19 февраля 1861 г. открыта широкая дорога к европейскому пролетариату.

Обращаемся еще раз ко всем, кому дорого счастье России, обращаемся еще раз к молодому поколению. Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку... Довольно корчить либералов, наступила пора действовать. И кто выдумал, что правительство сумеет сделать что-нибудь нужное само по себе?

Не питайте в себе пустой надежды, этого предательского, усыпляющего чувства, не переносите своих благородных стремлений на ватагу негодяев, называемых русскими министрами и русскими правителями. Или вы не видите, что власть скудоумна и смеется над вами? Нет, с такими господами нечего церемониться, пора с ними кончить, пора приступить к делу теперь же, не теряя ни минуты. Говорите чаще с народом и с солдатами, объясняйте им все, что мы хотим, и как легко всего этого достигнуть: нас миллионы, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала, в мнении народа, всех этих сильных земли, недостойных править нами, объясните народу всю незаконность и разврат власти, приучите солдат и народ понять ту простую вещь,—что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как из носа мужицкого. Если каждый из вас убедит только десять человек, наше дело и в один год подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами к той роли, какую вам придется играть; зрейте в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все; и поведут их и вас на великое дело, а если нужно—и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря! Ведь в комнате или на войне, право, умирать не легче!

В. «МОЛОДАЯ РОССИЯ».

Прокламация «Молодая Россия» была написана студентом московского университета П. Г. Зайчневским, который вместе с П. Е. Аргиропуло принадлежал к кружку, возникшему в 1861 г. и занявшемуся воспроизведением противоправительственных сочинений. В том же году большая часть кружка была арестована. Зайчневский также был схвачен и, находясь в заключении, он написал упомянутую прокламацию, которая была вскоре передана на волю и напечатана в 1862 г. Зайчневский был уверен, что в 1863 г. неминуемо произойдет восстание крестьян. В отличие от «Великорусса», «Колокола» и общества «Земля и Воля», Зайчневский и его кружок не надеялись на «образованные классы» и конституционную программу, а стремились непосредственно к народной революции в социалистическом духе. Зайчневский был приговорен к каторжной работе сроком на один год и с последующим поселением в Сибири. Здесь приводится лишь небольшое извлечение из прокламации.

Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой... Между этими двумя партиями издавна идет спор,—спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встает вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику русскую, с Пугачевым—за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в тридцатых годах, за их притеснения; она встанет с благородным Антоном Петровым *) и против всей императорской партии.

К этой безурядице, к этому антагонизму партий, антагонизму, который не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие, владеющие капиталами, являются распорядителями участи остальных, присоединяется и невыносимый общественный гнет, убивающий лучшие способности современного человека.

---

*) См. выше № 6.

Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один—революция, революция кровавая и неумолимая,—революция, которая должна изменить радикально все, все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!...

...Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос.

Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которых пользуются одинаковыми правами.

Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин; на его долю по распоряжению мира назначается известное количество земли, от которой он, впрочем, может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиною...

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не в пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель. Все остальное имущество членов общины остается неприкосновенным в продолжение их жизни, но по смерти делается достоянием общины.

Мы требуем, чтобы все судебные власти выбирались самим народом; требуем, чтобы общинам было предоставлено право суда над своими членами во всех делах, касающихся их одних.

Мы требуем, чтобы, кроме Национального собрания, составленного из выборных всей земли русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие областные собрания в главном городе каждой области, составленные только из одних представителей последней. Национальное собрание решает все вопросы иностранной политики, разбирает споры областей между собою, во-

тирует законы, наблюдает за исполнением прежде поставленных, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога. Областные собрания решают дела, касающиеся до одной только той области, в главном городе которой они собираются.

Мы требуем правильного распределения налогов, желаем, чтобы они падали всей своей тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых. Для этого мы требуем, чтобы Национальное собрание, назначая общую сумму налога, распределило бы его только между областями. Уже областные собрания разделяют его между общинами, а сами общины в полном своем собрании решают, какую подать должен платить какой член ее, причем обращается особое внимание на состояние каждого, одним словом, вводится налог прогрессивный.

Мы требуем заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет; требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, по которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения.

Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения.

Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков,—одним словом, всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими будут пользоваться мужчины; требуем уничтожения брака, как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а, следовательно, и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека, и без которого немыслимо уничтожение наследства.

Мы требуем уничтожения главного притона разврата—монастырей, мужских и женских, тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди, ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате. Имущество как их, так и всех церквей должно быть отдано в пользу государства и употребляемо на уплату долга внутреннего и внешнего.

Мы требуем увеличения в больших размерах жалованья войску и уменьшения солдату срока службы. Требуем, чтобы по мере возможности войско распускалось и заменялось национальной гвардией.

Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией.

Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов: желают ли они войти в состав Федеративной Республики Русской.

Без сомнения, мы знаем, что такое положение нашей программы, как федерация областей, не может быть приведено в исполнение тотчас же. Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения, политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы)...

Г. К БАРСКИМ КРЕСТЬЯНАМ.

Установлено, что прокламация «К барским крестьянам», извлечение из которой здесь приводится, была составлена Н. Г. Чернышевским. За это именно воззвание Чернышевский был сослан в каторжные работы.

Ждали вы, что даст вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля.

Хороша ли воля, какую дал вам царь, сами вы теперь знаете. Много тут рассказывать нечего. На два года остается все попрежнему: и барщина остается, и помещику власть над вами остается, как была. А где барщины не было, а был оброк, там оброк остается, либо какой прежде был, либо еще больше прежнего станет. Это на два года, говорит царь. В два года, говорит царь, землю перепишут да отмежуют. Как не в два года! Пять лет, либо десять лет проволочут это дело. А там что? Да почи-

тай, что то же самое еще на семь лет; только та разница и будет, что такие разные управления устроят, куда, вишь ты, можно жаловаться будет на помещика, если притеснять будет. Знаете вы сами, каково это слово: «жалуйся на барина»...

Так вот оно как: два года ждите, царь говорит, покуда земля отмежуется,—а на деле земля-то межеваться будет пять, либо и все десять лет; а потом еще семь лет живите в прежней неволе, а по правде-то оно выйдет опять не семь лет, а разве что семнадцать, либо двадцать, потому что все, как сами видите, впроволочку идет... Не скоро же воли вы дождетесь,—малые мальчики до бород аль и до седых волос дожить успеют, покуда воля-то придет по тем порядкам, какие царь заводит.

Ну, а покуда она прийдет, что с вашей землей будет? А вот что с нею будет. Когда отмежевывать станут, обрезывать ее велено против того, что у вас прежде было, в иных селах четвертую долю отрежут из прежнего, в иных третью, а в иных и целую половину, а то и больше, как придется где. Это еще без плутовства от помещиков да без потачки им от межевщиков, по самому царскому указу. А без потачки помещикам межевщики делать не станут, ведь им за то помещики станут деньги давать; оно и выйдет, что оставят вам земли меньше, чем на половину против прежней; где было на тягло по две десятины в поле, оставят меньше одной десятины. И за одну десятину, либо меньше, мужик справляй барщину почти что такую же, как прежде за две десятины, либо оброк плати почти такой же, как прежде, за две десятины.

Ну, а как мужику обойтись половиной земли? Значит должен будет притти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброк давай. Да и заломит с мужика, сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, чего барин потребует. Вот оно и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше нонешней, либо оброк тяжелее нонешнего.

Да за одну ли пашню надбавка будет? Нет, ты барину и луга подавай, ведь сенокос-то почитай, что весь отнимут у мужика по царскому указу. И за лес барин с мужика возьмет, ведь

лес-то почитай, что во всех селах отнимут; сказано в указе, что лес—барское добро, а мужик и валежнику подобрать не смей, коли барину за то не заплатит. Где в речке али в озере рыбу ловили, и за то барин станет брать. Да за все, чего ты не коснись, да за все станет с мужика барин либо к барщине, либо к оброку надбавки требовать. Все до последней нитки будет барин брать с мужика. Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу.

Д. ЧТО НУЖНО НАРОДУ?

Написанная Н. П. Огаревым, соратником и другом А. Герцена, статья под названием: «Что нужно народу?», напечатанная в «Колоколе», (№ 102 от 1 июня 1861 г.), а затем в виде брошюры присланная в Россию в значительном числе экземпляров, получила характер программы, которой следовало держаться при организации революционных сил в России. «Что нужно народу» знаменовало переход «Колокола» к отстаиванию конституционной программы. И с этой программой связал свою деятельность Русский Центральный народный комитет «Земля и Воля». Прокламация здесь несколько сокращена.

Очень просто, народу нужна земля да воля.

Без земли народу жить нельзя, да без земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. *Земля никому другому не принадлежит, как народу.* Кто занял землю, которую зовут Россией? Кто ее возделал, кто ее спокон веков отвоевывал да отстаивал против всяких врагов? Народ, никто другой, как народ. Сколько погибло народа на войнах, того и не перечтешь! В одни последние пятьдесят лет куда более миллиона крестьян погибло, лишь бы отстоять народную землю...

... И всегда так бывало. Как придет к нам какой-нибудь недруг, так народу и кричат: давай солдат, давай денег, вооружайся, отстаивай родную землю! Народ и отстаивал. А теперь и царь и помещики будто забыли, что народ тысячу лет лил пот и кровь, чтобы выработать и отстоять свою землю, и говорят народу: «покупай, мол, еще эту землю за деньги». Нет! это уж искариотство. Коли торговать землей, так торговать ею тому, кто ее добыл. И если цари и помещики не хотят заодно, нераздельно с народом владеть землей, так пусть же они покупают землю, а не народ, ибо земля не ихняя, а народная, и пришла

она к народу не от царей и помещиков, а от дедов, которые заселили ее во времена, когда о помещиках и царях еще и помину не было.

Народ спокон веков *на самом деле* владел землей, *на самом деле* лил за землю *кровь и пот*, а приказные *на бумаге чернилами* отписывали эту землю помещикам да в царскую казну. Вместе с землей и самый народ забрали в неволю и хотели уверить, что это и есть закон, это и есть божеская правда. Однако, никого не уверили. Плетьми народ секли, пулями стреляли, в каторгу ссылали, чтобы народ повиновался приказному закону. Народ замолчал, а все не поверил. И из неправого дела все же не вышло дела правого...

Увидели теперь сами, что по прежнему жить нельзя. Задумали исправить дело. Четыре года писали да переписывали свои бумаги. Наконец, решили дело и об'явили народу свободу. Послали повсюду генералов и чиновников читать манифест и служить по церквам молебны. Молись, мол, богу за царя, да за волю, да за свое будущее счастье.

Народ поверил, обрадовался и стал молиться.

Однако, как зачали генералы да чиновники толковать народу Положения, оказывается, что воля дана только на словах, а не на деле. Что в новых положениях прежние приказные законы только на другой бумаге, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помещику по прежнему, хочешь получить свою избу и землю, выкупай их на свои собственные деньги. Выдумали переходное состояние. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лет определили для народа новое крепостное состояние, где помещик будет сечь через начальство, где суд будет творить начальство, где все перепутано так, что если б в этих царских положениях и нашлась какая-нибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственным крестьянам по прежнему их горькую судьбу оставили, и землей и народом оставили владеть все тех же чиновников, а хочешь на волю, так выкупай свою землю. Слушает народ, что ему толкуют генералы и чиновники про волю, и понять не может— какая это воля без земли, под помещичьими и чиновничьими розгами? Верить не хочет народ, чтоб его так бесчестно обманули. Быть, говорит, не может, чтобы царь своим словом четыре года ласкал нас свободой, а теперь, на деле, подарил бы прежней барщиной и оброком, прежними розгами и побоями.

Хорошо, кто не поверил, да смолчал; а кто не поверил, да стал тужить по несбывшейся воле, тех пришли вразумлять плетьми, штыками да пулями. И полилась по Руси безвинная кровь. Вместо молитв за царя, раздались стоны мучеников, падающих под плетьми и пулями да изнемогающих под железами по сибирской дороге.

Так-то опять плетьми да каторгой хотят заставить народ верить, что новый приказный закон есть божеская правда.

Да еще глумятся царь да вельможи, говорят, что через два года будет воля. Откуда же она будет, воля-то? Землю урежут да за урезанную заставят платить в три-дорога, да отдадут народ под власть чиновников, чтоб и сверх этих тройных денег еще втрое грабежем выжимали; и чуть кто не даст себя грабить так опять плети да каторга. Ничего они не то что через два года,—а никогда для народа не сделают, потому что их выгода— рабство народное, а не свобода.

И откуда это народу такая беда, что живет он, работает, работает, работает, а до правды дожить не может и вечно народом торгуют?...

Что нужно народу?

Земля, воля, образование.

Чтобы народ получил их на самом деле, необходимо:

1. Об'явить, что все крестьяне свободны с той землей, которою теперь владеют. У кого нет земли, например, у дворовых и некоторых заводских, тем дать участки из земель государственных, то-есть народных, никем еще не занятых. У кого из помещичьих крестьян земли не в достачу, тем прирезать земли от помещиков или дать земли на выселок. Так, чтобы ни один крестьянин без достаточного количества земли не остался. Землей владеть крестьянам сообща, т. е. общинами. А когда в какой общине народится слишком много народу, так что тесно станет, дать той общине для крестьян сколько нужно земли на выселок из пустопорожних удобных земель. В тысячу лет русский народ заселил и завоевал земли столько, что ему ее на многие века хватит. Знай, плодись, а в земле отказа быть не может.

2. Как весь народ будет владеть общей народной землей, так, значит, весь народ за пользование этой землей будет платить и подати на общие народные нужды, в общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденных с землей крестьян

обложить такою же податью, какую ныне платят государственные крестьяне, но не более. Подати те вносить крестьянам сообща, за круговою порукою; чтоб крестьяне каждой общины отвечали друг за друга.

3. Хотя помещики триста лет и владели неправо землей, однако народ их обижать не хочет. Пусть им казначейство выдает ежегодно, в пособие или вознаграждение, сколько нужно, примерно хоть шестьдесят миллионов в год...

4. Если при такой подати до полных 60 миллионов, следующих помещикам, чего и не хватит, то для покрытия недостатка все-таки никаких лишних податей требовать не надо. А следует убавить расход на войско...

5. И собственные расходы царского правительства надо сократить...

6. Избавить народ от чиновников. Для этого надо, чтоб крестьяне и в общинах и в волостях управлялись бы сами своими выборными...

7. А для того, чтоб народ, получив землю и волю, сохранил их на вечные времена; для того, чтобы царь не облагал произвольно народ тяжкими податями и повинностями, не держал бы на народные деньги лишнего войска и лишних чиновников, которые давили бы народ; для того, чтобы царь не мог прокучивать народные деньги на пиры, а расходовал бы их по совести на народные нужды и образование,—надо, чтоб подати и повинности определял бы и раскладывал промеж себя сам народ через своих выборных...

Доверенные от народа люди не дадут народа в обиду, не дозволят брать с народа лишних денег, а без лишних денег не из чего будет содержать и лишнего войска и лишних чиновников. Народ, значит, будет жить счастливо, без притеснений...

Да кто же будет ему таким другом, что доставит ему все это?

До сих пор народ веровал, что таким другом ему будет нынешний царь. Что, не в пример прежних царей, которые отписали землю от народа и отдали его в неволю вельможам, помещикам и чиновникам, новый царь осчастливит народ. Только как пришли генералы с солдатами расстреливать народ за волю и сечь шпицрутенами, так пришлось и про нового царя сказать... не жди от царя никакого добра, а только дного зла, так как по алчности своей цари и волю и
о

достаток народа обирают неминуемо. Того и смотри, что он не друг, а первый враг народа. Говорят, что он добрый: да что же бы он мог хуже теперешнего сделать, когда б он был злой? Пусть же народ подождет молиться за него, а своим чутьем да здравым смыслом поищет себе друзей понадежнее, друзей настоящих, людей преданных.

Пуще всего надо народу сближаться с войском. И отец ли, мать ли снаряжает сына в рекруты—не забывай народной воли, бери с сына клятву, что по народу стрелять не будет, не будет убийцей отцов, матерей и сестер кровных, кто бы ни дал приказ стрелять, хотя бы сам царь, потому что такой приказ, хотя бы и царский, все же приказ окаянный. Затем ищи себе друзей и повыше.

Когда найдется офицер, который научит солдат, что стрелять по народу—грех смертный—знай народ, что это друг его, который стоит за землю мирскую да за волю народную.

Найдется ли помещик, который тотчас отпустит крестьян на волю со всею их землею, самым льготным способом и ни в чем не обидит, а во всем поможет; найдется ли купец, который не пожалеет своих рублей на освобождение; найдется ли такой человек, у которого ни крестьян, ни рублей нет, но который всю жизнь и думал и учился, и писал и печатал только для того, как бы лучше устроить землю мирскую да волю народную: знай народ—это все друзья его.

Шуметь без толку и лезть под пулю в разбивку нечего; а надо молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом и руководством, и словом и делом, и казной и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, против царя и вельмож, землю мирскую, волю народную да правду человеческую.

3. Тайное общество «Земля и Воля».

А. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. А. СЛЕПЦОВА.

Источников о революционной организации начала 60-х годов «Земля и Воля» немного. К числу наиболее важных принадлежат воспоминания А. А. Слепцова, чиновника II отделения собств. его велич. канцелярии, одного из основателей этого общества. Слепцов и его единомышленники, подобно «Велико-

руссу», основную задачу ближайшего момента видели в организации «образованных классов». Воспоминания эти напечатаны М. К. Лемке частью в извлечениях, частью в собственном изложении. Места, приводимые нами в кавычках, принадлежат А. А. Слепцову,—без кавычек—М. К. Лемке.

«После провала «Великорусса»... Николай и Александр Серно-Соловьевич примкнули к мысли Огарева о необходимости готовиться к организации нового общества, преемственно принявшего от «Великорусса» идею о земском соборе»... В основу решено было положить еще раньше коллективно проектированную (а написанную одним Огаревым) статью-прокламацию: «Что нужно народу»? Следует отметить, что в конце июня нов. ст. 1861 г., статья окончательно была готова, мысль об основании тайного общества если и сложилась, то только у самого Огарева, державшего ее про себя,—Герцен, как известно, не одобрял вообще никаких тайных обществ, в чем и был последователен до начала 1863 г.; другим же она не была Огаревым высказана: он ее вынашивал и продумывал, не торопясь. «Что нужно народу?» и прежде была распространена именно в среде членов «Земли и Воли», смотревших на нее, как на основу и программу своих действий и стремлений. «Название обществу «Земля и Воля» было дано собственно Герценом, который обладал вообще удивительной способностью приискивать меткие определения людям, эпохам, событиям и литературным произведениям, что отмечалось всегда его близкими и приводило, помню, в восторг особенно Василия Боткина и П. В. Анненкова. Оно очень понравилось нам и своей простотой и чрезвычайной популярностью вложенных в него понятий, и какой-то силой, красотой своей ясности и законченности. Читая прокламацию Огарева в июле 1861 г., мы и не думали, что будем состоять в обществе, два слова названия которого были уже указаны в первой ее строке. Позже Огарев рассказал мне, что на его вопрос: «как бы лучше назвать тайное общество, еслибы основать его сейчас?» Герцен ответил:—«Да ты уже сам сказал несколько месяцев назад. Конечно, «Земля и Воля». Немного претенциозно, но ясно и честно,—потому что сейчас это именно и нужно». Огареву так понравилось это колумбово яйцо, что он потом и предложил такое название».

«С конца октября ст. ст. 1861 г. началась подготовительная работа. Помимо выработки небольшого, но недопускавшего неяс-

ности устава, главное внимание нужно было сосредоточить на подборе людей, которым уже и предоставить вербовку рядовых членов-пропагандистов. Всю силу организации мы видели прежде и больше всего именно в пропаганде, исходя из ужасной темноты народной массы, немногим меньшей начавшего оформляться рабочего и минимального политического развития чиновничества и служилого класса вообще. Пропаганда была нужна широкая, хотя бы и менее глубокая, чем нам хотелось по моменту и задачам не только очередного дня и его злобы. Массам нужно было сказать такие слова, которых они до того почти или вовсе не слыхали, и притом сказать их так, чтобы, не набивая голову мудреностью, проникнуть в сердце заколоченного Николаем и не отпертого Александром русского нутра. Решено было привлечь прежде всего молодежь, желавшую после университетских беспорядков в обеих столицах, с весны 1862 г. ехать доучиваться заграницу... Затем обращено было внимание на создание возможного взаимодействия с русской журналистикой, чтобы, помимо тайной пропаганды, читатель из разночинной интеллигенции,—тогда только что выраставшей и комплектовавшейся, как сколько-нибудь заметная группа,—был взят кругом в определенный цикл понятий и интересов. Решено было остановиться на братьях Василии и Николае Курочкиных, Благосветлове, Г. З. Елисееве и А. Ф. Погосском, умевшем писать для народа и солдат и поддерживать необходимые для этого официальные отношения. Желание расширить влияние на армию (помимо московского кружка «Библиотеки», вернее, в прибавок к ней по заданию), особенно артиллерию, которая и тогда комплектовалась из наиболее развитых солдат,—толкнуло к «метафизику», как его называли некоторые, П. Л. Лаврову. Все эти писатели вступили в общество, Лавров же и Елисеев официально не сделались членами, но сами просили оставить за ними право, не принимая на себя по обществу никаких обязанностей, могущих отвлечь их от прямого дела, являться на наши совещания в качестве совещательных членов. Принимая во внимание разницу в возрасте и житейском опыте, мы поняли этот их шаг еще и как исходящий от более старших... Иначе обстояло с Чернышевским. Николай Гаврилович беседовал с А. и Н. Серно-Соловьевичами, выслушал их очень внимательно, с горевшими глазами и неослабевшим интересом, а, когда они кончили свое сообщение, сказал: «За меня дело должны решать болезнь Ни-

колая Александровича (Добролюбова) и неспособность Некрасова вести теперешний журнал одному. Работать же, как сейчас в «Современнике» и у вас,—извините с вами,—я не вижу физической возможности. Обождемте, что окажется с нашим больным. Когда я увижу, что он в состоянии работать по-прежнему то через месяц, другой я—с вами, но, всетаки и с «Современником»; он мне дорог, как кафедра, которой не должно лишиться ни для меня, ни для вас, поскольку вы разделяете общий его тон»... Однако, Чернышевский интересовался работой нарождавшегося общества (тогда еще не имевшего названия) и при свиданиях с бывшими у него братьями и со мной, всегда притом в отсутствие жены то подвергал критике наши очередные проекты, то давал советы. Так, ему принадлежит совершенно правильная мысль разделить Россию на округа: Северный, где была своя историческая традиция, в атавизм которой он верил при некоторых поправках времени и наших условий; южный—но не украинский, где работа должна была вестись, как мы и сами решили в самом начале, в стороне от нарождавшегося украинского движения мысли; северный и южный поволжские, приуральский и московский, понимая его в широком смысле всего торгово-промышленного района. На Сибирь мы не надеялись и ее не трогали, в чем были также одобрены Чернышевским, зная, как там трудна работа в условиях тогдашнего времени, почти без всяких путей сообщения, телеграфа и т. п. Сибирь нам должен был осветить Шелгунов намеревавшийся еще до окончательного осуждения своего друга Михайлова, ехать туда за ним»...

С весны 1862 г. вербовка молодежи должна была пойти полным ходом, чтобы лето провести в организационной работе по провинции и вступить на путь прямой пропаганды, концом или результатом которой, казалось нам, должно было быть лето 1863 года, как срок для временно обязанных отношений крестьян. К этому времени в центре будущего, еще не оформленного общества стояли Н. и А. Серно-Соловьевичи, Слепцов, Н. Обручев и В. Курочкин. Они единогласно постановили сложить с себя эти обязанности с осени, поставив во главу общества избранный после лета, при деятельном участии провинциальных организаций, Центральный комитет, чтобы он пользовался, таким образом, полным доверием и авторитетом. «Последнее было особенно важно, чтобы положить предел нарождению случайных местных револю-

ционных организаций, сепаратизм которых не мало нарушал планомерную и единую по цели и действию деятельность». «Мы видели, как исчезали такие общества, вернее, кружки, которые были делом рук нескольких лиц, узнававших потом; что аналогичные по заданиям и целям кружки, с разными, конечно, варияциями, существовали рядом, иногда в том же городе, и не имевших достаточно такта и понимания, чтобы не продолжать своего существования. Такая розбить в работе кончалась тем, что, напр., в Саратове... все кружки замирали и всякая работа просто прекращалась. Каждый из членов центра, как мы его называли, должен был широко организовать около себя всех, кто был склонен и способен искренно разделять в основе положения «Что нужно народу?» Выражаясь современным языком, эта прокламация была нашей платформой».

... В основу всей организации клалась организация «пятерок» из членов которых каждый мог организовать около себя свою пятерку и т. д. Таким образом, если в пятерке были Иванов, Сидоров, Петров, Николаев и Павлов, то, каждый из них мог быть членом еще и самостоятельной пятерки и, следовательно, около каждого из них должно было быть не более восьми знающих его лиц. При аресте, или, как тогда уже говорили,—провале кого-нибудь, об этом узнавали восемь членов двух разных пятерок, что считалось больше, чем достаточным...

... «О возможной роли Лондона мы слышали еще от Кельсиева, весною 1862 г., но понимали, что это был преимущественно его собственный проект; как относился сам Герцен, мы точно не знали, имея, однако, сведения о готовности содействия со стороны Огарева и Бакунина. Но оба были неавторитетны и значительно менее популярны, а второй, кроме того, внушал нам опасения своим стремлением к другому уклону работы—соединению всего славянства против ненавидимой им Австрии. Мы боялись,—и думаю что были правы,—погнавшись за его программой, упустить свое, чисто русское дело. Когда Бакунин выпустил и широко распространил свою брошюру «Народное дело», мы, все-таки, не переставали опасаться: русский вопрос тонул у него в другом, большом, а мы обслуживать его не могли. Но, прежде, чем входить в сношения с Герценом, центр решил наступать и создать почву для слияния всех тайных обществ под знамя «Земли и Воли», как мы стали себя называть с середины

августа 1862 г., после большого письма Огарева, привезенного Я. К. Чекаловым. Выпустившая прокламацию «Русская Правда», «Библиотека» Мосолова и мелкие военные организации, разбросанные по всей России, особенно же в Западном крае и по Югу,— все это сочувственно отнеслось к идее об'единения. Нашлись и в них люди, очень державшиеся за сепаратизм, но большинство, в конце концов, было склонно слиться с нами. Однако, нам уже ставили вопросы: кто мы и на каких основаниях существуем?— вопросы, которым мы могли удовлетворить не вполне».

Тогда же окончательно было решено остановиться на названии: «Земля и Воля», а центральный орган, в отличие от созданного в Польше «Народного Центрального Комитета» назвать «Русским Центральным Народным Комитетом». «Первое заседание его происходило 24 ноября 1862 г...».

... «С осени мы ждали уполномоченных от центральных округов для избрания Центрального Комитета; однако, после сношений с установленными уже отделами (кроме поименованных выше,—курским, пермским, вологодским,—точнее, северным и полтавским); в ноябре было решено, что места бр. Серно-Соловьевичей займут Н. Утин и Г. Е. Благосветлов. В качестве заместителей были избраны Николай Курочкин и Г. З. Елисеев, давший на это специальное согласие. Таким решением, подсказанным по провинции, имелось в виду не обнаруживать своих сил Петербургской полиции которая, при подзуживании III отделения и следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына, была уже действительно на чеку». Она неизбежно стала бы приглядываться к появлению новых лиц на горизонте общественных сил, и таким образом, создала бы связь с провинциальной полицией, которую, осаждая справками, могла навести на излишнее внимание к целому ряду людей, до того умевших работать в тиши и незаметно.

Б. ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ».

В феврале 1863 г. А. А. Слепцов посетил Лондон для переговоров с Герценом и Огаревым о присоединении их к «Земле и Воле». Печатаемый проект конституции общества был тогда же составлен Огаревым с поправками Герцена.

1. Главный Совет общ. «Земли и Воли» состоит из редакции «Колокола». Все распоряжения идут отсюда.

Это надо распространить не в печати, а втихомолку. Оно необходимо, потому, что большая часть желающих не имеет доверия к существованию и силе Комитета; оно необходимо, потому что Комитет может за этим скрыться и продолжать свое существование.

2. Комитет продолжает его без всяких прокламаций и распространяет общество, принимая «Колокол» за центр. Его дело следующее:

а) Употребить, с своей стороны, все старания для установления постоянных сношений с нами;

в) Все, что он хочет печатать, может быть печатано у нас. Но в том, что печатать, нужно взаимно согласиться. Конечно, не прокламации, которые *теперь* не имели бы никакого значения, или, скорей, вредное; но особый перечень внутренних русских событий, реакционных подлостей и пр., даже отдельной тетрадью, не мешает. Но Комитет должен чрезвычайно *искренно* высказывать *только правду*, с указанием на те данные, которые могут послужить основанием будущей реорганизации.

Совет общества должен иметь главною целью усиление общества. Для этого ему надо действовать в тех центрах, сосредоточивать все силы в тех центрах, где *теперь* успех *всего легче*. Это значит, все университетские центры, духовные академии и лицеи. Всегда, где эти центры могут учредить получение заграничных изданий и их распространение, должно быть обращено на это особое внимание. Конечно, тут самую важную роль играют Петербург и Одесса. Казань имеет наибольшее значение для восточно-волжского края, Харьков—для Малороссии и Дона, Киев представляет наибольше затруднений. *Теперь* надо наименьшее внимание обратить на центры, где наибольше затруднений, а работать там, где легче. Работа должна состоять в соединении меньшинства в общество, изучающее и уясняющее народные интересы, выставляющее народные требования, проповедующее паче всего земский собор. В каждом университетском, духовно-академическом и лицейском центре (даже в Петербурге) Совет должен иметь своего окружного, который бы составлял кружок, но с Советом в сношение входил бы только сам лично; а кружок не знали бы лица составляющие. Численность членов этих отдель-

ных кружков должна быть известна Совету и нам без всякой лжи и преувеличений. При этом кружки могут заводить школы, посылать ходоков и пр., нисколько не компрометируя Совета, который, отается occulte [1]). Печатать об этом ничего не следует, а вести дело в тишине. Но мы просим университетскую молодежь не проповедывать никаких абстрактных понятий о свободе и противоцаризме, а только—необходимость земского собора, который бы основал поземельное народное владение, сельское, волостное и областное самоуправление, свободу веры,—и (попозже проповедывать)—избранного земского царя [2]). Если первый Земский собор будет иметсь силу заменить это имя другим, тем лучше, а, если не будет,—беда не велика, лишь бы избрание было на ограниченное число лет.

Окружные могут быть и в не университетских и прочих учебных центрах, но чисто в провинциальных, там, где это удобно, т. е. где люди готовые существуют и могут действовать (напр. Тверь, Волжское пароходство).

Офицеров способных теперь надо направлять на составление кружков в военно-учебных заведениях; но готовить их, как скоро польский вопрос элиминируется, переходить в восточные, кавказские и другие войска (смотря по обстоятельствам) для составления офицерских кружков. Теперь невозможно даже предвидеть настоящих военных округов и действовать нельзя даже на Кавказе, ибо это было бы только бесплодное красноречие и трата времени с гибелью хороших людей. По крайней мере полгода, а может и год пройдут только в составлении учебных и возможных кружков. О дальнейшем надо говорить, когда обстоятельства сделают дело возможным.

«С старообрядцами, если случай приведет, знакомиться, но отнюдь, кроме старообрядческого и земского собора, ничего не проповедывать. Насильно втираться к ним в дружбу теперь вредно».

---

1) Тайным.

2) Вместо этой фразы Герцен написал: «Надобно, чтоб молодые люди, особенно университетская молодежь проникнулись тем, что теперь не время пропсведывать абстрактные понятия нравственного освобождения, антирелигиозные теории и даже противоцарские».

В. ИНСТРУКЦИЯ РУССК. ЦЕНТРАЛЬН. НАРОДНОГО КОМИТЕТА «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» ЕГО ЗАГРАНИЧНЫМ АГЕНТАМ.

Русск. Центрального
Народного Комитета
«ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ»
1863 года.

Апреля, 17 дня.

Русский Центральный Народный комитет.

Поручаем заграничным агентам общества «Земля и Воля» сосредоточить свою деятельность по следующим пунктам:

1. Вводить в общество «З. и В.» (афильировать) по возможности всех русских, находящихся за границей и способных к революционной деятельности.

2. Организовать их таким образом, чтобы они могли иметь постоянные сношения как между собою, так и с Русск. Центр. Комитетом.

3. Для этой цели является необходимость: устройства путей сообщения, служащих как для взаимной связи членов заграничной организации, так и для исполнения поручений Центр. Комитета. Пути эти, а равно и посылаемые лица должны оставаться в строгой тайне для обеспечения их от происков агентов русского правительства.

4. Материальные средства заграничной организации должны составляться из периодических пожертвований членов этой организации. В крайнем случае Цент. Комитет принимает на себя необходимые по ходу дела издержки.

5. Так как из России выезжают иногда заграницу лица, с которых там по различным причинам, неудобно брать денежные взносы, то Комитет поручает своим агентам взимать с таких лиц известные взносы во время пребывания их заграницей. Эти сборы должны частью итти на усиление средств заграничной организации, частью же доставляться в главную кассу Центр. Комитета. Комитет, с совоей стороны, будет указывать на этих лиц.

6. По самому существу нашего дела от всех, принимающих в нем участие, требуется крайняя осторожность. Всякое предприятие, всякое поручение должно быть известно только тем, которые участвуют в нем непосредственно. Ни одна фамилия, ни одно компрометирующее выражение не может быть написано иначе, как условленным шрифтом.

7. Все необходимое, как для устройства, так и для дальнейшей деятельности организации, как то: определенные доверенности, полномочия, квитанции для сбора взносов и пр., наши заграничные агенты получают от А. Ив. Герцена, главного представителя общества «Земля и Воля» за границей.

Печать
Р. Ц. Н. К.
«З. и В.».

28 мая 1863 года.

Г. «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

а) Переговоры представителя польского Центр. Нар. Комитета Падлевского с петербургскими землевольцами в декабре 1862 г.

Осенью 1862 года представителя польского Центрального Народного Комитета Гиллер, Падлевский и Милевич были в Лондоне для переговоров с Герценом о поддержке с его стороны польского восстания. Герцен выставил два основные условия, без которых он, как представитель русского социализма не может поддержать поляков: признание ими права крестьян на землю и права каждого народа (в данном случае Белоруссии, Украины и Литвы) располагать своей судьбой. Условия были приняты. После этого Герцен оффициально стал поддерживать Центральный Народный Комитет поляков, но в то же время умолял их не начинать восстания, так как русские революционеры не готовы к его поддержке. Приводимая выдержка из воспоминаний О. Авейде повествует о переговорах представителя той же организации с петербургскими революционерами, Необходимо отметить, что сословно-дворянский и националистический (вопреки заверениям, данным Герцену) характер восстания 1863 г. вызвал отрицательное отношение к нему русских демократов и социалистов.

До самого выезда Падлевского в СПБ., т. е. до декабря месяца, мы не имели никакого верного сведения о том, существует ли в России революционная организация. Падлевскому

поручено было, при помощи рекомендации Бакунина и Герцена и при помощи друзей Коссовского, стараться во время своего пребывания в СПБ, узнать истину и войти в сношение с русскими революционерами. Ему в самом деле удалось открыть главу их Центральный Народный Русский Комитет, который охотно принял наш вызов, и союз между нами состоялся на основании Гиллеровского письма к редакторам «Колокола»... Членов этого Комитета я всех не помню, но, между прочими, его составляли: кандидат СПБ университета юрист Утин, некто Слепцов и, если не ошибаюсь, Михайлов; оба последние по имени и роду занятий мне неизвестны. Члены Комитета откровенно об'явили Падлевскому, что революционная организация в России только еще в начале, слаба и не имеет большого влияния в обществе. Касательно приблизительного срока революции они сказали, что об этом еще не подумали, но во всяком случае революция в России немыслима прежде мая месяца 1863 г.; при том члены просили нас не начинать польского восстания ранее означенного времени, откровенно признаваясь, что в противном случае мы им помешаем в их действиях, а они не будут в состоянии подать нам ни малейшей помощи, разве только будут стараться располагать в нашу пользу общественное мнение в России и попробуют сделать маленькое вооруженное движение на Дону (где, будто бы, организация была более развита), с целью помешать и разделить силы правительства. Слова Падлевского подтверждались привезенным им письмом Центр. Русск. Комитета на французском языке. С тех пор до восстания мы переписывались с этим Комитетом не более двух раз; переписка эта не заключала в себе ничего важного, и единственною целью ее было поддержание постоянных дружеских сношений. Наши письма были тоже на французском языке с непременными salut et fraternité. После открытия восстания, революционное правление отправило всего одно письмо в Ц. Р. Комитет в половине марта месяца 1863 г., с вопросом: может ли он в чем-нибудь содействовать нашему восстанию, члены Комитета отвечали, что ни в чем не могут помочь нам за исключением влияния на общественное мнение. Сношения между нами производились посредством Виленского Комитета и при помощи офицера Коссовского в СПБ...

б) Казанский заговор.

Заговор этот был задуман с целью поддержки польского восстания. Действительным инициатором его был живший в Москве поляк инженер Кеневич, а наиболее деятельным агитатором член — «Земли и Воли» поручик Черняк и штабс-капитан Иваницкий. Мы приводим из дела об этом заговоре выдержки из двух записок полк. Слуцкого, руководившего следствием. Из первой записки заимствуем передачу выступления Черняка и Иваницкого на конспиративном собрании 4-х студентов; из второй — общую оценку заговора и настроения казанских студентов, а также указание на социальный облик радикального студенчества.

1. Из первой записки полк. Слуцкого.

В назначенный час, вечером штабс-капитан Иваницкий явился с поручиком Черняком, который отрекомендовал себя агентом русского революционного Комитета «Земля и Воля». После минуты молчания Черняк вынул из кармана записку на клочке почтовой бумаги, писанной будто рукой Бакунина, на которой значилось, что пред'явителю этой записки можно доверять. Студенты молча посмотрели на эту записку и возвратили ее Черняку. После этого он начал говорить в таком роде: «Приступлю прямо к делу. Я из Москвы и приехал сюда познакомиться с местностью и средствами Казанской губернии; в другие города посланы другие лица. Все мы, собравши необходимые сведения, должны возвратиться в Москву к 25 марта. В этот день члены комитета рассмотрят донесения всех агентов и решат, где начать восстание. Доказывать необходимость восстания совершенно лишнее. Скажу только о тех благоприятных обстоятельствах, которые существуют теперь и которые гарантируют верный успех; во 1-х, народ недоволен своим положением,—он тотчас готов восстать— это ясно из тех местных восстаний, о которых сообщали даже русские газеты, и, во 2-х, теперь в Польше восстание, войска все более и более туда стягиваются; следовательно, со стороны войска помехи быть не может. Дождемся ли мы когда-нибудь подобного стечения обстоятельств? Начинать, начинать надо! Я должен признаться вам, что в комитете нашем образовалось теперь собственно две партии: *одна* думает, что нужно год или два вести пропаганду и только ею одной ограничить свои действия; другая же партия убеждена в необходимости как можно

Одним из главных руководителей в масонском храме был Николай Утин, образованный, ловкий, деятельный человек... Молодые и старые спешили после работы в Temple Unique, чтобы подобрать там крупицы знания или послушать ораторов, говоривших о великой будущности. Затаив дыхание, они слушали про строй, который будет основан на общности орудий производства, на полном братстве, без различия сословий, рас и национальности. Все верили, что так или иначе вскоре наступит великая социальная революция, которая совершенно изменит экономические условия. Никто не желал междоусобной войны, но все говорили, что, если правящие классы сделают ее неизбежной своим слепым упрямством, то нужно будет воевать, лишь бы только борьба принесла с собой благоденствие и свободу угнетенным...

Я сказал Утину, что хочу познакомиться с «бакунистами», или «федералистами», т. е. с другой женевской секцией Интернационала. Слово «анархизм» тогда еще мало употреблялось...

... Я поехал сперва в Невшатель и провел затем около недели среди часовщиков в Юрских горах. Таким образом, я впервые познакомился с знаменитой Юрской Федерацией, которая впоследствии играла такую видную роль в развитии социализма, введя в него принцип отрицания правительства, или анархию...

... Теоретические положения анархизма, как они начинали определяться тогда, в Юрской Федерации,—в особенности Бакуниным,—критика государственного социализма, который, как указывалось тогда, грозит развиться в экономический деспотизм, еще более страшный, чем политический, и, наконец, революционный характер агитации среди юрцев неотразимо действовали на мой ум, но сознание полного равенства всех членов федерации, независимость суждений и способа выражения их, которые я замечал среди этих рабочих, а также их беззаветная преданность общему делу еще сильнее того подкупили мои чувства и, когда, проживши неделю среди часовщиков, я уезжал из гор, мой взгляд на социализм уже окончательно установился. Я стал анархистом.

... Вскоре после моего возвращения из-за границы Дмитрий *) предложил мне поступить в кружок, известный в то время среди молодежи под названием кружка Чайковского. Под этим именем он сыграл важную роль в социальном развитии России и под

*) Д. А. Клеменц.

тем же именем перейдет в историю. «Члены нашего кружка покуда большею частью конституционалисты,—сказал мне К.,—но все они прекрасные люди. Они готовы принять какую угодно честную идею. У них много друзей повсюду в России; вы сами увидите впоследствии, что можно сделать». Я был уже знаком с Н. В. Чайковским и некоторыми членами его кружка. Чайковский произвел на меня обаятельное впечатление с первого же раза. И до настоящего времени, в продолжение многих лет наша дружба не поколебалась.

Кружок возник из очень небольшой группы мужчин и женщин, — в числе последних была Софья Перовская, — соединившихся для самообразования и самосовершенствования... Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации, независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно раздвигая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов. Поэтому также впоследствии, когда свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием.

В то время, т.-е. в 1872 году, кружок не имел в себе ничего революционного. Если бы он остался простым кружком саморазвития, то члены его скоро закаменели бы, как в ските. Но кружок нашел подходящую работу. Чайковцы стали распространять хорошие книги. Они покупали целыми изданиями сочинения Лассаля, Флеровского-Берви («О положении рабочего класса в России»), Маркса, труды по русской истории, и распространяли их среди студентов в провинциальных городах. Через несколько лет в «38 губерниях Российской империи», употребляя подсчет обвинительного акта, не было сколько-нибудь значительного города, где кружок не имел бы товарищей, занимавшихся распространением этого рода литературы. С течением времени, под влиянием общего хода событий и побуждаемый вестями, прибывавшими из западной Европы, о быстром росте рабочего движения, кружок все больше становился центром социалистической пропаганды среди учащейся молодежи и естественным посредником между членами провинциальных кружков. А затем наступил день, когда преграда,

отделявшая студентов от работников, рухнула, и завязались прямые сношения с петербургскими и отчасти провинциальными рабочими. В это самое время весной 1872 года я присоединился к кружку...

... Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью.

Когда я присоединился к чайковцам, они горячо спорили о том, какой характер следует придавать их деятельности. Некоторые стояли за радикальную и социалистическую пропаганду среди молодежи. Другие же держались того мнения, что у кружка должна быть одна цель: подготовить людей, которые могли бы поднять громадную, косную рабочую массу, а потому стояли за перенесение центра агитации в среду крестьян и городских работников. Такие же споры шли во всех кружках и группах, которые тогда сотнями возникали в Петербурге и в провинциальных городах. И всюду сторонники второй программы брали верх.

В Петербурге мы скоро завели обширное знакомство среди рабочих. Сердюков, юноша, получивший прекрасное образование, завел многих приятелей среди заводских рабочих, большая часть которых работала на казенном оружейном заводе, и устроил кружок человек в тридцать, собиравшихся для чтений и бесед. Заводским недурно платили в Петербурге, холостые жили, не нуждаясь. Они скоро освоились с радикальной и социалистической литературой того времени, и Бокль, Лассаль, Милль, Дрепер, Шпильгаген — стали для них знакомыми именами. По развитию эти заводские мало чем отличались от студентов. Когда Дмитрий, Сергей [1]) и я присоединились к чайковцам, мы втроем часто посещали их кружок и вели там беседы на различные темы. Однако, наши надежды, что эти молодые люди станут пропагандистами среди остальных работников, положение которых гораздо хуже ихнего, не вполне оправдались. В свободной стране они стали бы обычными ораторами на общественных сходках; но, подобно привиллегированным женевским часовщикам, они относились к простым фабричным с некоторого рода пренебрежением, отнюдь не горели желанием стать мучениками социалистическаго дела. Только после того, как большинство из

[1]) С. М. Кравчинский.

них арестовали и некоторых продержали в тюрьме года по три за то, что они дерзнули думать, как социалисты, после того лишь, как некоторые измерили всю безграничность российского произвола, они стали горячими пропагандистами, главным образом, политической революции...

... Конечно, все те, которые вели пропаганду среди работников, переодевались крестьянами. Пропасть, отделяющая в России «барина» от «мужика», так глубока, они так редко приходят в соприкосновение, что появление в деревне человека, одетого «по-господски», возбудило бы всеобщее внимание. Но даже и в городе полиция немедленно бы насторожилась, если бы заметила среди работников человека, не похожего на них по платью и разговору. «Чего ему якшаться с простым народом, если у него нет злого умысла?» Очень часто после обеда в аристократическом доме, а то даже в Зимнем Дворце, куда я заходил иногда повидать приятеля, я брал извозчика и спешил на бедную студенческую квартиру в дальнем предместьи, где снимал изящное платье, надевал ситцевую рубаху, крестьянские сапоги и полушубок и отправлялся к моим приятелям ткачам, перешучиваясь по дороге с мужиками. Я рассказывал моим слушателям про рабочее движение за границей, про Интернационал, про коммуну 1871 года. Они слушали с большим вниманием, стараясь не проронить ни слова, а затем ставили вопрос: «Что мы можем сделать в России?» Мы отвечали: «Следует проповедывать, отбирать лучших людей и организовать их. Другого средства нет». Мы читали им историю французской революции по переделке из превосходной «Истории Крестьянина» Эркмана-Шатриана. Все восторгались «г. Шовелевым», ходившим по деревням и распространявшим запрещенные книги. Все горели желанием последовать его примеру. «Толкуйте с другими,—говорили мы,—сводите людей между собою, а когда нас станет больше, мы увидим, чего можно добиться». Работники вполне понимали нас, и нам приходилось только удерживать их рвение.

2. Кружок долгушинцев.

Под этим именем известен второй, существовавший в начале 70-х годов сначала в Петербурге, а потом в Москве, социалистический кружок, организованный А. В. Долгушиным. Дело членов этого кружка разбиралось в особом присутствии правительствующаго сената в июне 1874 года. На суде выясни-

лось, что в Петербурге к кружку принадлежали: дворяне И. И. Панин и Н. А. Плотников и технолог 1-го разряда Л. А. Дмоховский. Уже тогда кружок мечтал о пропаганде в народе. В Москве, где к кружку примкнули дворяне Д. И. Гамов, Чиков и др., кружок занялся печатанием нижеприводимых прокламаций. Постановлением суда приговорены: Долгушин и Дмоховский—к каторге на 10 лет; Гамов—на 8 лет; Панин и Плотников—на 5 лет и т. д.

А. ПРОКЛАМАЦИЯ К РУССКОМУ НАРОДУ.

(*В извлечении*).

Мы, ваши братья, обращаемся к вам, угнетенным людям, и взываем, во имя вечной справедливости, восстаньте против этих несправедливых порядков, не подобающих человеку, высшему и лучшему созданию на земле.

Восстаньте, братья, и праведно будет ваше восстание и благо будет вам, если вы дружно подыметесь и смело будете стоять за свое правое, святое дело, никому ничего не уступая...

... Мы требуем, во-первых, чтобы оброки были уничтожены. Земля же спокон веку принадлежала народу-пахарям, он заплатил за нее вековым своим рабством—крепостным правом...

... Второе наше требование подобно первому: мы не хотим пользоваться малыми наделами и плохой неудобной землей, потому что такая земля—плохая кормилица. Да и что за нужда пользоваться такой землей, коли в нашем отечестве на всех хватит хорошей земли, из-за чего же тут мыкаться? Поэтому требуем мы всеобщего осмотра, передела всей земли крестьянской, помещичьей и казенной,—для того, чтобы распределить ее между всеми по справедливости, чтобы всякому досталось, сколько надобно.

В-третьих, чтобы не было рекрутчины, какая теперь бывает каждый год: она дорого нам стоит и сильно разоряет наши хозяйства... Неужели оставлять такие порядки? Нет; мы требуем, чтобы рекрутская повинность была уничтожена и заменена вольным обучением в школах, и чтобы только во время войны собиралось войско... В этих школах всякий человек выучится и сумеет, коли надобность будет, постоять за себя и за отечество: тогда стоит только клич кликнуть—и соберется войско, изберет оно себе офицеров и всех, кого нужно, из своей же братьи, и поведут эти излюбленные вожди

вольное воинство на битву... При таких порядках не придется тратить на содержание войска столько денег, сколько теперь тратим.

В-четвертых, требуем мы хороших школ (за грамотного двух неграмотных дают)... чтобы устроены они были наилучшим манером, чтобы учителями в них были люди сведущие и ученые; чтобы не напрасно ходили в них наши дети, а выучивались бы всему, что нужно человеку для того, чтобы уметь постоять за себя, за ближних своих, свое отечество...

Знанье — сила, знанье — свет,
Рабство без него.

В-пятых, требуем мы, чтобы паспорта были уничтожены...

А хотим мы, чтобы управлял народ через своих выборных; чтобы правительство состояло не из одних дворян только, как теперь, а из людей, избранных самим народом: за ними народ будет наблюдать и спрашивать с них отчет и сменять их, когда будет нужно. Такое правительство будет делать только то, что полезно народу, а чуть оно вздумает делать что-нибудь вредное,—его остановят и сменят. Только такое правительство может искренне заботиться о нуждах. Теперешнее правительство может почитаться, как враг народа, потому что оно разоряет народ и не заботится о нуждах его...

... Ежели бы все эти требования наши исполнялись, то клянемся, не стало бы таких беспорядков, какие теперь у нас имеются. Не будет ни угнетателей, ни угнетенных, не будет неученых, темных и бедных людей, а будем мы все счастливы, будем жить, как подобает человеку, властелину земли. Так вот, в чем наше дело. Рассудите же, добрые люди, есть ли тут что-нибудь незаконное или неправое. Мы твердо уверены, что оно—святое и правое дело, и теперь нужно только подумать о том, каким манером мы хотим достичь того, [чего] хотим. Но как ни думать, одно средство находим, без котораго ничего не поделать: нужно всем столковаться, а не брести врозь. А согласиться-то, кажись, [не] трудно, ведь у нас одно житье-бытье, одно [горе].

Когда мы согласимся, тогда будем так сильны, что сильнее нас никого не будет. Но как добиться общего согласия? Да вот как: ежели одно общество согласится, пускай оно пошлет от себя выборных в другое общество, чтобы согласить его действовать заодно; коли оно согласится, тогда послать выборных двух обществ к

третьему, и так дальше—больше, из деревни в деревню, из села в село, из волости в волость, из уезда в уезд, из губернии в губернию.

Пусть, как единый человек,
Вся Русь замученная встанет,
Освободим себя навек;
Земли родной на всех достанет.

Б. К ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЛЮДЯМ.

К вам, интеллигентные люди, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современного положения вещей,—к вам мы обращаемся и приглашаем вас итти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства. Пусть кто только может направит все свои силы на дело народного освобождения и не думает, чтобы какая бы то ни была жертва была для него слишком велика. И где можно более принести пользы? Уж не в земстве ли, куда рвутся наши молодые силы, обманутые внешностью? Но земство бесправно, оно—лживая форма, наполненная и постоянно исправляемая рукою деспота, которому никогда не понять, в чем собственно заключается народное благо. Или хотите вы заниматься устройством артелей? Но ведь это значит вливать новое вино в старые мехи, потому что артель предполагает принцип солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, где абсолютно господствует грубый личный эгоизм.

Подготовьте же сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растение. Вспомните рочдельскую артель: вот вам хороший пример того, как вырождается новый принцип, когда он окружен несоответственными ему условиями. Благотворительность? Но она не выдерживает никакой критики. Что же еще? Уж не хотите ли быть примерными отцами семейства и заняться воспитанием детей, чтобы сделать из них людей с новыми мировоззрениями? Или будете вы добиваться, так называемой, личной независимости? Но как в том, так и в другом случае вам придется целую жизнь быть эксплуататорами и паразитами!... Неужели вас не замучит эта гнетущая мысль? Да, нигде, нигде вы не будете так полезны, как в роли народного пропагандиста новой лучшей жизни. Вспомните слова Прудона: «Воля и вера провозглашались во все времена величайшими силами природы и человечества; в нас живет вера в справедливость нашего дела, в правду нашего дела, в

правду наших принципов, в ценность наших догматов, — нам ли недостает воли?»

Неужели мы не представим в один прекрасный день новое зрелище людей убежденных и непреодолимых в своих верованиях и, вместе с тем, решительных и постоянных в своем предприятии? Докажем, что мы искренни, что наша вера горяча и наш *пример изменит лицо земли* (Курсив мой.—А.). И не думайте, чтобы русский народ не мог понять вас и грубо оттолкнул бы вас от себя; если это говорят иногда, то говорят на основании фактов, которые всегда доказывают только неумение действовать, а чаще всего — отсутствие искренней преданности делу. Кто не знает, как русский человек любит сочувствие, и как он умеет ценить того человека, который страдает его страданиями, лишь только подметит эту симпатию? Но если он видит, что с ним только бобы разводят, то он справедливо раздражается и дарит презрением. Так пусть люди, которым дорога правда, для которых проводить истину в жизнь стало органической потребностью, пусть эти люди идут в народ, не страшась ни гонений, ни смерти...

Наш лозунг—равенство, свобода,
К оружию, вперед, друзья!
Да погибнут враги народа—
Царь, и бояре, и князья!..

3. Киевские народники по воспоминаниям В. К. Дебогория-Мокриевича.

Киевские народнические кружки начала 70-х годов сыграли видную роль в русском революционном движении, дав ему ряд крупных имен.

На автора имел большое влияние его старший брат, Иван, положивший начало юношескому кружку.

Поездка за границу и знакомство с Бакуниным определили симпатии Дебогория-Мокриевича. По возвращении в Киев, он примкнул к кружку, называвшему себя «киевской коммуной».

... В 1874 году Сергей Ковалик имел не более 26 лет. Он был несколько выше среднего роста. На толстой шее, составлявшей одну прямую линию со спиною, что придавало весьма характерный вид всей его крепкой фигуре, посажена была голова с необыкновенно большим высоким лбом. Матово-бледное лицо с скудной растительностью плохо гармонировало с его сильным корпусом, а

небольшие голубые глаза далеко не выражали той неутомимой энергии, которой он обладал на самом деле.

С приездом Ковалика в Киев я часто приходил из артели и целые вечера проводил в «коммуне», где он тогда остановился и куда сходились и другие киевские радикалы. То было необыкновенно оживленное время. Помню, как-то поднялась беседа о том, под каким видом удобнее всего итти в народ. Ковалик высказал мнение, что самое удобное отправляться под видом ремесленника и предложил при этом приступить к изучению какого-нибудь ремесла... Решили устроить в ближайшем будущем столярную мастерскую...

... Однако, определенной, практической программы мы все-таки не выработали да и не могли выработать, так как это было нелегко. В то время, как практическая задача «пропагандиста» являлась более или менее ясной, задача «бунтаря» оказывалась и трудной и неопределенной. «Пропагандист» занимался распространением революционных брошюр среди народа — иногда сам читал, иногда же только раздавал их. При некоторой ловкости работа эта не представляла особенных трудностей, а при умении обращаться с крестьянами и заинтересовать их рассказами, сулила даже сравнительный успех. Но для «бунтаря», не усматривающего ничего серьезного в разговорах, как бы они ни были революционны, дело представлялось совсем иначе. Ему нужны были бунты и стачки. Но организовать стачку или вызвать бунт, — об этом легко было рассуждать, но не осуществить на практике. В самом деле: как это организовать стачку или вызвать бунт? Задача большая, трудная и часто совершенно неисполнимая. Поэтому большинство «бунтарей», признававших в теории бунтовскую программу, потом, когда пошли в народ, на практике, своею деятельностью нисколько не отличались от «пропагандистов» и, подобно им, занимались распространением революционных брошюр в народе, быть может, лишь с тою разницею, что делали это с большим жаром и меньшей осмотрительностью, чем «пропагандисты». В этом виде и проявилась деятельность на Волге кружков Ковалика и Войнаральского. Однако, были такие, — и, между прочим, мы принадлежали к их числу, — которые не имели в виду заниматься распространением революционных книг среди народа и для которых поэтому вопрос о практической деятельности стоял совершенно открытым и нерешенным. Мы считали необходимым сначала озна-

комиться с условиями народной жизни, присмотреться к местным обычаям, нравам, мировоззрениям и затем уже, на основании реальных данных, выработать практическую программу действий...

4. Секретная записка министра юстиции графа Палена: «Успехи революционной пропаганды в России».

Записка эта, основанная, повидимому, на материалах предварительного следствия об арестованных в 1874 году пропагандистах, уже в 1875 году была известна революционным кругам и напечатана в Женеве.

В начале 1874 года в некоторых из губерний средней и преимущественно восточной полосы России стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопределенные, потом все более и более ясные и несомненные и, наконец, 31 мая того же 1874 года было возбуждено в городе Саратове дознание о распространении в народе книг революционного содержания. Первыми же действиями этого дознания было установлено, что многие молодые люди, из которых некоторые бросили ученье, оделись в крестьянские костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и, в качестве простых чернорабочих, двинулись, по их выражению, «в народ», имея задачею проводить в нем, путем печатных сочинений и устной пропаганды, революционные идеи. Развиваясь далее, саратовское дознание обнаружило: во-1), что в Москве уже довольно продолжительное время существует типография, содержимая правительственным стенографом Мышкиным и управляемая чиновником канцелярии московского генерал-губернатора Уткиным, в каковой набирались и печатались книги и брошюры преступного содержания, массою захваченные в Саратове и долженствовавшие служить делу распространения в народе вышеозначенной пропаганды; во-2), что пропаганда эта не ограничивалась какой-либо отдельной местностью, а развивалась в большинстве великорусских и малорусских губерний; в-3), что деятели ее вполне между собою солидарны как по направлению конечной цели, так и по самым приемам, средствам и способам своих действий. Произведенными дознаниями настолько уже выяснились в настоящее время все фазисы развития в России преступной революционной пропаганды, что представляется полная

возможность с вероятностью определить как ее общий характер, так и те основания и условия, в силу существования которых в самом обществе она могла принять столь обширные размеры и выразиться в столь прискорбных проявлениях...

... В начале 1872 года стали появляться в среде учащейся молодежи, и притом в довольно значительных размерах, книги и издания заграничной прессы уже прямо революционного характера и направленные к ниспровержению существующего в России государственного строя. Издания эти, будучи произведением преимущественно русской эмиграции, имеющей, в свою очередь, близкие сношения с Интернациональным обществом, провозились в Россию или путем контрабанды, или лично возвращающимися из-за границы русскими путешественниками, которые, пропитавшись там теориями Бакунина и других ультра-демократов и социалистов, разносили по всем концам России яд преступных учений и демагогических стремлений.

Такова, между прочим, личность Сергея Ковалика, получившего образование в киевском университете и бывшего председателя с'езда мировых судей Мглинского округа, Черниговской губернии. Развиваясь все более и более, поддерживаемая и руководимая во всех своих стремлениях постоянными сношениями с заграничным миром, русская революционная партия естественно должна была прежде всего обратить внимание на русскую учащуюся молодежь и, проникнув в нее под именем «друзей народа», стать во главе ее направления в качестве «глашатаев истины и добра»...

... В начале 1874 года деятели революционной пропаганды начинают одновременно свою преступную деятельность в разных пунктах и сферах нашего общества. Обладая достаточною энергиею и кое-какими материальными средствами, они не останавливаются ни перед чем, не стесняются никакими условиями и препятствиями, организуют постоянные между собою сношения, причем весьма искусно затемняют их различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникают в высшие, средние и низшие учебные заведения, семинарии, гимназии и сельские народные школы; совращают молодежь не только путем распространения книг и устной пропаганды, но и путем близких отношений с имеющимися в их среде в немалом количестве молодыми женщинами и девушками и к концу 1874 года успевают покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов

большую половину России. Дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях...

... Всех привлеченных ныне в качестве обвиняемых к дознанию, произведенному в этих губерниях,—770; из них мужчин — 612, женщин—158; под стражею—265; на свободе, с принятием против них других мер—452; не разысканных—53. Дознания показали, что многие лица не молодые, отцы и матери семейств, обеспеченные и материальными средствами и более или менее почетным положением в обществе, не только не противодействовали, а напротив, нередко оказывали им видимое сочувствие, помощь и поддержку, как бы не сознавая в слепом своем фанатизме, что конечным последствием подобного образа действий должна быть гибель всякого общества и их самих...

... Подготовляя себе среди рабочего класса адептов и помощников и, в свою очередь, пропагандистов, вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды, а также посредством огромного количества книг и брошюр, написанных в форме общедоступных народных рассказов. Таковы: «Дедушка Егор», «Митюха», «Степные Очерки» Левитова; «Очерки фабричной жизни» Голицинского, «Сила солому ломит» и т. п. Во всех этих книжках пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплуатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества, и, наконец, выставляются резкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов...

... В это же время из типографии Мышкина в Москве рассылались повсюду в огромном количестве книги и брошюры, и, вместе с тем, печаталось сочинение Лассаля, предназначенное для молодежи в видах убеждения ее в необходимости изменения существующего экономического и социального строя и водворения коммунистических начал. На случай опасности, пропагандисты нередко запасались револьверами, а в киевском революционном кружке выработан был план вооруженного сопротивления властям при арестовании и даже подготовлялись яды с тою же оборонительною целью...

5. Пропаганда в народе по воспоминаниям ее участников.

А. ВОСПОМИНАНИЯ О. В. АПТЕКМАНА.

О. В. Аптекман, до сих пор здравствующий революционер-семидесятник, был в начале 70-х годов студентом медико-хирургической академии. Захваченный народническим движением, он участвовал в «хождении в народ», а затем принимал видное участие в землевольческих организациях. Его воспоминания, впервые написанные в якутской ссылке в 1883-84 г.г., уже в рукописи послужили материалом дла некоторых работ о движении того времени. Первое их издание было в 1906 году. В 1924 году вышло второе, значительно дополненное. Это—один из лучших источников по истории движения 70-х годов.

... Весною 1874 года волна революционно-пропагандистского движения достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь уж не нужны. Все вопросы решены. Время уж итти в народ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипела. Одни отправляются на заводы, фабрики, где с помощью спропагандированных рабочих устраиваются и приступают к работе. Поступок этих студентов импонирует товарищам, пример их заразителен. Те, которые почему-либо не могут последовать этому, страдают от огорчения. Другие—таких было, если не ошибаюсь, большинство—бросаются на изучение ремесл: сапожного, столярного, слесарного и проч... Мастерские, устраивавшиеся молодежью, были все почти на один манер: мастерские были одновременно и «коммунами». Зайдем в такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель из 3-х комнат с кухней, на Выборгской стороне. Скудная мебель, спартанские постели, запах кожи, вара бьет в нос. Это—сапожная мастерская. Трое молодых студентов сосредоточенно работают... У окна, согнувшись, вся ушла в работу молодая девушка. Она шьет сорочки, шаровары, кисеты для своих товарищей, собирающихся на-днях итти в народ. Надо торопиться, и иголка так и мелькает в воздухе. Лица молодые, серьезные, бодрые, ясные. Говорят мало, потому что некогда. Да и о чем разговаривать? Все уже решено. Все ясно, как день.

То же самое при встречах на улице. Лаконические вопросы. «Куда направляетесь?» «Куда едете?» И такие же ответы: «На Волгу! на Урал! на Дон! на Запорожье!» и т. д. и т. д. в этом роде.

Крепкие рукопожатия и всяческие благие пожелания. В путь-дорогу!

... Наступила весна 1875 года. Я получил, наконец, место фельдшера в Пензенской губернии... Я устроился в с. Муратовке Мокшанского уезда, Пензенской губернии, устроился хорошо... По праздникам, а зимою и по будням я устраивал при больнице что-то вроде клуба. Местом сборища служила большая палата для выздоравливающих, куда собирались мужики и бабы из села, нередко даже с своими чадами. Здесь происходили наши беседы... Я читал им «Сказку о четырех братьях», «Хитрую механику», «Сказку о копейке», «Как надо жить по законам природы и правды», «Емельяна Пугачева», «Историю одного крестьянина» и проч... Я замечал, что резкие выходки против царя или религии (последних в брошюрах было вообще мало) действовали крайне неприятно на крестьян; так же сильно смущали их энергичные призывы к бунту, восстанию. Вообще я заметил уж тогда, как чутко народ относится к правде и как его коробит отсутствие чувства меры... По мере того, как наши «беседы» подвигались вперед, истинный их характер стал само собой все более и более выясняться и, наконец, окончательно определился. Нелегальная литература мало-по-малу отодвинулась на задний план, а потом совсем исчезла из программы нашего курса пропаганды. Для пропаганды у нас нашлись другие, более действительные способы... Я знакомил моих слушателей с географией, этнографией, с земледельческим и промысловым характером нашей родины... Аграрный вопрос, конечно, более всего захватывал их... Как-то раз я был в ударе. С «плантом» в руках, я развернул перед моей аудиторией картину будущего социального строя, долженствующего воцариться у нас после народного восстания, когда сам народ сделается хозяином всех земель, лесов и вод. На самом, так сказать, интересном месте меня вдруг прервал один из моих слушателей торжествующим возгласом: «Вот будет хорошо, как землю-то поделим! Тогда я принайму двух работников да как заживу-то!» Признаться, в первую минуту этот неожиданный аргумент меня совершенно

сбил с толку, и весь мой социалистический пыл разлетелся, словно меня ушатом холодной воды окатили...

Б. ВОСПОМИНАНИЯ В. К. ДЕБОГОРИЯ-МОКРИЕВИЧА.

Мы шли по самым населенным местностям Подольской и Киевской губерний.... Однако от всех, от кого мы слышали о «переделе земли», мы слышали также, что этот передел должен совершиться по воле царя. По представлению крестьян, царь уже давно осуществил бы это, если бы ему не противились паны и чиновники—исконные враги крестьян, а вместе с тем и царя. Таким образом, царизм являлся в самой тесной связи с земельным идеалом крестьян. Свои желания, свои понятия о справедливости крестьяне переносили на царя, как будто это были его желания, его понятия. Передел земли должен был совершиться потому, что этого желал царь. Как ни хороша была в своем основании идея периодических переделов земли, сохранявшаяся еще в сознании украинских крестьян,—очевидно, как остаток более или менее исчезнувшей общины,—но к идее этой, как говорится, трудно было подступить: сразу же приходилось считаться с царизмом, пустившим глубокие корни в миросозерцании крестьян. Крестьянину хотелось передела земли, но для достижения этого заветного желания у него не было сил. Он это чувствовал и сознавал, поэтому предпочитал лучше ждать, убаюкивая себя иллюзией, что наступит, наконец, такое время, когда царь совершит передел земли, как совершил он десять лет тому назад освобождение от крепостной зависимости. В общем получалась картина крайне пассивного характера, и это не могло не отразиться на нашей последующей деятельности среди народа...

6. Цюрихские кружки и „Всероссийская Социально-Революционная Организация“.

ВОСПОМИНАНИЯ И. С. ДЖАБАДАРИ.

И. С. Джабадари до весны 1874 года был студентом медико-хирургической академии. Весной этого года после столкновения с проф. Ционом он оставил академию и уехал в Швейцарию. Здесь он и его товарищ Николадзе сошлись с молодым кн. Цициановым. На собраниях местной грузинской колонии эта

группа отстаивала идеи социализма и бакунизма против кавказских националистов. Разойдясь с последними, кружок Джабадари сблизился с кружком русских девушек С. И. Бардиной, Веры и Лидии Фигнер, Е. Субботиной, В. Любатович и др. Оба кружка решили ехать в Россию для создания революционной организации.

Скоро после этого члены организации были арестованы.

По возвращении в Петербург первой моей задачей было постараться выделить более активных революционеров, преимущественно из рабочего кружка воздвиженской артели, и, об'единив их с нами, отправить их в Москву, где в то время было гораздо легче работать, нежели в Петербурге. Кроме того, Петр Алексеев и Мих. Грачевский, с которыми я переговорил уже об этом до от'езда за границу, заявили мне, что сознательные заводские рабочие проявляют мало деятельности, корчат из себя студентов и не желают знаться с рабочими других профессий, то ли из боязни попасться, то ли из пренебрежительного отношения к массе неразвитых и непосвященных рабочих; Грачевский и Петр Алексеев находили, что фабричные рабочие, напр. ткачи, хотя и менее развитые, гораздо восприимчивее к революционной пропаганде, нежели заводские, являющиеся своего рода аристократией в рабочем мире; кроме того, фабричные рабочие раза 3—4 в год посещают свои села, где соприкасаются с крестьянским миром, и пропаганда на фабриках остается, таким образом, не без влияния на крестьян-сельчан, между тем как сфера влияния пропаганды среди заводских рабочих ограничивается лишь городом, т. к. редко кто из заводских рабочих сохранил тесную связь с деревней; они большею частью омещаниваются и порывают связь с родиной; наконец, принималась во внимание однородность московских и подмосковных фабричных рабочих (почти исключительно русские), что облегчало сближение, а также численность рабочего населения города Москвы и его окрестностей. Принято было во внимание и то, что в Москве оставалось несколько ценных людей, принимавших деятельное участие в кружке чайковцев, как, например, Ал. Осип. Лукашевич, рабочий Ив. Ос. Союзов и другие, которые могли быть полезны для сношений с трудовым миром; кроме того, в Москве жил в то время Гамов, который, с своей стороны, мог помочь восстановить связи долгушинцев.

В ноябре месяце первыми выехали в Москву Мих. Грачевский, Василий Грязнов и Петр Алексеев с братом своим Никифором

чего, и фабрики, продолжавшие держаться обязательного труда, не выдерживали конкуренции новых капиталистических фабрик...

... Наряду с этим появились новые суконные фабрики, принадлежавшие купцам. Главным центром суконного производства стала Москва и Московская губерния. В Московской губернии было издавна много вотчинных и поссессионных фабрик, но наряду с этим в этой местности еще в крепостную эпоху возникло много крупных капиталистических фабрик, которые еще задолго до реформы начали вытеснять старинные фабрики с принудительным трудом. Реформа только ускорила гибель старинных фабрик, не сумевших приспособиться к новым условиям производства. Вообще, суконное производство, несомненно, испытало сильное потрясение от крестьянской реформы, как можно видеть из нижеследующих цифр.

Года.	Число фабрик.	Число рабочих.	Ежегодное производство на сумму (в тыс. рубл.).
1860	432	94.721	26.204
1863 . . .	365	71.797	26.083

На другие отрасли промышленности освобождение крестьян повлияло слабее, так как в них в меньшей степени применялся крепостной труд...

---

3. Влияние железнодорожного строительства на политические отношения.

М. Н. Покровский.

В «освобожденной» России индустрия развивалась туже, чем в разгар николаевского «крепостничества»! Правда, понемногу русский капиталист приспособился и к этому. Но помещичий эгоизм заставил преодолеть массу ненужного трения — которое пошло на пользу опять-таки не кому иному, как той же «знати», ближайшему антагонисту «манчестерского» среднего помещика. С особенной рельефностью выразилось это на истории крупнейшего капиталистического предприятия пореформенной России—

постройке железнодорожной сети. Развитие этой последней шло с большой быстротой, особенно со второй половины 60-х годов:

Годы	1857	1867	1870	1876
Число верст, открытых для движения (без Польши)	671	3.408	6.724	16.700

Но около этого дела—крупнейшего, а, стало быть, и выгоднейшего—мы сразу встречаем комбинацию, характерную для отечественного грюндерства на всем протяжении нашей новейшей истории: рядом с заграничными банкирами стоят наиболее аристократические фамилии России. Первое в России железнодорожное общество («Главное общество Российских железных дорог») было делом, преимущественно, французского банкирского дома братьев Перейра. В том же 1857 году, когда возникло «Главное общество», попробовало родиться и другое—во главе его стояли банкиры Томсон, Боннар и К° вместе с графами Ржевуским, Адлербергом, Голенищевым-Кутузовым и Лубенским и князьями—Долгоруковым и Кочубеем. В дальнейших концессиях перед нами мелькают имена Строгановых, Толстых, Мусиных-Пушкиных, Апраксиных, Нарышкиных — и даже принцев Ольденбургских. Первоначально, таким образом, делались попытки захватить дело в свои руки путем индивидуальных выступлений. Скоро они прекратились,—железные дороги не дали сразу тех золотых гор, каких ждали несколько беззаботные по части политической экономии российские феодалы. Тогда к делу согласились припустить среднее дворянство — в лице земств различных губерний. Первым пионером было Борисоглебское земство (Тамбовской губернии), выхлопотавшее себе концессию на постройку железной дороги от станции Грязи до города Борисоглебска в 1868 году. За ним последовали земства: Козловское, Тамбовское, Орловское, Саратовское и другие. Но, говорит историк русских железных дорог, «система отдачи концессий земствам оказалась наименее удачною. Земства являлись лишь дорого обходящимся государству и почти всегда неумелым посредником между оптовыми строителями, так называемыми концессионерами, и правительством». На самом деле, «сферы», раньше пытавшиеся взять дело в руки в лице своих отдельных представителей, теперь решили его централизовать в своих руках. Действовали таким образом: правительство брало себе часть акций и облигаций и становилось, таким образом, частным предпринимателем; затем оно

делало от имени государства заем, выпуская не частные акции и облигации, но государственные железнодорожные облигации, доход по которым (проценты и погашение капитала) был гарантирован выручкой тех железных дорог, для которых совершалась эта операция. В 1878 году было выпущено железнодорожных бумаг на 1.383.000.000 рублей металлических, из которых правительству принадлежало 1.112.000.000 р. кредитными, т. е. 54% всей суммы. От этих бумаг государство имело не прибыль, а убытки, достигавшие, по расчету цитируемого нами автора, к 1877 году 130 миллионов рублей ежегодно. Но за эту сумму оно являлось крупнейшим акционером—а, стало быть, хозяином всей сети фактически гораздо раньше, нежели железные дороги в России и юридически сделались государственными. Владея большею частью земельных имений непосредственно, «знать» косвенно, через посредство правительства, составленного из ее членов, держала в своих руках важнейшее орудие дальнейшего развития русского аграрного капитализма.

II. Идейные вожди народничества.

1. М. А. Бакунин.

Никто более М. А. Бакунина не оказал идейного влияния на революционное народничество семидесятых годов. В конце шестидесятых годов Бакунин примкнул к Международному Обществу Рабочих. Здесь он об'единил интернациональные секции Романской Швейцарии под именем Романской Федерации Интернационала. В Интернационале Бакунин боролся с влиянием Маркса. В то время, как Маркс опирался на передовой пролетариат промышленных стран, на стороне Бакунина были экономически отсталые Швейцария и Италия. Не фабрично-заводский, а босяцкий пролетариат и крестьянство, не развитие классового самосознания и борьба за власть рабочих, а стихийный бунт и анархия фигурировали в схеме Бакунина. В тогдашней России с ее неразвитой промышленностью и чисто хищническим капитализмом идеализировавшая сельскую общину «разночинная» молодость вслед за Бакуниным верила в прирожденный анархизм русского народа. Внутренняя борьба в Интернационале закончилась в 1872 году исключением Бакунина

I. БАКУНИН О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ.

Я—сторонник Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце европейского пролетариата; я—сторонник Парижской Коммуны, в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным, отрицанием государства.

II. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ.

...Германия, в настоящем своем виде, об'единенная гениальным и патриотическим мошенничеством князя Бисмарка и опирающаяся, с одной стороны, на примерную организацию и дисциплину сво-

его войска, готового задушить и зарезать все на свете и совершить всевозможные внутренние и внешние преступления по одному мановению своего короля-императора; а с другой—на верноподданнический патриотизм, на национальное безграничное честолюбие и на то древне-историческое, столь же безграничное послушание и богопочитание власти, которыми отличаются поныне немецкое дворянство, немецкая бюрократия, немецкая церковь, весь цех немецких ученых и, под их соединенным влиянием, нередко, увы, и сам немецкий народ,—Германия, говорю я, гордая деспотически-конституционным могуществом своего единодержавца и властителя, представляет и совмещает в себе всецело один из двух полюсов современного социально-политического движения, а именно: полюс государственности, государства, реакции.

...Берлин стал теперь видимою главою и столицею всей живой и действительной реакции в Европе, князь Бисмарк — ее главным руководителем и первым министром. Я говорю, реакции живой и действительной, а не отжившей. Отжившая или из ума выжившая реакция, по преимуществу римско-католическая, бродит еще, как зловещая, но уже бессильная тень в Риме, в Версале, отчасти в Вене и в Брюсселе; другая, кнуто-петербургская, положим, хоть и не тень, но, тем не менее, лишенная смысла и будущности, продолжает еще бесчинствовать в пределах всероссийской империи. Но живая, умная, действительно сильная реакция сосредоточена отныне в Берлине и распространяется на все страны Европы из новой германской империи, управляемой государственным, а поэтому самому в высшей степени противународным гением князя Бисмарка.

Эта реакция—не что иное, как окончательное осуществление противународной идеи новейшего государства, имеющего единою целью устройство самой широкой эксплоатации народного труда в пользу капитала, сосредоточенного в весьма немногих руках; значит, торжество жидовского царства, банкократии, под могущественным покровительством фискально-бюрократической и полицейской власти, главным образом, опирающейся на военную силу, а, следовательно, по существу своему, деспотической, но прикрывающейся вместе с тем парламентскою игрою мнимого конституционализма.

Новейшее капитальное производство и банковые спекуляции для дальнейшего и полнейшего развития своего требуют тех огром-

ных государственных централизаций, которые только одни способны подчинить многомиллионные массы чернорабочего народа их эксплуатации. Федеральная организация снизу вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов— это единственное условие настоящей, а не фиктивной свободы,— столь же противна их существу, как несовместима с ними никакая экономическая автономия. Зато они уживаются отлично с так называемою представительною демократиею, так как эта новейшая государственная форма, основанная на мнимом господстве мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимо-народных собраниях, соединяет в себе два главных условия, необходимые для их преуспеяния, а именно: государственную централизацию и действительное подчинение государя-народа интеллектуальному управляющему им, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его меньшинству...

Или буржуазно-образованный мир должен укротить и поработить бунтующую народную стихию, дабы силою штыков, кнута или палки, благословенных, разумеется, каким-нибудь богом и об'ясненных разумно наукой, заставить чернорабочие массы работать попрежнему, что̀ ведет прямо к полнейшему восстановлению государства в его искреннейшей форме, которая одна возможна в настоящее время, т.-е. в форме военной диктатуры или императорства; или же рабочие массы сбросят с себя окончательно ненавистное многовековое иго, разрушат в корне буржуазную эксплоатацию и основанную на ней буржуазную цивилизацию, — а это значит торжество социальной революции, сокрушение всего, что называется государством...

...Можно сказать, что с самых древних времен историческою задачею немцев было завоевывать славянские земли, истреблять, покорять и цивилизовать, т. е. немечить или мещанить славян. Отсюда возникла между обоими племенами глубокая историческая и взаимная ненависть, обусловленная с обеих сторон специальным положением каждой...

Славяне ненавидят немцев, как ненавидят всех победителей народы завоеванные, но не примирившиеся и в душе своей не покорившиеся. Немцы ненавидят славян, как господа ненавидят обыкновенно своих рабов; ненавидят их за их ненависть, которую они, немцы, заслужили со стороны славян; ненавидят их за ту

невольную и беспрестанную боязнь, которую возбуждают в них неугасимая мысль и надежда славян на освобождение.

Как все завоеватели чужой земли и покорители чужого народа, немцы в одно и то же время совершенно несправедливо и ненавидят и презирают славян. Мы сказали, за что они их ненавидят; презирают же они их за то, что славяне не умели и не хотели онемечиться. Замечательно, что прусские немцы самым серьезным образом и горько упрекают австрийских немцев и обвиняют австрийское правительство чуть ли не в измене за то, что они не умели онемечить славян. Это, по их убеждению, да и в самом деле, составляет величайшее преступление против общенемецких патриотических интересов, против пангерманизма...

По всей природе и по всему существу своему, славяне решительно племя не политическое, т.-е. не государственное...

Несомненно, что славяне никогда сами собой, своею собственной инициативой государства не слагали. А не слагали они его потому, что никогда не были завоевательным племенем. Только народы завоевательные создают государство и создают его непременно себе в пользу, в ущерб покоренным народам.

Славяне были по преимуществу племенем мирным и земледельческим...

...Вместе с возрождением славянских племен возбуждается вопрос чрезвычайно важный, и, можно сказать, роковой:

Каким образом должно совершиться это славянское возрождение?

...Неужели славянам суждено повторить человеконенавистный, народоненавистный, уже теперь осужденный историею ответ? И для чего? Чести нет никакой; напротив—преступление, бесславие, проклятие современников и потомков. Или славянам стало завидно, что немцы заслужили ненависть всех остальных народов Европы? Или им нравится роль всемирного бога? Чорт побери всех славян, со всею их военною будущностью, если после многолетнего рабства, мучения, молчания, они должны принести человечеству новые цепи.

А польза для славян какая? Какая может быть польза для славянских народных масс от образования великого славянского государства? В таких государствах есть выгода несомненная, но только не для многомиллионного пролетариата, а для привилегированного меньшинства, поповского, дворянского, буржуазного,

или, пожалуй, хотя интеллектуального, т. е. такого, которое, во имя своего мнимо-умственного превосходства, считает себя призванным заправлять массами; выгода есть для нескольких тысяч притеснителей, палачей и эксплуататоров пролетариата. Для самого пролетариата, для чернорабочих масс—чем обширнее государство, тем тяжелее цепи и тем теснее тюрьма...

...Итак, в настоящее время существует для всех стран цивилизованного мира только один всемирный вопрос, один мировой интерес—полнейшее и окончательное освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и от государственного гнета. Очевидно, что этот вопрос без кровавой, ужасной борьбы разрешиться не может и что настоящее положение, право, значение всякого народа будут зависеть от направления, характера и степени участия, которое он примет в этой борьбе.

Не ясно ли, стало быть, что славяне должны искать и могут завоевать свое право и место в истории и в братском союзе народов только путем социальной революции?

Но социальная революция не может быть одинокою революциею одного народа; она по существу своему—революция интернациональная, значит, славяне, отыскивающие своей свободы и ради своей свободы, должны связать свои стремления и организацию своих народных сил с стремлениями и с организацией народных сил всех других стран: славянский пролетариат должен войти целою массою в Интернациональную Ассоциацию Рабочих...

...Мы, революционеры-анархисты, поборники всенародного образования, освобождения и широкого развития общественной жизни, а потому враги государства и всякого государствования, в противуположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом; что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины, рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий, и что последние, всегда производимые ею и никогда ее не производящие, указывают только, как верстовые столбы, на ее направление и на различные фазисы ее самостоятельного и самородного развития.

Сообразно такому убеждению, мы не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу

какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих, более или менее развитых историею инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе; а так как всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению поставленное вне народа, над ним, непременным образом должно стремиться к подчинению его порядкам и целям, ему чуждым, то мы об'являем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх, путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создает свою жизнь.

Таковы убеждения социальных революционеров, и за это нас называют анархистами. Мы против этого названия не протестуем, потому что мы, действительно, враги всякой власти, ибо знаем, что власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие—рабами...

...Между революционною диктатурою и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же, они представляют обе одно и то же управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Поэтому они одинаково реакционерны, имея как та, так и другая, результатом непосредственным и непременным упрочение политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономического рабства народных масс...

...Г. Маркс перечитал, разумеется, всех французских социалистов, от Сен-Симона до Прудона включительно, и последнего, как известно, он ненавидит, и нет сомнения, что в беспощадной критике, направленной им против Прудона, много правды: Прудон, несмотря на все старания стать на почву реальную, остался идеа-

листом и метафизиком. Его точка отправления—абстрактная, идея права; от права он идет к экономическому факту, а г. Маркс, в противоположность ему, высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса.

Но, что замечательнее всего и в чем, разумеется, г. Маркс никогда не признавался, это то, что в отношении политическом г. Маркс прямой ученик Луи-Блана. Г. Маркс несравненно умнее и несравненно ученее этого маленького неудавшегося революционера и государственного человека; но, как немец, несмотря на свой почтенный рост, он попал в учение к крошечному французу.

Впрочем, странность об'ясняется просто:... оба—отчаянные государственники, и оба проповедуют государственный коммунизм.

...Программа Маркса сделалась программою социально-демократической партии. В начале в ней повторяются некоторые из главных параграфов интернациональной программы, утвержденной первым женевским конгрессом; но потом, вдруг, совершается крутой переход к «з а в о е в а н и ю п о л и т и ч е с к о й в л а с т и», рекомендуемой немецким работникам, как «б л и ж а й ш а я и н е п о с р е д с т в е н н а я ц е л ь» новой партии, с прибавлением следующей знаменательной фразы: «Завоевание политических прав (всенародное право избирательства, свобода печати, свобода ассоциаций и публичных собраний и т. д.), как необходимое п р е д в а р и т е л ь н о е условие экономического освобождения работников».

Эта фраза имеет вот какое значение: прежде, чем приступить к социальной революции, работники должны совершить политическую революцию, или, что более сообразно с природою немцев, завоевать, или, еще проще, приобресть политическое право посредством мировой агитации. А так как всякое политическое движение не может быть другим, как движением буржуазным, то и выходит, что эта программа рекомендует немецким работникам усвоить себе прежде всего буржуазные интересы и цели и совершить политическое движение в пользу радикальной буржуазии, которая потом, в благодарность, не освободит народ, а подчинит его новой власти, новой эксплуатации...

...Да и каким образом революционное направление могло бы сочетаться в немецком народе с наследственным послушанием и стремлением к преобладанию, составляющим, как мы уже несколько раз повторили, основные черты его существа? И знаете ли, какое стремление преобладает ныне в сознании или инстинкте каждого немца? Стремление распространить широко, далеко пределы немецкой империи...

...Всякий немец думает, что дело образования великой германской империи только что началось и, чтобы довести его до конца, необходимо присоединить к ней всю Австрию, кроме Венгрии, Швецию, Данию, Голландию, часть Бельгии, еще часть Франции и всю Швейцарию по самые Альпы. Вот его страсть, которая в настоящее время заглушает в нем все остальное. Она также заправляет ныне и всеми действиями социально-демократической партии...

Среди недоростков с одной стороны и развалин с другой — вызвышается полное красоты и силы величавое здание пангерманского государства—последнее убежище всех привилегий и монополий, словом, буржуазной цивилизации, последний и могучий оплот государственности, т. е. реакции. Да, на континенте Европы существует только одно настоящее государство—пангерманское; все же остальные — только вице-королевства великой немецкой империи.

Эта империя устами своего великого канцлера об‘явила войну на жизнь или на смерть социальной революции. Князь Бисмарк произнес ее смертный приговор во имя сорока миллионов немцев, стоящих за ним и служащих ему опорою. Маркс же, соперник и завистник его, а за ним и все коноводы социально-демократической партии Германии, как бы в подтверждение Бисмарка, с своей стороны об‘явили такую же отчаянную войну социальной революции...

На пангерманском знамени написано: удержание и усиление государства во что бы то ни стало; на социально-революционном же, на нашем знамени, напротив, огненными, кровавыми буквами начертано: разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов—организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира...

...В русском народе существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерною нищетою, а также и рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов.

Что же служит ему препятствием к совершению победоносной революции? Недостаток ли в общем народном идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель и без которого, как мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее восстание целого народа, а, следовательно, невозможен и самый успех революции? Но вряд ли было бы справедливо сказать, что в русском народе уже не выработался такой идеал. Если бы его не было, если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере, в своих главных чертах, то надо было бы отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непременным образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и, вместе с тем, есть как бы образное и общепонятное, всегда простое выражение его настоящих требований и надежд.

Понятно, что, если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии его ему дать. Вообще, нужно заметить, что никому, ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития...

Существует ли такой идеал в представлении народа русского? Нет сомнения, что существует, и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты.

Первая и главная черта—это всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая, столь же крупная черта—что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности с двумя пред-

идущими, это—квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение общины к государству.

Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему, они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако, русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют и замедляют осуществление его, чертами, против которых, поэтому, мы всеми силами должны бороться и против которых борьба тем возможнее, что она уже существует в самом народе.

Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя...

«Кто смеет итти против мира?» — восклицает с удивлением русский мужик. Мы увидим, что, кроме царя, его чиновников и дворян, стоящих, собственно, вне мира, или, вернее, над ним, есть в самом русском народе лицо, смеющее итти против мира: это—разбойник. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России, первые бунтовщики—первые революционеры в России—Пугачев и Стенька Разин—были разбойники.

В мире имеют право голоса только старики, главы семейства. Неженатая или даже женатая, но не отделенная молодежь должна исполнять и повиноваться. Но над общиною, над всеми общинами стоит царь, всеобщий патриарх и родоначальник, отец всей России. Поэтому власть его безгранична...

...Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись. Недавно еще ненависть его была разделена между дворянами и чиновниками, и иногда даже казалось, что он ненавидит первых еще более, чем последних, хотя, в сущности, он их ненавидит равно. Но с тех пор, как, вследствие упразднения крепостного права, дворянство стало видимо разоряться, пропадать и обращаться к своему первоначальному виду исключительно служебного сословия, народ обнял его в своей общей ненависти ко всему чиновному сословию. Нужно ли доказывать, до какой степени ненависть его законна?...

В таком положении, что может делать наш умственный пролетариат, русская, честная, искренняя, до конца преданная социально-революционная молодежь? Она должна итти в народ несомненно потому, что ныне везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных, чернорабочих масс, нет более ни жизни, ни дела, ни будущности. Но как и зачем итти в народ?...

...Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако, частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно — доказывают нам громадные движения народные, под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет, действительно, идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху.

...Русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своею молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствавала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких... Класс, который мы называем нашим умственным пролетариатом и который у нас уже в положении социально-революционном, т.-е. просто-напросто отчаянном и невозможном, должен теперь проникнуться сознательной страстью социально-революционного дела, если он не хочет погибнуть постыдно и втуне, этот класс призван ныне быть приуготовителем, т. е. организатором народной революции. Для него нет другого выхода. Он мог бы, правда, благодаря полученному им образованию, стремиться достать какое-нибудь более или менее выгодное местечко в рядах, уже чересчур переполненных и чрезвычайно негостеприимных, грабителей, эксплуататоров ип ритеснителей народа. Но, во-первых, таких мест все остается меньше и меньше, так что они достижимы только для самого малого количества. Большинство останется только со срамом измены и погибнет в пошлости и подлости. Мы же обращаемся только к тем, для которых измена немыслима, невозможна.

Порвавши безвозвратно все связи с миром эксплуататоров, губителей и врагов русского народа, они должны смотреть на себя, как на капитал драгоценный, принадлежащий исключительно делу народного освобождения, как на такой капитал, который должен тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и организацию всенародного бунта.

III. ИЗ ПРОКЛАМАЦИИ БАКУНИНА К СТУДЕНТАМ В 1869 Г.

Эта прокламация составлена после студ. движения 1869 г.

...Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда раз'единить вас с народом. Ступайте в народ! Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести его дело. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителем, не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальною бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтоб приобресть способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая, несомненно, народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа.

Таково убеждение лучших людей на Западе, где так же, как и в России, старый государственный мир, основанный на религии, на метафизике и на буржуазной цивилизации, на праве семейном и на наследственном праве, видимо падает и должен уступить место освобожденному чернорабочему миру. Вам врут, говоря, что в Европе все спит. Напротив, все просыпается, и надо быть, право, слепым и глухим, чтобы не услышать и не увидеть несомненных признаков приближающейся общественной бури.

Готовясь к борьбе, помимо всех границ государственных, рабочий мир подал себе руку, в Европе и в Америке, и во имя всеобщей победы зовет вас, русскую бессословную молодежь, вас, работников революции, на крепкий союз...

2. П. Л. Лавров.

Кроме М. А. Бакунина, на движение 70-х годов оказал громадное влияние П. Л. Лавров, которого исследователь «активного народничества» 70-х годов В. Я. Богучарский считает «полной противоположностью Бакунину» по натуре. В начале 60-х г.г. П. Лавров был профессором артиллерийской академии и начал писать по вопросам философии. Уже тогда он был радикалом: после покушения Каракозова он был арестован в числе очень многих и сослан в Вологодскую губернию, откуда присылал в журнал «Неделя», под псевдонимом Миртова, свои «Исторические Письма», оказавшие большое влияние на современную молодежь. В 1869 г. эта работа вышла отдельным изданием, а в 1870 г. Лавров бежал за границу, где был очевидцем событий Парижской Коммуны. С 1873 г. он стал издавать «социально-революционный» журнал «Вперед». Исторические взгляды Лаврова положили основание так называемой „суб'ективной школы" в социологии. Творцом исторического прогресса, с его точки зрения, являются не общественные классы, действующие под давлением экономической необходимости, как это утверждает Маркс, а критически мыслящая личность, творящая новый мир во имя своих суб'ективных идеалов. Такой взгляд был естественным порождением эпохи, когда „критически мыслящие личности", т.-е. интеллигенция, были носителями революционной борьбы, а рабочие массы еще не выступали на борьбу. Следует заметить, что бакунисты, верившие в тогдашнюю массу, был ближе к историческому материализму, чем последователи Лаврова.

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА.

...Сознательно или бессознательно, человек прилагает ко всей истории человечества ту нравственную выработку, которой он сам достиг. Один ищет в жизни человечества лишь того, что способствовало образованию или разрушению сильных государств. Другой следит преимущественно за борьбой, усилением и гибелью национальностей. Третий старается убедить себя и других, что торжествующая сторона была всегда правее побежденной. Четвертый интересуется фактами, насколько они осуществили ту или другую идею, принимаемую за безусловное благо для человечества. Все они судят об истории суб'ективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут...

...Один автор найдет в умственной культуре новой Европы преобладающее влияние проповеди, раздававшейся когда-то в Галилее, и станет утверждать, что сравнительно влияние греческих философских школ было незначительно; другой историк столь же решительно будет утверждать прямо противоположный тезис.

Итак, волей-неволей, приходится прилагать к процессу истории суб'ективную оценку, т.-е., усвоив, по степени своего нравственного развития, тот или другой нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу, и на первый план истории выставить по важности те факты, в которых это содействие или противодействие выразилось с наибольшею яркостью. Но здесь представляются еще два многозначительные обстоятельства. Во-первых, при этой точке зрения, все явления обособляются как благодетельные или вредные, как нравственное добро или зло. Во-вторых, мы,—с нашим нравственным идеалом, определяющим перспективу процесса истории,—становимся в конец этого процесса; все предыдущее становится к нашему идеалу в отношение подготовительных ступеней, ведущих неизбежно к определенной цели. Следовательно, история представляется нам борьбою благодетельного и вредного начала, где благодетельное, в неизменном виде или в постепенном развитии, достигло, наконец, той точки, на которой оно есть для нас высшее благо человечества...

...Для *человека* процесс истории всегда представляется более или менее ясно и последовательно,—борьбою за прогресс, реальным или идеальным развитием прогрессивных стремлений, прогрессивного понимания, и лишь те явления были историческими в строгом смысле этого слова, которые влияли на этот прогресс...

...Если история может быть понята лишь как наука прогресса, а прогресс сам по себе есть не более, как суб'ективный взгляд на события с точки зрения нашего нравственного идеала. то научность истории обусловливается возможностью выработать научным путем нравственный идеал, который *должен неизбежно* утвердиться в человечестве, как единая научная истина...

Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости—вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно

назвать прогрессом, и прибавлю, что я в этой формуле не считаю ничего мне лично принадлежащим: более или менее ясно и полно высказанная, она лежит в сознании всех мыслителей последних веков, а в наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже теми, кто действует несогласно с нею и желает совершенно иного...

...Развитие личности в физическом отношении лишь тогда возможно, когда она приобрела некоторый минимум гигиенических и материальных удобств, ниже которого вероятность страдания, болезней, постоянных забот далеко превосходит вероятность какого-либо развития, делает последнее долею лишь исключительных личностей, а все остальные сбрекает на вырождение в ежеминутной борьбе за существование, без всякой надежды на улучшение своего положения.

Развитие личности в умственном отношении лишь тогда прочно, когда личность выработала в себе потребность критического взгляда на все, ей представляющееся, уверенность в неизменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе.

Нахожу необходимым, для предупреждения недоразумений, пояснить эти последние слова.

В современном обществе, проникнутом всеобщею конкуренцией, отождествление справедливости с личною пользою кажется бессмысленным. Действительно, лица, которые теперь наслаждаются выгодами цивилизации, могут наслаждаться ими, лишь приобретя богатство и увеличивая его. Но капиталистический процесс обогащения есть, по самой своей сущности, процесс обсчитывания рабочего, процесс недобросовестной спекуляции на бирже, процесс рыночной торговли своими умственными способностями, своим политическим и общественным влиянием...

...Развитие личности в нравственном отношении лишь тогда вероятно, когда общественная среда дозволяет и поощряет в личностях развитие самостоятельного убеждения; когда личности имеют возможность отстаивать свои различные убеждения и тем самым принуждены уважать свободу чужого убеждения; когда личность сознала, что ее достоинство лежит в ее убеждении и что уважение достоинства чужой личности есть уважение собственного достоинства.

Воплощение в общественных формах истины и справедливости предполагает, прежде всего, для ученого и мыслителя, возможность высказать положения, считаемые им за выражение истины и справедливости; затем оно предполагает в обществе некоторый минимум общего образования, дозволяющий большинству понять эти положения и оценить аргументы, приводимые в их пользу; наконец, оно предполагает такие общественные формы, которые допустили бы изменение, лишь только окажется, что эти формы перестали служить воплощением истины и справедливости.

Лишь тогда, когда физическое развитие личности возможно, когда умственное ее развитие прочно, когда нравственное ее развитие вероятно, лишь тогда, когда общественная организация заключает в себе условия достаточной свободы слова, достаточного минимума среднего образования, достаточной доступности для изменений в общественных формах,—лишь тогда прогресс общества в целом может считаться более или менее обеспеченным, лишь тогда можно сказать, что все данные для прогресса налицо, и лишь внешние катастрофы могут остановить его...

...Осуществлены ли начальные условия прогресса? Здесь возможен лишь один ответ: все условия прогресса не осуществлены ни для одного человека, и ни одно из них не осуществлено для большинства. Лишь небольшие группы личностей или отдельные личности оказывались иногда и кое-где в достаточно благоприятных обстоятельствах, чтобы завоевать себе какой-либо прогресс и передать традицию борьбы за лучшее другим маленьким группам, которым судьба тоже подарила несколько выгоднейшее положение. Всюду и всегда личности, выработавшие в себе какой-либо прогресс, должны были бороться с неисчислимыми препятствиями, тратить на эту борьбу самую значительную долю своих сил и своей жизни, чтобы только отстоять свое право на физическое и умственное развитие. Лишь при особенно выгодных обстоятельствах им это удавалось...

...Замечая, как мало выполнены условия человеческого прогресса, мы, конечно, перестаем удивляться существованию печального хора писателей, во все века повторявших горькие жалобы на бедствия человечества и сетовавших на непрочность, так называемых, исторических цивилизаций. Как в наше время огромное большинство человечества обречено на непрестанный физический труд, отупляющий ум и нравственное чувство, на вероятность

смерти от голода или от эпидемий, так и всегда большинство было в подобном положении. Вечно трудящейся человеческой машине, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашним днем, вовсе не лучше в наше время, чем было в другие периоды. Для нее прогресса нет. Ей мало дела и до культуры, стоящей над ее головою со своими дворцами, храмами, парламентами, академиями, студиями. Ее связывали в прежнее время с господствующим меньшинством неприкосновенность стародавнего обычая, святыня общей религии. Позже она верила в заботу о ней патриархальных начальников, далеких царей. Еще позже надеялась на «народных» министров, на «радикальных» ораторов в парламентах и на митингах, слыша, как эти люди с жаром говорили о «народе». Но история уносила одну из этих иллюзий за другою, и цивилизации с их блеском все оставались средствами наслаждения меньшинства в виду постоянно страждущего большинства. Тем не менее, все снова и снова перед всяким обществом возникает вопрос о необходимости, для прочности цивилизации, установить солидарность интересов и убеждений, установить связь между господствующими классами и большинством...

Дорого заплатило человечество за то, чтобы несколько мыслителей, в своем кабинете, могли говорить о его прогрессе. Дорого заплатило оно за несколько маленьких семинарий, где воспитывало себе педагогов, которые, впрочем, до сих пор еще принесли ему мало пользы. Если бы счесть образованное меньшинство нашего времени, число жизней, погибших в минувшем в борьбе за его существование, и оценить работу ряда поколений, трудившихся только для поддержания своей жизни и для развития других, и если бы вычислить, сколько потерянных человеческих жизней и какая ценность труда приходится на каждую личность, ныне живущую несколько человеческой жизнью,— если бы все это сделать, то, вероятно, иные наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капитал крови и труда израсходован на их развитие. К успокоению их чуткой совести служит то обстоятельство, что подобный расчет невозможен...

...Вся кровь, пролитая в истории вне прямой борьбы за существование, в период более или менее ясного сознания прав человека на жизнь, есть кровь, преступно-пролитая и лежащая на ответственности поколения, ее пролившего. Всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотело быть цивилизующим, в самом

обширном смысле этого слова, несет ответственность за все страдания современников и потомства, которые оно могло устранить, если бы не ограничивалось ролью представителя и хранителя цивилизации, а взяло на себя и роль ее двигателя...

...Член небольшой группы меньшинства, видящий свое наслаждение в собственном развитии, в отыскании истины и в воплощении справедливости, сказал бы себе: каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллионов. Прошедшее я исправить не могу, и как ни дорого оплачено мое развитие, я от него отказаться не могу: оно именно и составляет идеал, возбуждающий меня к деятельности. Лишь бессильный и неразвитой человек падает под ответственностью, на нем лежащей, и бежит от зла в Фиваиду или в могилу. Зло надо исправить, насколько можно, а это можно сделать лишь в жизни. Зло надо зажить. Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем. Если я—развитой человек, то обязан это сделать, и эта обязанность для меня весьма легка, так как совпадает именно с тем, что составляет для меня наслаждение; отыскивая и распространяя более истин, уясняя себе справедливейший строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслаждение и в то же время делаю все, что могу, для страждущего большинства в настоящем и в будущем. Итак, мое дело ограничивается одним простым правилом: живи сообразно тому идеалу, который ты сам себе поставил, как идеал развитого человека.

Это было бы все так легко и просто, если бы все личности поняли дело, но беда именно в том, что весьма немногие понимают его... Большинство... или ставит идолы на место истины и справедливости, или ограничивается истиною и справедливостью в мысли, а не в жизни, или не хочет видеть, какое незначительное меньшинство пользуется выгодами прогресса цивилизации. А цена этого прогресса все растет...

...Обществу угрожает опасность застоя, если оно заглушит в себе критически-мыслящие личности. Его цивилизации грозит гибель, если эта цивилизация, какова бы она ни была, сделается исключительным достоянием небольшого меньшинства. Следовательно, как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит

исключительно на критически-мыслящих личностях; без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне непрочен. Так как эти личности полагают обыкновенно себя в праве считаться развитыми, и так как за и х - т о именно развитие и заплачена та страшная цена, о которой говорено в последнем письме, то нравственная обязанность расплачиваться за прогресс лежит на них же...

II. ИЗ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД».

Из программы.

Все нынешние централизованные политические программы нам прямо враждебны. Все политические партии с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее распределение территорий другими распределениями с другими центрами и другими законами,—все это нам враждебно в своем основном строе и индифферентно для нас в своем проявлении.

Вопрос об участии рабочих в современном политическом движении Европы и Америки мы оставим спорным. Мы охотно примем сотрудничество лиц, которые думают, что в государствах, где рабочее сословие, крестьянское или фабричное, может захватить в свои руки политическое влияние, едва ли не полезнее ему воспользоваться существующими политическими формами для своего дела, чтобы потом перестроить общество путем прямого законодательства. Мы не отказываемся и от содействия лиц, считающих этот пут нецелесообразным и проповедывающих, что рабочие не должны иметь ничего общего с современным государственным строем, должны противопоставлять ему свою собственную организацию, которая в данную минуту, достигнув до надлежащей силы, низвергнет весь существующий порядок вещей путем социальной революции и заменит этот порядок другим.

Для русского социальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением.

Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской

сходки основной политический элемент русскаго общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы широки они ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства даже в случае самого удачного переворота,—вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству.

Из статей.

Мы знаем, что разом торжество наших целей осуществиться не может, что для него нужна подготовка, ясное понимание возможного в данную минуту. Именно это возможное мы будем постоянно иметь в виду.

Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать в себе возможность полезной деятельности среди народа.

Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые условия подобной деятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его к самостоятельно-сознательной деятельности для достижения ясно-понятных целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России.

Лишь тогда, когда течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя в праве призвать народ к осуществлению этого переворота.

Не теоретически только приходится подготовляться человеку русского цивилизованного класса для возможности полезной деятельности в народе. Он должен подготовлять себя к тому и жизнью. Он должен употребить все старания, чтобы в себе и около себя сгладить то резкое различие, которое привычка жизненной обстановки положила между классами в России. Он должен уметь жить с народом, должен приучиться говорить с ним, понимать его, сочувствовать ему не только в общих, но и в частных вопросах.

Подготовлять успех народной революции, когда она станет необходима, когда она будет вызвана течением исторических событий и действиями правительства,—такова ближайшая цель деятельности, которую мы считаем обязательною для всякого, кто желает блага России, для всякого, кто искренно предан народной программе, поставленной нами выше...

Современная молодежь русских интеллигентных классов, чувствуя, подобно отцам и дедам, отвращение к существующим идеалам русского общежития,—идеалам влиятельного лакейства и грабежа крупных размеров,—и не сдерживаемая никакими традиционными политическими и общественными программами в семье и обществе, не имеет причин остановиться, не доходя до самой решительной программы современной мысли, до логически необходимой программы социальной революции. В своих лучших представителях она самоотверженно примкнула к этому знамени, несмотря на то, что оно враждебно экономическим интересам и привычкам общежития того самого класса, к которому принадлежит почти вся эта молодежь. И вот из семей собственников, из общества, вся культура, все знания, все средства которого выросли на почве экономического и политического эксплуататорства, выдвинулась, по исторической необходимости, новая фаланга борцов, которые решили употребить эти средства, эти знания на то, чтобы подорвать это самое эксплуататорство.

Эта молодежь заключает зерно достаточно ясно понимающих требования социалистической солидарности, понимающих и опасности, которые могут грозить рабочему социализму в самую минуту совершения переворота. Она заключает группу менее ясно понимающих эти истины. Она заключает в значительном числе сочувствующих практическим требованиям рабочего социализма. Около нее народ, подготовленный своими страданиями к восприятию этого учения, подготовленный политическою традициею общины и артели к развитию социалистического общежития, подготовленный нравственной традициею к революционной агитации.

На этой молодежи из интеллигентных классов, выработанной русской историей, лежит обязанность связать готовые элементы народной политической силы в солидарное целое для социальной революции помощью пропаганды требований рабочего социализма и помощью социально-революционной агитации.

На ней лежит обязанность инициаторства в организации социально-революционных сил русского общества для подготовления и совершения переворота. На ней лежит обязанность предотвратить опасности, грозящие русскому народу от недостатка связи между его частями и от недостатка недоступного ему знания.

На ней лежит обязанность предотвратить и в себе самой то распадение и деморализацию, которые парализовали стремление ее отцов и дедов, вследствие недостатка взаимной поддержки и прочной связи, и которые составляют исторически выработанные болезни класса, из которого она вышла...

...Государства так, как они существуют, враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперацией для общей цели.

Государства держатся чиновничеством и войском, это—общественная форма, с помощью которой одна часть общества принуждает другую жить и действовать, как угодно первой.

Все политические учреждения, по крайней мере, в том виде, в каком они существовали до сих пор и существуют теперь, суть не что иное, как организация, создаваемая эксплуатируемыми классами общества для существующих социальных отношений, т.-е. для сохранения возможности эксплуатировать и грабить народные массы.

Для современного социалиста не «безразличны формы правления и государственное устройство», но... он, во имя своих социалистических убеждений, стремится разрушить всякую форму правления и всякое государственное устройство, не согласное с социальными убеждениями; а с ними не согласно ни одно из существующих государственных устройств.

Не «подрывания государства» добиваются социалисты, а «обеспечения лучшего общественного строя» на развалинах современного государства, которое не может быть «разрушено» горстью идеалистов, но которое рушится потому, что «само в себе носит зародыш разрушения».

Государство в наше время есть не что иное, как политическое орудие хищничества, обращенное всегда на свой народ, обращенное на соседей в минуту политического торжества.

3. П. Н. Ткачев.

Петр Никитич Ткачев участвовал в студенческом движении 1861 года, за что был исключен из университета. В конце 60-х годов он сошелся с Нечаевым и вместе с ним руководил волнениями студентов в 1869 г. Эмигрировав затем в Швейцарию, он там образовал особое течение среди русских революционеров, взгляды которого выражал в журнале «Набат».

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА «НАБАТ».

Пришло время ударить в набат. Смотрите, огонь «экономического прогресса» уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый «принцип общины», принцип, долженствующий лечь краеугольным камнем того будущего общественного строя, о котором все мы мечтаем.

На развалинах перегорающих форм нарождаются новые формы,—формы буржуазной жизни; развивается кулачество, мироедство, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, алчного эгоизма... Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Сегодня мы—сила... Сегодня наши враги слабы, раз'единены. Против нас одно правительство с своими чиновниками и солдатами... Но что будет завтра?...

Подготовлять революцию—это совсем не дело революционера. Ее подготовляют: эксплуататоры, капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п.

Революционер же должен только пользоваться и известным образом комбинировать те, уже готовые, данные революционные элементы, которые выработала история, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крепнут и развиваются, благодаря тупости «охранителей», бессмыслию правительств с их жандармами и войсками, благодаря, наконец, трудолюбивым возделывателям вертограда «мирного» прогресса и их буржуазной науки.

Революционер не подготовляет, а делает революцию...

Бить в набат, призывать к революции—значит указывать на ее необходимость и возможность именно в данный момент, выяснять практические средства ее осуществления; определять ее ближайшие цели...

Такова и будет главная задача нашего органа...

Революционеры,— люди меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества, необходимо обладают и, оставаясь революционерами, не могут не обладать властью. Истинная революция—действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную — может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами,— ближайшая, непосредственная цель революции должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственной властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное.

Итак, ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революци, не есть еще революция. Это—только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию.

Упрочив свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществит социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества,— реформ, общий характер которых должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, частного владения, в общину-коммуну, основывающуюся на принципе общего, совместного пользования орудиями производства и общего, совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устранили бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип, — принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу,—принципом братской любви и солидарности; 4) в постепенном устранении физического, нравственного и умственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы

общественного, для всех одинакового интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин; 6) в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти.

Такова должна быть, по нашему мнению, в самых общих чертах программа деятельности революционного государства.

Государственный заговор является если не единовременным, то, во всяком случае, главным и наиболее целесообразным средством к насильственному перевороту. Но всякий признающий необходимость государственного заговора тем самым должен признать и необходимость дисциплинированной организации революционных сил.

На западе, как и у нас, мы замечаем два течения: одно — чисто утопическое, федеративно-анархическое, другое — реалистическое, централизационно-государственное... Революционные партии все яснее и яснее начинают сознавать, что без захвата государственной власти в свои руки невозможно произвести в существующем строе общества никаких прочных и радикальных изменений, что социалистические идеалы, несмотря на всю их истинность и разумность, до тех пор останутся несбыточными утопиями, пока не будут опираться на *силу*, пока их не прикроет и не поддержит авторитет *власти*. В связи с таким сознанием необходимо должна измениться и самая форма организации революционных сил. По мере того, как политический элемент борьбы выдвигается на первый план, все сильнее и сильнее чувствуется потребность, с одной стороны, более централизовать революционные силы, с другой—облечь большей тайной их деятельность.

Мы верим, что революционные силы, скрывшись под *легальную почву*, кончат тем, что взорвут ее, разрушат величественное здание «буржуазного общества» и под его обломками погребут старый мир.

4. Из статей Н. К. Михайловского (начала 70-х годов).

Знаменитый публицист Николай Константинович Михайловский отражал народнические настроения (сходясь в основном с Лавровым) в легальной литературе, особенно в журнале „Отечественные Записки“.

Из литературных и журнальных заметок 1872—73 г.г.

Современный экономический порядок в Европе начал складываться еще тогда, когда наука, заведующая этим кругом явлений, не существовала и когда нравственные идеи были крайне грубого свойства. Вследствие этого, европейская жизнь складывалась почти так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево. Река течет по направлению наименьшего сопротивления, смывает то, что может смыть, будь это алмазная копь, огибает то, чего смыть не может, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инициативе человеческого разума и чувства. Этот разум и это чувство, можно сказать, не присутствовали при возникновении современного экономического порядка в Европе. Они были в зачаточном состоянии, и воздействие их на естественный, стихийный ход вещей было ничтожно. Конечно, люди всегда старались так или иначе повлиять на ход вещей. Но они руководствовались при этом указаниями самого скудного опыта и самыми грубыми интересами. И понятно, что только в высшей степени редко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современною наукою и современными нравственными идеями. Такое совпадение, хотя оно и случалось, было в своем роде чудом, редчайшим исключением из общего правила. Конечно, европейские законодательства предписывали даже весьма энергические меры, стараясь направить экономическое развитие в ту или другую сторону. Но в большинстве случаев эти меры, несмотря на свой насильственный характер, только ускоряли естественный процесс развития. Такова, например, покровительственная торговая политика, которой держалась в свое время нынешняя представительница фритредерства — Англия. Вот почему мы и говорим, что разум (разумея разум, просветленный наукой) и нравственное чувство (более или менее развитое) не влияли на ход экономического развития в Европе. Величайшим актом вмешательства разума и чувства было освобождение крепостных, но и в этом акте было много стихийного. В освобождении крестьян в Европе следует отличать две стороны. Рядом с свободой, с падением феодальной зависимости, идет целый длинный ряд явлений, клонящихся к тому, чтобы отделить собственность от труда,

собственника от условий труда, производителя от орудий производства. Дело началось с обезземеления свободных, освобожденных крестьян...

...Поэтому вполне естественно, что во всем опередившие нас государства не разрешили своего рабочего вопроса... Но нам они в этом отношении—не указ. Там крупные промышленники представляют великую общественную силу, могучую и числом своим, и своим образованием, и громадными капиталами. Там удовлетворительное решение рабочего вопроса, действительно, равняется революции, которая должна взволновать весь веками складывавшийся общественный строй и поколебать интересы важные, сильные, многочисленные...

...Рабочий вопрос в Европе есть вопрос, революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника, экспроприиации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербургом, т.-е. в одной из наиболее англизированных местностей, в местности, испещренной фабриками, заводами, парками, дачами, существуют деревни, жители которых живут на своей земле, жгут свой лес, едят свой хлеб, одеваются в армяки и тулупы своей работы, из шерсти своих овец. Гарантируйте им прочно это свое, и русский рабочий вопрос решен. А ради этой цели можно все отдать, если как следует понимать значение прочной гарантии. Скажут: нельзя же вечно оставаться при сохе и трехпольном хозяйстве, при допотопных способах фабрикации армяков и тулупов. Нельзя. Но из этого затруднения существуют два выхода. Один, одобряемый практической точкой зрения, очень прост и удобен: поднимите тариф, распустите общину, да, пожалуй, и довольно—промышленность, на подобие английской, как гриб вырастет. Но она с'ест работника, экспроприирует его. Есть и другой путь, конечно, гораздо труднее, но легкое разрешение вопроса не значит еще правильное. Другой путь состоит в развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом, первобытном виде. Понятно, что цель эта не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление поземельной общины...

...Подавляющее большинство населения России состоит из землевладельцев - земледельцев. В Европе обрабатывающая промышленность вся сконцентрирована в городах. У нас огромная доля ее не отделилась от сельской промышленности и не выходит из деревни. У нас мужик, если и работает на фабрике, то тем не менее имеет свой клок земли, к которому и возвращается летом и в минуты невзгоды. В Европе этого нет, потому что и мужика там настоящего не везде можно сыскать. У нас безземельный рабочий есть исключение, тогда как в наиболее цивилизованных странах Европы дело устроено самым органическим образом, и такого явления, как землевладелец-капиталист-рабочий, там давно уже нет. Вместе с тем Россия есть страна неразвитая, бедная капиталами и знаниями. В виду всего этого возможны две диаметрально противоположные политические программы. Можно требовать для России буквального повторения истории Европы в экономическом отношении: отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность в города, а сельскую предоставить мелким или крупным землевладельцам-не-земледельцам. Таким путем различные общественные функции благополучно обособятся. Но можно представить себе и другой ход вещей. Можно представить себе поступательное развитие тех самых экономических начал, какие и теперь имеют место на громадном пространстве империи. Это будет, разумеется, опыт небывалый, но ведь мы и находимся в небывалом положении. Мы представляем собою народ, который был до сих пор, так сказать, прикомандирован к цивилизации. Мы владеем всем богатейшим опытом Европы, ее историей, наукой, но в то же время сами только оцарапаны цивилизацией. Наша цивилизация возникает так поздно, что мы успели вдоволь насмотреться на чужую историю и можем вести свою собственную вполне сознательно,—преимущество, которым в такой мере ни один народ до сих пор не пользовался...

III. Движение в народ.

1. Кружок Чайковцев.

Из воспоминаний П. А. Крапоткина.

П. А. Крапоткин, увлекавшийся еще в Пажеском корпусе революционными идеями, а потом стремившийся к научной деятельности, в конце 60-х годов окончательно избрал деятельность революционера. Пребывание за границей оказало на него в этом отношении решающее воздействие. По возвращении оттуда он в 1872 году примкнул в Петербурге к социалистическому кружку «чайковцев», называвшемуся так по имени его основателя, студента университета, Н. В. Чайковского. К этому кружку принадлежали след. видные революционные деятели: С. Л. Перовская, С. М. Кравчинский, Л. Э. Шишко, Д. А. Клеменц, Д. М. Рогачев, С. С. Синегуб.

...По приезде в Цюрих я вступил в одну из местных секций Интернационала и спросил своих русских приятелей, по каким источникам можно познакомиться с великим движением, начавшимся в других странах. «Читайте», сказали мне, и одна моя родственница, учившаяся тогда в Цюрихе, принесла мне целую кипу книг, брошюр и газет за последние два года.

...Чем больше я читал, тем сильнее я убеждался, что предо мною — новый для меня мир, совершенно неизвестный ученым авторам социологических теорий. Мир этот я мог изучить, только проживши среди рабочего Интернационала и присматриваясь к его повседневной жизни. Поэтому я решил посвятить такому изучению несколько месяцев. Мои русские знакомые одобрили мой план, и после нескольких дней, проведенных в Цюрихе, я отправился в Женеву, которая была крупным центром Интернационала.

Женевские секции собирались тогда в огромном масонском храме.

Одним из главных руководителей в масонском храме был Николай Утин, образованный, ловкий, деятельный человек... Молодые и старые спешили после работы в Temple Unique, чтобы подобрать там крупицы знания или послушать ораторов, говоривших о великой будущности. Затаив дыхание, они слушали про строй, который будет основан на общности орудий производства, на полном братстве, без различия сословий, рас и национальности. Все верили, что так или иначе вскоре наступит великая социальная революция, которая совершенно изменит экономические условия. Никто не желал междоусобной войны, но все говорили, что, если правящие классы сделают ее неизбежной своим слепым упрямством, то нужно будет воевать, лишь бы только борьба принесла с собой благоденствие и свободу угнетенным...

Я сказал Утину, что хочу познакомиться с «бакунистами», или «федералистами», т. е. с другой женевской секцией Интернационала. Слово «анархизм» тогда еще мало употреблялось...

... Я поехал сперва в Невшатель и провел затем около недели среди часовщиков в Юрских горах. Таким образом, я впервые познакомился с знаменитой Юрской Федерацией, которая впоследствии играла такую видную роль в развитии социализма, введя в него принцип отрицания правительства, или анархию...

... Теоретические положения анархизма, как они начинали определяться тогда, в Юрской Федерации,—в особенности Бакуниным,—критика государственного социализма, который, как указывалось тогда, грозит развиться в экономический деспотизм, еще более страшный, чем политический, и, наконец, революционный характер агитации среди юрцев неотразимо действовали на мой ум, но сознание полного равенства всех членов федерации, независимость суждений и способа выражения их, которые я замечал среди этих рабочих, а также их беззаветная преданность общему делу еще сильнее того подкупили мои чувства и, когда, проживши неделю среди часовщиков, я уезжал из гор, мой взгляд на социализм уже окончательно установился. Я стал анархистом.

... Вскоре после моего возвращения из-за границы Дмитрий *) предложил мне поступить в кружок, известный в то время среди молодежи под названием кружка Чайковского. Под этим именем он сыграл важную роль в социальном развитии России и под

*) Д. А. Клеменц.

тем же именем перейдет в историю. «Члены нашего кружка покуда большею частью конституционалисты,—сказал мне К.,—но все они прекрасные люди. Они готовы принять какую угодно честную идею. У них много друзей повсюду в России; вы сами увидите впоследствии, что можно сделать». Я был уже знаком с Н. В. Чайковским и некоторыми членами его кружка. Чайковский произвел на меня обаятельное впечатление с первого же раза. И до настоящего времени, в продолжение многих лет наша дружба не поколебалась.

Кружок возник из очень небольшой группы мужчин и женщин, — в числе последних была Софья Перовская, — соединившихся для самообразования и самосовершенствования... Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации, независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно раздвигая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов. Поэтому также впоследствии, когда свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием.

В то время, т.-е. в 1872 году, кружок не имел в себе ничего революционного. Если бы он остался простым кружком саморазвития, то члены его скоро закаменели бы, как в ските. Но кружок нашел подходящую работу. Чайковцы стали распространять хорошие книги. Они покупали целыми изданиями сочинения Лассаля, Флеровского-Берви («О положении рабочего класса в России»), Маркса, труды по русской истории, и распространяли их среди студентов в провинциальных городах. Через несколько лет в «38 губерниях Российской империи», употребляя подсчет обвинительного акта, не было сколько-нибудь значительного города, где кружок не имел бы товарищей, занимавшихся распространением этого рода литературы. С течением времени, под влиянием общего хода событий и побуждаемый вестями, прибывавшими из западной Европы, о быстром росте рабочего движения, кружок все больше становился центром социалистической пропаганды среди учащейся молодежи и естественным посредником между членами провинциальных кружков. А затем наступил день, когда преграда,

отделявшая студентов от работников, рухнула, и завязались прямые сношения с петербургскими и отчасти провинциальными рабочими. В это самое время весной 1872 года я присоединился к кружку...

... Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью.

Когда я присоединился к чайковцам, они горячо спорили о том, какой характер следует придавать их деятельности. Некоторые стояли за радикальную и социалистическую пропаганду среди молодежи. Другие же держались того мнения, что у кружка должна быть одна цель: подготовить людей, которые могли бы поднять громадную, косную рабочую массу, а потому стояли за перенесение центра агитации в среду крестьян и городских работников. Такие же споры шли во всех кружках и группах, которые тогда сотнями возникали в Петербурге и в провинциальных городах. И всюду сторонники второй программы брали верх.

В Петербурге мы скоро завели обширное знакомство среди рабочих. Сердюков, юноша, получивший прекрасное образование, завел многих приятелей среди заводских рабочих, большая часть которых работала на казенном оружейном заводе, и устроил кружок человек в тридцать, собиравшихся для чтений и бесед. Заводским недурно платили в Петербурге, холостые жили, не нуждаясь. Они скоро освоились с радикальной и социалистической литературой того времени, и Бокль, Лассаль, Милль, Дрепер, Шпильгаген — стали для них знакомыми именами. По развитию эти заводские мало чем отличались от студентов. Когда Дмитрий, Сергей [1]) и я присоединились к чайковцам, мы втроем часто посещали их кружок и вели там беседы на различные темы. Однако, наши надежды, что эти молодые люди станут пропагандистами среди остальных работников, положение которых гораздо хуже ихнего, не вполне оправдались. В свободной стране они стали бы обычными ораторами на общественных сходках; но, подобно привиллегированным женевским часовщикам, они относились к простым фабричным с некоторого рода пренебрежением, отнюдь не горели желанием стать мучениками социалистическаго дела. Только после того, как большинство из

[1]) С. М. Кравчинский.

них арестовали и некоторых продержали в тюрьме года по три за то, что они дерзнули думать, как социалисты, после того лишь, как некоторые измерили всю безграничность российского произвола, они стали горячими пропагандистами, главным образом, политической революции...

... Конечно, все те, которые вели пропаганду среди работников, переодевались крестьянами. Пропасть, отделяющая в России «барина» от «мужика», так глубока, они так редко приходят в соприкосновение, что появление в деревне человека, одетого «по-господски», возбудило бы всеобщее внимание. Но даже и в городе полиция немедленно бы насторожилась, если бы заметила среди работников человека, не похожего на них по платью и разговору. «Чего ему якшаться с простым народом, если у него нет злого умысла?» Очень часто после обеда в аристократическом доме, а то даже в Зимнем Дворце, куда я заходил иногда повидать приятеля, я брал извозчика и спешил на бедную студенческую квартиру в дальнем предместьи, где снимал изящное платье, надевал ситцевую рубаху, крестьянские сапоги и полушубок и отправлялся к моим приятелям ткачам, перешучиваясь по дороге с мужиками. Я рассказывал моим слушателям про рабочее движение за границей, про Интернационал, про коммуну 1871 года. Они слушали с большим вниманием, стараясь не проронить ни слова, а затем ставили вопрос: «Что мы можем сделать в России?» Мы отвечали: «Следует проповедывать, отбирать лучших людей и организовать их. Другого средства нет». Мы читали им историю французской революции по переделке из превосходной «Истории Крестьянина» Эркмана-Шатриана. Все восторгались «г. Шовелевым», ходившим по деревням и распространявшим запрещенные книги. Все горели желанием последовать его примеру. «Толкуйте с другими,—говорили мы,—сводите людей между собою, а когда нас станет больше, мы увидим, чего можно добиться». Работники вполне понимали нас, и нам приходилось только удерживать их рвение.

2. Кружок долгушинцев.

Под этим именем известен второй, существовавший в начале 70-х годов сначала в Петербурге, а потом в Москве, социалистический кружок, организованный А. В. Долгушиным. Дело членов этого кружка разбиралось в особом присутствии правительствующаго сената в июне 1874 года. На суде выясни-

лось, что в Петербурге к кружку принадлежали: дворяне И. И. Панин и Н. А. Плотников и технолог 1-го разряда Л. А. Дмоховский. Уже тогда кружок мечтал о пропаганде в народе. В Москве, где к кружку примкнули дворяне Д. И. Гамов, Чиков и др., кружок занялся печатанием нижеприводимых прокламаций. Постановлением суда приговорены: Долгушин и Дмоховский—к каторге на 10 лет; Гамов—на 8 лет; Панин и Плотников—на 5 лет и т. д.

А. ПРОКЛАМАЦИЯ К РУССКОМУ НАРОДУ.

(*В извлечении*).

Мы, ваши братья, обращаемся к вам, угнетенным людям, и взываем, во имя вечной справедливости, восстаньте против этих несправедливых порядков, не подобающих человеку, высшему и лучшему созданию на земле.

Восстаньте, братья, и праведно будет ваше восстание и благо будет вам, если вы дружно подыметесь и смело будете стоять за свое правое, святое дело, никому ничего не уступая...

... Мы требуем, во-первых, чтобы оброки были уничтожены. Земля же спокон веку принадлежала народу-пахарям, он заплатил за нее вековым своим рабством—крепостным правом...

... Второе наше требование подобно первому: мы не хотим пользоваться малыми наделами и плохой неудобной землей, потому что такая земля—плохая кормилица. Да и что за нужда пользоваться такой землей, коли в нашем отечестве на всех хватит хорошей земли, из-за чего же тут мыкаться? Поэтому требуем мы всеобщего осмотра, передела всей земли крестьянской, помещичьей и казенной,—для того, чтобы распределить ее между всеми по справедливости, чтобы всякому досталось, сколько надобно.

В-третьих, чтобы не было рекрутчины, какая теперь бывает каждый год: она дорого нам стоит и сильно разоряет наши хозяйства... Неужели оставлять такие порядки? Нет; мы требуем, чтобы рекрутская повинность была уничтожена и заменена вольным обучением в школах, и чтобы только во время войны собиралось войско... В этих школах всякий человек выучится и сумеет, коли надобность будет, постоять за себя и за отечество: тогда стоит только клич кликнуть—и соберется войско, изберет оно себе офицеров и всех, кого нужно, из своей же братьи, и поведут эти излюбленные вожди

вольное воинство на битву... При таких порядках не придется тратить на содержание войска столько денег, сколько теперь тратим.

В-четвертых, требуем мы хороших школ (за грамотного двух неграмотных дают)... чтобы устроены они были наилучшим манером, чтобы учителями в них были люди сведущие и ученые; чтобы не напрасно ходили в них наши дети, а выучивались бы всему, что нужно человеку для того, чтобы уметь постоять за себя, за ближних своих, свое отечество...

Знанье — сила, знанье — свет,
Рабство без него.

В-пятых, требуем мы, чтобы паспорта были уничтожены...

А хотим мы, чтобы управлял народ через своих выборных; чтобы правительство состояло не из одних дворян только, как теперь, а из людей, избранных самим народом: за ними народ будет наблюдать и спрашивать с них отчет и сменять их, когда будет нужно. Такое правительство будет делать только то, что полезно народу, а чуть оно вздумает делать что-нибудь вредное,—его остановят и сменят. Только такое правительство может искренне заботиться о нуждах. Теперешнее правительство может почитаться, как враг народа, потому что оно разоряет народ и не заботится о нуждах его...

... Ежели бы все эти требования наши исполнялись, то клянемся, не стало бы таких беспорядков, какие теперь у нас имеются. Не будет ни угнетателей, ни угнетенных, не будет неученых, темных и бедных людей, а будем мы все счастливы, будем жить, как подобает человеку, властелину земли. Так вот, в чем наше дело. Рассудите же, добрые люди, есть ли тут что-нибудь незаконное или неправое. Мы твердо уверены, что оно—святое и правое дело, и теперь нужно только подумать о том, каким манером мы хотим достичь того, [чего] хотим. Но как ни думать, одно средство находим, без котораго ничего не поделать: нужно всем столковаться, а не брести врозь. А согласиться-то, кажись, [не] трудно, ведь у нас одно житье-бытье, одно [горе].

Когда мы согласимся, тогда будем так сильны, что сильнее нас никого не будет. Но как добиться общего согласия? Да вот как: ежели одно общество согласится, пускай оно пошлет от себя выборных в другое общество, чтобы согласить его действовать заодно; коли оно согласится, тогда послать выборных двух обществ к

третьему, и так дальше—больше, из деревни в деревню, из села в село, из волости в волость, из уезда в уезд, из губернии в губернию.

Пусть, как единый человек,
Вся Русь замученная встанет,
Освободим себя навек;
Земли родной на всех достанет.

Б. К ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЛЮДЯМ.

К вам, интеллигентные люди, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современного положения вещей,—к вам мы обращаемся и приглашаем вас итти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства. Пусть кто только может направит все свои силы на дело народного освобождения и не думает, чтобы какая бы то ни была жертва была для него слишком велика. И где можно более принести пользы? Уж не в земстве ли, куда рвутся наши молодые силы, обманутые внешностью? Но земство бесправно, оно—лживая форма, наполненная и постоянно исправляемая рукою деспота, которому никогда не понять, в чем собственно заключается народное благо. Или хотите вы заниматься устройством артелей? Но ведь это значит вливать новое вино в старые мехи, потому что артель предполагает принцип солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, где абсолютно господствует грубый личный эгоизм.

Подготовьте же сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растение. Вспомните рочдельскую артель: вот вам хороший пример того, как вырождается новый принцип, когда он окружен несоответственными ему условиями. Благотворительность? Но она не выдерживает никакой критики. Что же еще? Уж не хотите ли быть примерными отцами семейства и заняться воспитанием детей, чтобы сделать из них людей с новыми мировоззрениями? Или будете вы добиваться, так называемой, личной независимости? Но как в том, так и в другом случае вам придется целую жизнь быть эксплуататорами и паразитами!... Неужели вас не замучит эта гнетущая мысль? Да, нигде, нигде вы не будете так полезны, как в роли народного пропагандиста новой лучшей жизни. Вспомните слова Прудона: «Воля и вера провозглашались во все времена величайшими силами природы и человечества; в нас живет вера в справедливость нашего дела, в правду нашего дела, в

правду наших принципов, в ценность наших догматов, — нам ли недостает воли?»

Неужели мы не представим в один прекрасный день новое зрелище людей убежденных и непреодолимых в своих верованиях и, вместе с тем, решительных и постоянных в своем предприятии? Докажем, что мы искренни, что наша вера горяча и наш *пример изменит лицо земли* (Курсив мой.—А.). И не думайте, чтобы русский народ не мог понять вас и грубо оттолкнул бы вас от себя; если это говорят иногда, то говорят на основании фактов, которые всегда доказывают только неумение действовать, а чаще всего — отсутствие искренней преданности делу. Кто не знает, как русский человек любит сочувствие, и как он умеет ценить того человека, который страдает его страданиями, лишь только подметит эту симпатию? Но если он видит, что с ним только бобы разводят, то он справедливо раздражается и дарит презрением. Так пусть люди, которым дорога правда, для которых проводить истину в жизнь стало органической потребностью, пусть эти люди идут в народ, не страшась ни гонений, ни смерти...

Наш лозунг—равенство, свобода,
К оружию, вперед, друзья!
Да погибнут враги народа—
Царь, и бояре, и князья!..

3. Киевские народники по воспоминаниям В. К. Дебогория-Мокриевича.

Киевские народнические кружки начала 70-х годов сыграли видную роль в русском революционном движении, дав ему ряд крупных имен.

На автора имел большое влияние его старший брат, Иван, положивший начало юношескому кружку.

Поездка за границу и знакомство с Бакуниным определили симпатии Дебогория-Мокриевича. По возвращении в Киев, он примкнул к кружку, называвшему себя «киевской коммуной».

... В 1874 году Сергей Ковалик имел не более 26 лет. Он был несколько выше среднего роста. На толстой шее, составлявшей одну прямую линию со спиною, что̀ придавало весьма характерный вид всей его крепкой фигуре, посажена была голова с необыкновенно большим высоким лбом. Матово-бледное лицо с скудной растительностью плохо гармонировало с его сильным корпусом, а

небольшие голубые глаза далеко не выражали той неутомимой энергии, которой он обладал на самом деле.

С приездом Ковалика в Киев я часто приходил из артели и целые вечера проводил в «коммуне», где он тогда остановился и куда сходились и другие киевские радикалы. То было необыкновенно оживленное время. Помню, как-то поднялась беседа о том, под каким видом удобнее всего итти в народ. Ковалик высказал мнение, что самое удобное отправляться под видом ремесленника и предложил при этом приступить к изучению какого-нибудь ремесла... Решили устроить в ближайшем будущем столярную мастерскую...

... Однако, определенной, практической программы мы все-таки не выработали да и не могли выработать, так как это было нелегко. В то время, как практическая задача «пропагандиста» являлась более или менее ясной, задача «бунтаря» оказывалась и трудной и неопределенной. «Пропагандист» занимался распространением революционных брошюр среди народа — иногда сам читал, иногда же только раздавал их. При некоторой ловкости работа эта не представляла особенных трудностей, а при умении обращаться с крестьянами и заинтересовать их рассказами, сулила даже сравнительный успех. Но для «бунтаря», не усматривающего ничего серьезного в разговорах, как бы они ни были революционны, дело представлялось совсем иначе. Ему нужны были бунты и стачки. Но организовать стачку или вызвать бунт, — об этом легко было рассуждать, но не осуществить на практике. В самом деле: как это организовать стачку или вызвать бунт? Задача большая, трудная и часто совершенно неисполнимая. Поэтому большинство «бунтарей», признававших в теории бунтовскую программу, потом, когда пошли в народ, на практике, своею деятельностью нисколько не отличались от «пропагандистов» и, подобно им, занимались распространением революционных брошюр в народе, быть может, лишь с тою разницею, что делали это с большим жаром и меньшей осмотрительностью, чем «пропагандисты». В этом виде и проявилась деятельность на Волге кружков Ковалика и Войнаральского. Однако, были такие, — и, между прочим, мы принадлежали к их числу, — которые не имели в виду заниматься распространением революционных книг среди народа и для которых поэтому вопрос о практической деятельности стоял совершенно открытым и нерешенным. Мы считали необходимым сначала озна-

комиться с условиями народной жизни, присмотреться к местным обычаям, нравам, мировоззрениям и затем уже, на основании реальных данных, выработать практическую программу действий...

4. Секретная записка министра юстиции графа Палена: «Успехи революционной пропаганды в России».

Записка эта, основанная, повидимому, на материалах предварительного следствия об арестованных в 1874 году пропагандистах, уже в 1875 году была известна революционным кругам и напечатана в Женеве.

В начале 1874 года в некоторых из губерний средней и преимущественно восточной полосы России стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопределенные, потом все более и более ясные и несомненные и, наконец, 31 мая того же 1874 года было возбуждено в городе Саратове дознание о распространении в народе книг революционного содержания. Первыми же действиями этого дознания было установлено, что многие молодые люди, из которых некоторые бросили ученье, оделись в крестьянские костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и, в качестве простых чернорабочих, двинулись, по их выражению, «в народ», имея задачею проводить в нем, путем печатных сочинений и устной пропаганды, революционные идеи. Развиваясь далее, саратовское дознание обнаружило: во-1), что в Москве уже довольно продолжительное время существует типография, содержимая правительственным стенографом Мышкиным и управляемая чиновником канцелярии московского генерал-губернатора Уткиным, в каковой набирались и печатались книги и брошюры преступного содержания, массою захваченные в Саратове и долженствовавшие служить делу распространения в народе вышеозначенной пропаганды; во-2), что пропаганда эта не ограничивалась какой-либо отдельной местностью, а развивалась в большинстве великорусских и малорусских губерний; в-3), что деятели ее вполне между собою солидарны как по направлению конечной цели, так и по самым приемам, средствам и способам своих действий. Произведенными дознаниями настолько уже выяснились в настоящее время все фазисы развития в России преступной революционной пропаганды, что представляется полная

возможность с вероятностью определить как ее общий характер, так и те основания и условия, в силу существования которых в самом обществе она могла принять столь обширные размеры и выразиться в столь прискорбных проявлениях...

... В начале 1872 года стали появляться в среде учащейся молодежи, и притом в довольно значительных размерах, книги и издания заграничной прессы уже прямо революционного характера и направленные к ниспровержению существующего в России государственного строя. Издания эти, будучи произведением преимущественно русской эмиграции, имеющей, в свою очередь, близкие сношения с Интернациональным обществом, провозились в Россию или путем контрабанды, или лично возвращающимися из-за границы русскими путешественниками, которые, пропитавшись там теориями Бакунина и других ультра-демократов и социалистов, разносили по всем концам России яд преступных учений и демагогических стремлений.

Такова, между прочим, личность Сергея Ковалика, получившего образование в киевском университете и бывшего председателя с'езда мировых судей Мглинского округа, Черниговской губернии. Развиваясь все более и более, поддерживаемая и руководимая во всех своих стремлениях постоянными сношениями с заграничным миром, русская революционная партия естественно должна была прежде всего обратить внимание на русскую учащуюся молодежь и, проникнув в нее под именем «друзей народа», стать во главе ее направления в качестве «глашатаев истины и добра»...

... В начале 1874 года деятели революционной пропаганды начинают одновременно свою преступную деятельность в разных пунктах и сферах нашего общества. Обладая достаточною энергиею и кое-какими материальными средствами, они не останавливаются ни перед чем, не стесняются никакими условиями и препятствиями, организуют постоянные между собою сношения, причем весьма искусно затемняют их различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникают в высшие, средние и низшие учебные заведения, семинарии, гимназии и сельские народные школы; совращают молодежь не только путем распространения книг и устной пропаганды, но и путем близких отношений с имеющимися в их среде в немалом количестве молодыми женщинами и девушками и к концу 1874 года успевают покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов

большую половину России. Дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях...

... Всех привлеченных ныне в качестве обвиняемых к дознанию, произведенному в этих губерниях,—770; из них мужчин — 612, женщин—158; под стражею—265; на свободе, с принятием против них других мер—452; не разысканных—53. Дознания показали, что многие лица не молодые, отцы и матери семейств, обеспеченные и материальными средствами и более или менее почетным положением в обществе, не только не противодействовали, а напротив, нередко оказывали им видимое сочувствие, помощь и поддержку, как бы не сознавая в слепом своем фанатизме, что конечным последствием подобного образа действий должна быть гибель всякого общества и их самих...

... Подготовляя себе среди рабочего класса адептов и помощников и, в свою очередь, пропагандистов, вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды, а также посредством огромного количества книг и брошюр, написанных в форме общедоступных народных рассказов. Таковы: «Дедушка Егор», «Митюха», «Степные Очерки» Левитова; «Очерки фабричной жизни» Голицинского, «Сила солому ломит» и т. п. Во всех этих книжках пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплуатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества, и, наконец, выставляются резкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов...

... В это же время из типографии Мышкина в Москве рассылались повсюду в огромном количестве книги и брошюры, и, вместе с тем, печаталось сочинение Лассаля, предназначенное для молодежи в видах убеждения ее в необходимости изменения существующего экономического и социального строя и водворения коммунистических начал. На случай опасности, пропагандисты нередко запасались револьверами, а в киевском революционном кружке выработан был план вооруженного сопротивления властям при арестовании и даже подготовлялись яды с тою же оборонительною целью...

5. Пропаганда в народе по воспоминаниям ее участников.

А. ВОСПОМИНАНИЯ О. В. АПТЕКМАНА.

О. В. Аптекман, до сих пор здравствующий революционер-семидесятник, был в начале 70-х годов студентом медико-хирургической академии. Захваченный народническим движением, он участвовал в «хождении в народ», а затем принимал видное участие в землевольческих организациях. Его воспоминания, впервые написанные в якутской ссылке в 1883-84 г.г., уже в рукописи послужили материалом для некоторых работ о движении того времени. Первое их издание было в 1906 году. В 1924 году вышло второе, значительно дополненное. Это—один из лучших источников по истории движения 70-х годов.

... Весною 1874 года волна революционно-пропагандистского движения достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь уж не нужны. Все вопросы решены. Время уж итти в народ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипела. Одни отправляются на заводы, фабрики, где с помощью спропагандированных рабочих устраиваются и приступают к работе. Поступок этих студентов импонирует товарищам, пример их заразителен. Те, которые почему-либо не могут последовать этому, страдают от огорчения. Другие—таких было, если не ошибаюсь, большинство—бросаются на изучение ремесл: сапожного, столярного, слесарного и проч... Мастерские, устраивавшиеся молодежью, были все почти на один манер: мастерские были одновременно и «коммунами». Зайдем в такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель из 3-х комнат с кухней, на Выборгской стороне. Скудная мебель, спартанские постели, запах кожи, вара бьет в нос. Это—сапожная мастерская. Трое молодых студентов сосредоточенно работают... У окна, согнувшись, вся ушла в работу молодая девушка. Она шьет сорочки, шаровары, кисеты для своих товарищей, собирающихся на-днях итти в народ. Надо торопиться, и иголка так и мелькает в воздухе. Лица молодые, серьезные, бодрые, ясные. Говорят мало, потому что некогда. Да и о чем разговаривать? Все уже решено. Все ясно, как день.

То же самое при встречах на улице. Лаконические вопросы. «Куда направляетесь?» «Куда едете?» И такие же ответы: «На Волгу! на Урал! на Дон! на Запорожье!» и т. д. и т. д. в этом роде.

Крепкие рукопожатия и всяческие благие пожелания. В путь-дорогу!

... Наступила весна 1875 года. Я получил, наконец, место фельдшера в Пензенской губернии... Я устроился в с. Муратовке Мокшанского уезда, Пензенской губернии, устроился хорошо... По праздникам, а зимою и по будням я устраивал при больнице что-то вроде клуба. Местом сборища служила большая палата для выздоравливающих, куда собирались мужики и бабы из села, нередко даже с своими чадами. Здесь происходили наши беседы... Я читал им «Сказку о четырех братьях», «Хитрую механику», «Сказку о копейке», «Как надо жить по законам природы и правды», «Емельяна Пугачева», «Историю одного крестьянина» и проч... Я замечал, что резкие выходки против царя или религии (последних в брошюрах было вообще мало) действовали крайне неприятно на крестьян; так же сильно смущали их энергичные призывы к бунту, восстанию. Вообще я заметил уж тогда, как чутко народ относится к правде и как его коробит отсутствие чувства меры... По мере того, как наши «беседы» подвигались вперед, истинный их характер стал само собой все более и более выясняться и, наконец, окончательно определился. Нелегальная литература мало-по-малу отодвинулась на задний план, а потом совсем исчезла из программы нашего курса пропаганды. Для пропаганды у нас нашлись другие, более действительные способы... Я знакомил моих слушателей с географией, этнографией, с земледельческим и промысловым характером нашей родины... Аграрный вопрос, конечно, более всего захватывал их... Как-то раз я был в ударе. С «плантом» в руках, я развернул перед моей аудиторией картину будущего социального строя, долженствующего воцариться у нас после народного восстания, когда сам народ сделается хозяином всех земель, лесов и вод. На самом, так сказать, интересном месте меня вдруг прервал один из моих слушателей торжествующим возгласом: «Вот будет хорошо, как землю-то поделим! Тогда я принайму двух работников да как заживу-то!» Признаться, в первую минуту этот неожиданный аргумент меня совершенно

сбил с толку, и весь мой социалистический пыл разлетелся, словно меня ушатом холодной воды окатили...

Б. ВОСПОМИНАНИЯ В. К. ДЕБОГОРИЯ-МОКРИЕВИЧА.

Мы шли по самым населенным местностям Подольской и Киевской губерний... Однако от всех, от кого мы слышали о «переделе земли», мы слышали также, что этот передел должен совершиться по воле царя. По представлению крестьян, царь уже давно осуществил бы это, если бы ему не противились паны и чиновники—исконные враги крестьян, а вместе с тем и царя. Таким образом, царизм являлся в самой тесной связи с земельным идеалом крестьян. Свои желания, свои понятия о справедливости крестьяне переносили на царя, как будто это были его желания, его понятия. Передел земли должен был совершиться потому, что этого желал царь. Как ни хороша была в своем основании идея периодических переделов земли, сохранявшаяся еще в сознании украинских крестьян,—очевидно, как остаток более или менее исчезнувшей общины,—но к идее этой, как говорится, трудно было подступить: сразу же приходилось считаться с царизмом, пустившим глубокие корни в миросозерцании крестьян. Крестьянину хотелось передела земли, но для достижения этого заветного желания у него не было сил. Он это чувствовал и сознавал, поэтому предпочитал лучше ждать, убаюкивая себя иллюзией, что наступит, наконец, такое время, когда царь совершит передел земли, как совершил он десять лет тому назад освобождение от крепостной зависимости. В общем получалась картина крайне пассивного характера, и это не могло не отразиться на нашей последующей деятельности среди народа...

6. Цюрихские кружки и „Всероссийская Социально-Революционная Организация“.

ВОСПОМИНАНИЯ И. С. ДЖАБАДАРИ.

И. С. Джабадари до весны 1874 года был студентом медико-хирургической академии. Весной этого года после столкновения с проф. Ционом он оставил академию и уехал в Швейцарию. Здесь он и его товарищ Николадзе сошлись с молодым кн. Циціановым. На собраниях местной грузинской колонии эта

группа отстаивала идеи социализма и бакунизма против кавказских националистов. Разойдясь с последними, кружок Джабадари сблизился с кружком русских девушек С. И. Бардиной, Веры и Лидии Фигнер, Е. Субботиной, В. Любатович и др. Оба кружка решили ехать в Россию для создания революционной организации.

Скоро после этого члены организации были арестованы.

По возвращении в Петербург первой моей задачей было постараться выделить более активных революционеров, преимущественно из рабочего кружка воздвиженской артели, и, об'единив их с нами, отправить их в Москву, где в то время было гораздо легче работать, нежели в Петербурге. Кроме того, Петр Алексеев и Мих. Грачевский, с которыми я переговорил уже об этом до от'езда за границу, заявили мне, что сознательные заводские рабочие проявляют мало деятельности, корчат из себя студентов и не желают знаться с рабочими других профессий, то ли из боязни попасться, то ли из пренебрежительного отношения к массе неразвитых и непосвященных рабочих; Грачевский и Петр Алексеев находили, что фабричные рабочие, напр. ткачи, хотя и менее развитые, гораздо восприимчивее к революционной пропаганде, нежели заводские, являющиеся своего рода аристократией в рабочем мире; кроме того, фабричные рабочие раза 3—4 в год посещают свои села, где соприкасаются с крестьянским миром, и пропаганда на фабриках остается, таким образом, не без влияния на крестьян-сельчан, между тем как сфера влияния пропаганды среди заводских рабочих ограничивается лишь городом, т. к. редко кто из заводских рабочих сохранил тесную связь с деревней; они большею частью омещаниваются и порывают связь с родиной; наконец, принималась во внимание однородность московских и подмосковных фабричных рабочих (почти исключительно русские), что облегчало сближение, а также численность рабочего населения города Москвы и его окрестностей. Принято было во внимание и то, что в Москве оставалось несколько ценных людей, принимавших деятельное участие в кружке чайковцев, как, например, Ал. Осип. Лукашевич, рабочий Ив. Ос. Союзов и другие, которые могли быть полезны для сношений с трудовым миром; кроме того, в Москве жил в то время Гамов, который, с своей стороны, мог помочь восстановить связи долгушинцев.

В ноябре месяце первыми выехали в Москву Мих. Грачевский, Василий Грязнов и Петр Алексеев с братом своим Никифором

Алексеевым; Грачевский немедленно завязал сношения с Лукашевичем и столяром Ив. Ос. Союзовым, а Петр Алексеев—с фабричным миром, поступив сам с братом своим, в качестве ткачей, на фабрику Тимашева; Василий Грязнов, как кузнец и слесарь, завязал сношения с железнодорожными рабочими района московских железных дорог. В декабре приехали в Москву последовательно Зданович, я, Софья Бардина, Лидия Фигнер, Бетя Каминская, Евгения Субботина, а к Рождеству с‘ехались и остальные «фричи», *) кроме Ольги и Веры Любатович, которых, впрочем, к новому году освободили из черниговской тюрьмы и отдали на поруки отцу, который жил в Москве. Несколько позднее приехали Хоржевская и Варвара Александрова... Желая охватить революционной пропагандой еще больший круг фабрик, а также и женскую рабочую среду, наши члены женского кружка при помощи Петра Алексеева и Михаила Грачевского поступили также на фабрики. Первыми поступили Бетя Каминская, Ольга Любатович и Бардина. Нужно заметить, что мужчины, члены нашего об‘единенного кружка (я, Грачевский, Лукашевич), были против поступления женщин на фабрики; нам было жаль бросать молодых девушек, никогда в жизни не соприкасавшихся с фабричной средой, в такие тяжелые условия, выносить которые было не под силу даже многим рабочим-женщинам. Меня до такой степени пугал фабричный мир своим неведомым, загадочным ужасом, что однажды я нарочно посетил фабрику, на которой жил и работал Петр Алексеев, чтобы лично видеть, как придется жить нашим женщинам; Петр Алексеев показал мне жилые помещения, условия, при которых придется жить нашим девушкам, познакомил с некоторыми из фабричных женщин, и мне стало несколько легче; но когда он сказал, что на этой фабрике поместить их нельзя и что придется искать для них место на других фабриках, я не соглашался допустить это до тех пор, пока он не познакомил меня, Грачевского и Чикоидзе с теми рабочими, которые поручились за полную безопасность наших женщин. Об этих наших заботах мы, конечно, не говорили им ни слова, они засмеяли бы нас, гордые и сильные своим незнанием жизни...

...Во второй половине января 1875 г. наша едва только формировавшаяся организация потеряла уже двух наиболее ценных

*) Так прозвали в Цюрихе кружок русских девушек.

членов — Михаила Грачевского и Ивана Союзова; первый был выдан полиции в трактире рабочим Скворцовым, который, не ограничиваясь этим предательством, оговорил еще Ивана Союзова и брата его Петра Союзова, жившего в деревне в Московской губернии; так как Иван Союзов и раньше, в 1874, году привлекался уже по делу чайковцев, то, потеряв Грачевского, мы решили выпроводить его из Москвы куда-нибудь подальше; он уехал, кажется, на юг, где вскоре и был арестован. Связь с Скворцовым была заведена нами через Ивана Союзова. Когда Грачевского вели из трактира в жандармское управление, он бросил большим комом снега в сопровождавшего его городового и бежал, но, по близорукости своей, споткнулся и упал, это было на Таганке; уличная толпа схватила его и предала полиции; я скоро завязал с ним сношения, но все попытки освободить его были тщетны, т. к. его держали в Пугачевской башне, откуда побег был невозможен.

Потеря этих двух очень деятельных членов организации в рабочей среде заставила меня, а также и Лукашевича временно прекратить хождение в трактиры, которыми раньше мы широко пользовались для пропаганды в среде мало знакомых рабочих; с тех пор члены нашей организации посещали трактиры только для свидания с более близкими.

Двухмесячный опыт пропаганды среди московских фабричных рабочих дал блестящие результаты; мы охватили до 20-ти фабрик: Тимашева, Моисеева, Носова, Лазарева, Альберта, Гюбнера, Тютчева, Шибаева, Горячева, Соколова, Рошфор и др., а также мелкие мастерские—столярные, слесарные, кузнечные и мастерские Курско-Харьковской жел. дороги. Во всех этих фабриках и мастерских у нас были небольшие группы рабочих из 4—5 человек, делавших свое дело по намеченной нашей организацией программе; члены этих новых возникающих групп еще не знали о существовании нашей организации, но посещали нашу рабочую квартиру сначала в Яузской части города, а потом в Сыромятниках (в д. Коститорова), затем на Краснопрудском проспекте, недалеко от Николаевского вокзала и, наконец, на Красносельском проспекте в д. Корсака...

Мне было поручено написать проект устава и программы этой организации сообразно с данными условиями революционной деятельности и согласно со взглядами, в общем уже известными, членов нашего кружка... Организация наша была построена на

принципе безусловного равенства всех членов и отсутствия всяк власти в руках центрального бюро организации — так называем «администрации» или «управления», которая д а не выбиралась, а назначалась по очереди из состава членов через определенный промежуток времени; единственным связующим началом, об'единяющим членов организации, было начало нравственного долга. Никакого принуждения организация не признавала: вступая в нее, человек добровольно отказывался от всего, что связывало его с остальным окружающим его миром, и весь отдавался революционному делу — отдавал ему все свое имущество, свою свободу и жизнь. Порукой тому, что он будет вполне товарищем, было одно добровольно данное слово... Возмущаясь правительством, как организованным насилием, наша организация не допускала ни нравственного, ни физического насилия над народом, над согражданами, ни в подготовительный период, ни даже в разгар революции, а сосредоточивала всю свою борьбу исключительно на правительстве. Поэтому члены нашей организации, как враги всякого организованного и легализованного насилия, естественно были горячими противниками якобинизма и не стремились к захвату власти в свои руки. Уважая право народа самому свободно устраивать свою жизнь и не допуская с чьей бы то ни было стороны насилия над ним, мы в отношении к правительству допускали в борьбе его же средство, т. е. не только борьбу оружием, если понадобится, но и косвенную конфискацию правительственных фондов, напр., в виде фальшивых денег; но, допуская это в предположении, наша организация фактически этого не осуществляла, во-первых, потому, что организация, при скромных условиях быта своих членов, обладала в лице их же очень крупными денежными средствами и в деньгах не нуждалась, а, во-вторых, присущая ей инстинктивная брезгливость к таким средствам принудила бы ее обратиться к другим, более подходящим для этого дела людям, а этого она, естественно, избегала...

Обращаясь к отношению нашей организации к вопросу о б у н т а х, в о с с т а н и я х и других формах движения в народе, а также к вопросу о способах д е з о р г а н и з а ц и и и у с т р а ш е н и я правительства, необходимо заметить, что организация допускала брать на себя инициативу возбуждения к бунту и восстанию только для поддержки уже возникшего е с т е с т в е н н ы м п у т е м восстания или бунта, а не позволяла себе вызывать их и с к у с-

ственно, так как она бережно относилась к силам народным и была чужда идеи какого бы то ни было нравственного давления. Что же касается дезорганизации и устрашения правительства, то это допускалось только в самых крупных и необходимых случаях, не размениваясь на мелочи, которые могли бы лишить этот способ деятельности всякой нравственной опоры...

7. Процессы пропагандистов.

А. ПРОЦЕСС 193-х.

Этот процесс, иначе называвшийся «Большим процессом», тянулся в Особом Присутствии Прав. Сената свыше трех месяцев, от 18 октября 1877 г. до 23 января 1878 года. Здесь перед судом предстали представители большинства революционных кружков, действовавших в народе в 1873—74 годах. На суде произнес сильную обвинительную речь против всего существующего строя подсудимый И. Н. Мышкин.

Речь И. Н. Мышкина.

Первоп.: Подс. Мышкин, вы обвиняетесь в том, что принимали участие в противозаконном обществе, имевшем целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства. Признаете ли вы себя виновным? Мышкин: Я признаю себя членом не сообщества, а социально-революционной партии и прошу позволения об'яснить, в чем именно заключается преступление, которое я, по собственному моему сознанию, совершил против русских государственных законов.—П: Об'ясните.—М.: я не могу признать себя членом тайного сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключению, но и по убеждениям, не представляем нечто обособленно-целое, связанное единством внешней, общей для всех организации. Мы составляем лишь частицу многочисленной в настоящее время на Руси социально-революционной партии, понимая под этим словом всю массу лиц одинаковых с нами убеждений,—одинаковых, конечно, только вообще, а не в частностях,—лиц, между которыми существует хотя преимущественно только внутренняя связь, однако, связь, достаточно реальная, обусловливаемая

единством целей и большим или меньшим однообразием средств практической деятельности. Основная задача социально-революционной партии—установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в крупных и мелких движениях народных и повсеместно присущи народному сознанию, — составляет, вместе с тем, справедливейшую форму общественной организации. Строй этот — земля, состоящая из союза независимых производительных общин. Осуществлен он может быть только путем социальной революции, потому, что государственная власть преграждает все мирные пути для достижения этой цели и добровольно никогда не откажется от насильственно присвоенных ею себе прав. В этом нам ручается ход истории. Возможно ли мечтать о мирном пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочет даже и выслушать этого голоса и за всякое стремление, несогласное с видами ее, награждает тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрешение социальных вопросов соответственно народным потребностям, когда народ не только для осуществления своих желаний, но даже и для выражения их не имеет другого средства, кроме бунта—этого единственного органа народной гласности... Возникновение социально-революционной партии относится к началу 60-х годов. Оно совершилось, как отголосок на народные страдания и народные волнения, при участии известной фракции русской интеллигенции, благодаря, главным образом, двум причинам: во-первых, влиянию на интеллигенцию передовой западно-европейской социалистической мысли и крупнейшего практического применения этой мысли—образования международного общества рабочих; во-вторых, уничтожению крепостного права, потому что после крестьянской реформы в среде неподатных классов образовалась целая фракция, испытавшего на самой себе всю силу гнета государственного экономического строя, готовая откликнуться на зов народа и послужившая ядром социально-революционной партии. Фракция эта—умственный пролетариат. Кроме того, крестьянская реформа оказала три важные услуги социально-революционному делу: 1) с 19 февраля 1861 г. начинается развитие капиталистического производства с его неизбежным спутником—борьбою между капиталом и трудом; 2) крестьянская реформа, вместе с другими реформами послужила для нас наглядным доказательством истины,

которая прежде была нам известна только из книг и по чужому опыту, доказательством полной несостоятельности политических реформ в деле коренного улучшения народного быта. С каким восторгом, с каким ликованием приветствовало русское либеральное общество так называемые великие реформы нынешнего царствования. — И что же мы видим в результате? Народ доведен до отчаянно-бедственного положения, до небывалых хронических голодовок, и не нужно особенного политического радикализма, чтобы усомниться в благодетельности всех этих реформ для народной массы; 3) крестьянин, освобожденный от помещика, стал лицом к лицу с представителями губернской власти, увидел, что ему нечего надеяться на эту власть, нечего ждать от нее, увидел, что он жестоко обманывался, веря в царскую правду, ища в ней опору против своих врагов... П.: Вы достаточно уже выяснили свою мысль... М.: Я хочу только сказать, что крестьянам не трудно было убедиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится к одному: к переводу более 20-ти миллионов крестьянского населения из разряда помещичьих холопов в разряд государственных, или, вернее сказать, чиновничьих рабов. Как прежде крестьянин работал всю жизнь на помещика, так теперь весь его труд идет в казну. Как прежде помещик был полным властелином жизни и собственности крестьянина, так теперь чиновник... П.: Вы говорите о том, как крестьяне относятся к реформам и к правительству; вы не можете говорить об этом здесь за крестьян... М.: мне необходимо выяснить эту сторону вопроса в особенности потому, что только тогда суд поймет, почему я—сын крепостной крестьянки и солдата—видевший собственными глазами уничтожение крепостного права, — не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою в рядах от'явленных врагов его... Учение, которого я придерживаюсь, гласит... что обеспечение трудящемуся человеку права полного пользования продуктом его труда и уничтожение власти, которая сему препятствует, безусловно необходимы для осуществления на земле блага трудящихся классов. Можно ли серьезно называть охранительницею собственности ту самую государственную власть, которая насильственно присваивает себе право налагать на народ какую угодно контрибуцию, взыскивать эту произвольно наложенную дань при помощи военных команд; отнимает последний кусок хлеба у крестьянина. — Первоприсутствующий прерывает

Мышкина и между ними завязывается спор... Первоприсутствующий кричит, что не может допустить порицания правительства, а Мышкин доказывает право политического преступника на выражение такого порицания, потому что иначе причина преступления не может быть выяснена. Только недовольство правительством, говорит он, и вообще существующим строем создает революционеров... Нас могут пытать, мучить, а мы не только не можем искать правды,—конечно, я не настолько наивен, чтобы ожидать правды от суда различных властей,—но нас лишают даже возможности довести до сведения общества, что на Руси обращаются с политическими преступниками хуже, чем турки с христианами.—П.: О каких таких пытках говорите вы?—М.: Да, я смело могу сказать, что нас подвергают пыткам. Я указал на кандалы, но это пустяки в сравнении с другими мерами, которые принимались для вымучивания от нас показаний. Например, я в течение нескольких месяцев лишен был права чтения каких бы то ни было книг, даже духовного содержания, даже Евангелия, и жандармский офицер откровенно говорил мне, что, как только я дам требуемые показания относительно предполагавшихся моих соучастников, то мне немедленно позволят иметь книги, журналы, газеты.—П.: Ваше заявление—опять-таки голословное.—М.: Я подавал несколько жалоб на это беззаконие, но они почему-то не приложены к делу, а спрятаны под зеленое сукно. Сидеть в одиночном заключении без всяких книг—это очень тяжелая, очень сильная пытка. В виду таких мер, можно ли удивляться, что в нашей среде оказался такой громадный процент смертности и сумасшествия. Да, многие, очень многие из наших товарищей сошли уже в могилу, не дождавшись суда.—П.: Теперь не время и не зачем заявлять об этом.—М.: Неужели мы ценою продолжительной каторги, которая ждет нас, не купили себе даже права заявить на суде о тех насилиях физических и нравственных, которым подвергали нас? На каждом слове об этом нам зажимают рот.—П.: Тем не менее, вы высказали все, что хотели. —М.: Нет, это еще не все, а, если позволите, я кончу.—П.: Нет, теперь этого не могу позволить.—М.: В таком случае, после всех мучительных перерывов, которых я удостоился со стороны первоприсутствующего, мне остается сделать одно, вероятно, последнее, заявление. Теперь я окончательно убедился в справедливости мнения моих товарищей, заранее отказавшихся от всяких об'ясне-

ний на суде, того мнения, что, несмотря на отсутствие гласности, нам не дадут возможности выяснить истинный характер дела. Теперь для всех очевидно, что здесь не может раздаваться правдивая речь, что здесь на каждом откровенном слове зажимают рот подсудимому. Теперь я могу, я имею полное право сказать, что это не суд, а простая комедия, или нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное... При словах: «пустая комедия» Петерс закричал: «уведите его». Жандармский офицер бросился на Мышкина, но подсудимый Рабинович, загородив собой дорогу и придерживая дверцу, ведущую на «голгофу», не пускал офицера, последний после нескольких усилий оттолкнул Рабиновича и другого подсудимого, Стопане, старавшегося тоже остановить его, и, обхвативши одной рукой самого Мышкина, чтобы вывести его, другою стал зажимать ему рот.—Последнее, однакож, не удалось: Мышкин продолжал все громче и громче начатую фразу... «более позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества».—Когда Мышкин говорил это, на помощь офицеру бросилось еще несколько жандармов и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшего им дорогу, схватили Мышкина и вытащили его из залы...

Приговор.

Особое присутствие приговорило: 1) Мышкина, Войнаральского, Ковалика, Рогачева, Добровольского—к 10-тилетней каторге; 2) Синегуба, Шишко, Чарушина, Союзова, Квятковского—к 9 годам каторги; 3) Сажина и Брешковскую—к 5 годам каторги; 4) Лукашевича, Лермонтова, Соф. Иванову и др.—к ссылке на поселение; 5) Аитову, Грачевскому, Морозову, Л. Тихомирову и др.—вменить в наказание предварительный арест; 6) Низовкина и Гориновича за раскаяние и выдачу сообщников—освободить; 7) Олимпиаду Алексееву, Над. Войнаральскую, А. Желябова, С. Перовскую и др. оправдать. Суд постановил ходатайствовать перед императором о замене всем приговоренным к каторге, кроме Мышкина, этого наказания ссылкой на поселение. Но царь этого ходатайства не уважил, повелев только зачесть им в срок каторги оды предварительного заключения.

Завещание осужденных по процессу 193-х.

Товарищи по убеждениям,

Процесс русской народно-революционной (социально-революционной) партии официально закончен: так называемый «приговор в окончательной форме» подписан, и официальной власти остается только отправить нас,—осужденных на каторгу и в ссылку,—по назначению. Уходя с поля битвы пленными, но честно исполнившими свой долг, по крайнему нашему разумению, уходя, быть может, навсегда, подобно Куприянову *), мы считаем нашим правом, нашей обязанностью обратиться к вам, товарищи, с несколькими словами... Мы чувствуем себя обязанными заявить, что никакие «кары» и «снисхождения» не в состоянии изменить ни на иоту нашей приверженности к русской народно-революционной партии. Мы попрежнему остаемся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей родины, так как в экономическом отношении она эксплоатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом—отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол «личного усмотрения». Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям итти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха.

NB. Это заявление посылается нами за подлинными нашими подписями в редакцию «Общины» с просьбой опубликовать его, оригинал же сохранить, как доказательство верности и подлинности документа.

Петропавловская крепость, 25 мая 1878 года.

Войнаральский.—Ф. Волховской.—С. Жебунев.—Зарубаев.—Т. Квятковский.—Ковалик.—В. Костюрин.—В. Ливанов.—Ф. Лермонтов.—А. Лукашевич.—Макаревич Петр.—М. Муравский.—В. Осташкин.—Д. Рогачев.—М. Сажин.—Синегуб Сергей.—И. Союзов.—В. Стаховский.—Сергей Стопане.—Н. Чарушин.—И. Чернявский.—С. Чудновский.—Л. Шишко.—Е. Брешковская.

*) Куприянов умер в 1877 году в Петропавловской крепости.

Б. ПРОЦЕСС 50-ТИ.

Это был процесс членов «Всероссийской Социально-революционной Организации». Он продолжался с 21 февраля по 14 марта 1877 года. Центром процесса были речи подсудимых С. И. Бардиной и рабочего П. А. Алексеева.

Речь С. И. Бардиной.

... Я с своей точки зрения ни в чем не считаю себя виновной и подлежащей наказанию, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надеюсь. Конечно, меня также, как и других подсудимых, обвиняют в стремлении разрушить священные основы собственности, семьи, религии, государства, в возбуждении к бунту и стремлении водворить анархию в обществе. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо. Но дело в том, что все эти обвинения основаны на одном только недоразумении, которое я и постараюсь теперь об'яснить, если суд меня выслушает. Собственности я никогда не отрицала. Напротив, я осмеливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человек имеет право на собственность, обеспеченную его личным производительным трудом, и что каждый человек должен быть полным хозяином своего труда и его продукта. И скажите после этого—я ли, имея такие взгляды, подрываю основы собственности, или тот фабрикант, который, платя рабочему за одну треть его рабочего дня, две трети берет даром? Или тот спекулятор, который, играя на бирже, разоряет тысячи семейств, обогащаясь на их счет и сам не производя ничего? Коммунизма, как нечто обязательное, ни я, никто другой из пропагандистов также не проповедует. Мы только выставляем на первый план право рабочего на полный продукт его труда. Затем, как он распорядится с этим продуктом—обратит ли его в общую или частную собственность—это уже его дело. Мы этих вопросов предрешать теперь не беремся и не можем предрешать, принимая во внимание, что такой строй может осуществиться только в далеком будущем, и что подобные детали могут быть выработаны только практикой... Меня обвиняют в возбуждении к бунту. Но к непосредственному бунту я никогда не возбуждала народ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революция может быть результатом целого ряда исторических

условий, а не подстрекательства отдельных личностей. Резня сама по себе для меня, конечно, совсем нежелательна. Я вовсе не имею тех кровожадных и свирепых наклонностей, которые всякое обвинение так охотно присваивает всем пропагандистам. Если бы тот идеальный общественный строй, о котором мы мечтаем, мог быть осуществлен без всякого насильственного переворота, то, конечно, мы все были бы рады этому от души. Я полагаю только, что насильственная революция при известных обстоятельствах, есть неизбежное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всяких усилий отдельных лиц или групп...

Речь Петра Алексеева.

Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет—мальчишками нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые пинками и розгами приучают нас к непосильному труду, питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим, где попало—на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов. В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве, остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда... Вот, что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период... И какое же мы можем усвоить понятие по отношению к капиталистам, кроме ненависти?... Я несколько знаком с рабочим вопросом наших собратьев-западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свои свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг, напротив, там этим гордятся, а об нас отзываются, как о

народе рабском, полудиком. Да как иначе об нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу. Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно—забавное, а другое—божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг; а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении—тогда уж держись! Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии незаметно в этих словах, что в России походить на рабочего—то же, что походить на животное... Крестьянская реформа 19 февраля 61 года, «реформа» «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самых необходимых потребностей крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него, за исключением праздничного дня, все рабочие под строгим надзором, и неявившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях,—значит,—они все крепостные. Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь,—значит, мы—крепостные. Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края,—значит, мы—крепостные. Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и каждый встречный квартальный бьет нам в зубы кулаком и пинками гонит вон,—значит, мы кре-

постные. Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи... Председатель вскакивает и кричит: «Молчите! Замолчите!» Петр Алексеев (возвысив голос, продолжает): Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытянуть нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская рук, ведет, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... Председатель волнуется и, вскочив, кричит: «Молчать, молчать!» Петр Алексеев (возвышая голос)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...

Приговор.

Правительствующий Сенат в особом присутствии постановил: 1) князя Цицианова, Петра Алексеева и Александрова—сослать в каторжные работы на 10 лет; 2) Софью Бардину и Ольгу Любатович—на 9 лет; 3) Георгия Здановича—на 6 лет и 8 мес.; 4) Веру Любатович—на 6 лет; 5) Джабадари, Ганкрелидзе, Кардашева, Лидию Фигнер, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую—на 5 лет; 6) С. Агапова—на 3 года и 4 месяца; 7) Чекоидзе, сестер Субботиных и др.—сослать на поселение; 8) Гесю Гельфман—заключить в рабочий дом на 2 года и т. д.

8. Чигиринское предприятие.

В 1877 году группа южных народников, разочарованная неудачными опытами поднять народ анархическими лозунгами, пыталась сделать это именем царя. Предприятие это было взято на себя Л. Дейчем и Я. Стефановичем в Чигиринском

уезде Киевской губ. Организаторы предприятия уже образовали ряд крестьянских «тайных дружин», как были арестованы.

Печатные брошюры, озаглавленные каждая «Устав крестьянского общества «Тайная Дружина», высочайше утвержденный его императорским величеством государем императором Александром Николаевичем», имеют на второй странице вверху оттиск орла и текст следующего содержания

Высочайшая тайная грамота.

Верные наши крестьяне. Со всех концов государства нашего слышим мы жалобы дорогого нам крестьянства на тяжкие угнетения искони враждебных ему дворян. Между тем, мы, с самого вступления нашего на престол Империи Российской, старались улучшить положение ваше. Вопреки желанию всего дворянства, высочайшим манифестом 19 февраля 1861 г. мы освободили вас от крепостной зависимости и даровали вам всю землю без всякого за нее платежа, а также леса и сенокосы, несправедливо дотоль принадлежавшие одним дворянам... Мы повелели оставить помещикам только усадьбы и такое же количество земли и леса, какое придется и всякому бывшему их крепостному по равному подушному разделу. Такова была воля наша, обнародованная в манифесте 19 февраля 1861 г. Но к величайшему огорчению нашему, дворяне воспрепятствовали исполнению повелений наших. Они хитростью и обманом удержали за собой большую и лучшую часть земли, все леса и сенокосы и только самую худшую и ничтожную часть отвели вам, притом еще наложили за оную чрезмерные выкупные и оброчные платежи; многим из вас они не дали никакого надела, все промыслы обложили налогами, выдумали земские и другие повинности, кроме того, недостойный наследник наш, несмотря на противодействие наше, в угоду дворянам, обременил вас тяжелою рекрутчиною, дабы вместе с ними иметь против вас силу и тем держать вас, как скотов, в темноте и нищете.

Вот что мы хотели сделать для вас, но, к сожалению, воля наша приведена в исполнение не была.

Непрестанная 20-тилетняя борьба наша за вас с дворянством убедила нас, наконец, что мы единолично не в силах помочь вашему горю, и что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжелых угнетений и непосильных поборов, если единодушно, с оружием в руках, восстанете против

ненавистных вам врагов и завладеете всею землею. Руководясь сим убеждением, всем вам, крестьянам, а также и мещанам, верным нам, а не недостойному наследнику нашему Александру Александровичу с его созниками дворянами и великими князьями, повелеваем: соединяйтесь в тайные общества, именуемые «Тайные Дружины», с тем, чтобы подготовиться к восстанию против дворян, чиновников и всех высших сословий. Всякий, кто готов положить жизнь свою за великое дело, обязан дать присягу на верность обществу Тайной Дружины. Сии общества должны держать себя в самой строгой тайне от дворянского начальства и попов, этих, по большей части, шпионов панских, а не достойных пастырей стада божия. Изменников не должно щадить, и всякий, кто умертвит предателя, совершит доброе и благородное дело...

Итак, осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови благоволение божие на святое дело твое. Помни, како заповедь, сии слова, сказанные тебе царем-доброжелателем твоим.— На подлинном его императорского величества печать и подпись «Александр II». С.-Петербург 1875 года, февраля 19 дня.

Далее изложено нижеследующее содержание самого устава: цели Тайной Дружины; указание, что она состоит под покровительством царя и управляется назначенным им Советом Комиссаров; обязанности члена Дружины, старосты, атамана и казначея; в заключение текст присяги дружинника, обязующегося повиноваться только государю и Совету Комиссаров.

IV. „Земля и Воля“.

1. Идеология „Земли и Воли“.

Идеология тайного революционного общества второй половины семидесятых годов «Земля и Воля» ярче всего выразилась в статьях ее органа, выходившего под тем же наименованием в 1878—9 г.г., под редакцией С. М. Кравчинского, Г. В. Плеханова, Н. А. Морозова и Л. А. Тихомирова.

А. Из № 1 «ЗЕМЛИ и ВОЛИ» (от 25 октября 1878 г.).

Статья Кравчинского.

Земля и Воля,—вот два магических слова, много раз поднимавшие из глубины России могучие стихийные движения. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сих пор глубоко волнуют душу серого крестьянства, от одного конца России до другого.

Земля и Воля,—вот тот девиз, который написали на своем знамени верные духу и истории своего народа наши предшественники, социалисты-народники 60-х годов.

Те же слова пишем на нашем знамени и мы...

... На наших глазах совершается явление поистине необыкновенное, быть может, единственное во всей истории: «горсть» смелых людей об‘являет войну на-смерть всемогущему правительству, со всеми его неизмеримыми силами; она одерживает над ним одну за другой несколько кровавых побед; во многих местах обуздывает дотоле ничем необузданный произвол и быстрыми шагами идет к победам, еще более блестящим и решительным...

С той же минуты, как наша свобода и наша личность будут гарантированы от произвола, мы безусловно прекращаем ту систему самосуда и самозащиты, к которой вынуждены прибегать теперь. Признайте за нами человеческие права—и мы будем свято чтить

ваши. Мы не прекратим нашей социально-революционной деятельности, т.-е. борьбы за полное освобождение человека от всякого порабощения и, прежде всего, порабощения труда капиталу. Но тогда нашими противниками являются привилегированные сословия, как целое. Отдельные лица перестают иметь какое бы то ни было значение, и потому борьба принимает совершенно иной характер.

До тех пор, пока останется в действии нынешняя система, основанием которой служит произвол отдельной личности, начиная от царя и кончая будочником, произвол всевозможных размеров, оттенков и видов, произвол, регулируемый, усиливаемый, ослабляемый опять же произволом,—до тех пор врагами нашими, врагами человечества, интересы которого олицетворяет социализм, являются отдельные личности. Поэтому мы будем вести самую беспощадную войну против этих личностей.

Вот смысл, цель и характер тех деяний, которые в последнее время так громко отозвались не только по всей России, но и по всей Европе, как факты, если не наиболее важные, то наиболее яркие в нашей деятельности...

Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать среди народа. Террористы—это не более, как охранительный отряд, назначение которого—оберегать этих работников от предательских ударов врагов. Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью—значило бы оставить всю прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной.

Такое направление нашей деятельности было бы великой ошибкой еще с другой стороны, со стороны тактики партии. Падение нашего современного политического строя не может подлежать ни малейшему сомнению. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать это. Вопрос только в дне и часе, когда это совершится. Самодержавие, поражаемое со всех сторон, падает, уступая место более современному, конституционному строю, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов и фабрикантов — всех владетелей капитала движимого и недвижимого, одним словом, буржуазию

в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрознены и потому бессильны. Конституционная же свобода, как бы жалка она ни была, им-то во всяком случае даст возможность сорганизоваться в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов...

Только тесная связь с народом может дать нам возможность воспользоваться тем замешательством, которое всегда сопровождает перемену системы, и разом создать могучую силу, которая не даст нашим новым врагам укрепиться, как в западной Европе, высосав из народа его последние соки...

11. Из № 3 «ЗЕМЛИ и ВОЛИ» (от 15 янв. 1879 г.)

Статья Г. В. Плеханов: „Закон экономического развития общества и задачи социализма в России“.

Было время, когда творить социальные перевороты считалось делом сравнительно очень нетрудным. Стоило устроить заговор, захватить в свои руки власть и затем обрушиться на головы своих подданных рядом благодетельных декретов. Человечество считали способным «познать по приказанию начальства» и провести в жизнь любую истину. Такое воззрение свойственно было, впрочем, не одним революционерам. Оно вытекало из общего взгляда на социальные явления, по которому все они обусловливаются волею одного или нескольких лиц, держащих «кормило правления». В истории каждого народа можно насчитать несколько более или менее эксцентричных законодателей, мечтавших перестроить страну по планам, выдуманным в их кабинетах и санкционированным их властью. Это было время теологического периода в развитии социологии. Как в природе, во время господства этого периода в естествознании, все явления об‘яснялись волею одного или нескольких существ, так и в обществе ход его развития предполагался зависящим исключительно от влияния законодательной власти.

Развитие более правильных взглядов на социальные явления необходимо должно было вытеснить вышеупомянутые теории общественного обновления, и только небольшая кучка революционеров держится их в настоящее время... У автора «Капитала» социализм

является сам собою из хода экономического развития западно-европейских обществ. Маркс указывает нам, как сама жизнь намечает необходимые реформы общественной кооперации страны, как самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений, которые до тех пор, пока не существовало этой необходимой подготовки, были бессильны не только совершить переворот, но и создать более или менее значительную партию. Он показывает нам, когда, в каких формах, в каких пределах социалистическая пропаганда может считаться производительною тратою сил...

...«Общество не может перескочить через естественные фазы своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития», говорит Маркс. Значит, покуда общество не нападало еще на след этого закона, обусловливаемая этим последним смена экономических фазисов для него не обязательна.

Естественно возникает вопрос: когда же западно-европейские общества—служившие об'ектом наблюдения для Маркса—напали на этот роковой след? Нам кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западно-европейская община...

Самый серьезный кризис западно-европейские общества пережили именно тогда, когда разрушение общины видоизменило тип земельных отношений в народе. Чем обусловилось падение западно-европейской общины—для нас теперь не важно; мы констатируем только факт замещения индивидуализмом общинного принципа. Постепенно развиваясь, индивидуализм, по внутренней необходимости, должен был подкопать феодализм с помощью нарождавшегося капитала, научных открытий и изобретений...

Сплачивая большие массы рабочих на фабриках, создавая общие им всем интересы, приучая их к той «социализации труда», на которую указывает Маркс, одним словом, воспитывая в людях социальные привычки, которые были забыты со времени падения общины, индивидуализм рыл сам себе могилу, и нет ничего удивительного в том, что социализм встречает такой радушный прием в местностях крупного машинного производства...

Теперь нам понятнс, почему западно-европейские общества не могли ни «перескочить через естественные фазы своего развития, ни изменить их помощью декрета». Общественные привычки не могут быть изменены указом, точно так же, как не могут

делать скачков. Изменение их обусловливается постепенным накоплением самых незначительных видоизменений.

Нам понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс. На западе он, действительно, был естественным предшественником социализма, но мы полагаем, что ход развития социализма на западе был бы совершенно иной, если бы община не пала там преждевременно. Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, каким страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не носит в себе самом элементов погибели...

...Пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса. Тенденция этого закона будет заключаться, напротив, в понижении уровня социальных чувств нашего народа, между тем как на западе он был когда-то явлением действительно прогрессивным...

Посмотрим же теперь, как развился капитализм на Западе и как он может развиться у нас. В первом случае он являлся на смену кооперации, хотя и отличной от него, но построенной на том же принципе индивидуализма (мы говорим о мануфактуре), поэтому «социализация труда» крупной промышленностью была положительным приобретением для социальных привычек народных масс. У нас же капитализм вытеснит собою поземельную общину, т.-е. такую форму кооперации, которая построена на гораздо более высоком принципе. И никакая «социализация труда» на фабриках не вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношениях народных масс к их главному орудию труда—земле...

...Мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия не может миновать капиталистической продукции. Поэтому социалистическую агитацию в России мы не можем считать преждевременной. Напротив, мы думаем, что теперь она своевременнее, чем когда-либо, только ее исходная точка и практические задачи не те, что на Западе...

Одно из требований западно-европейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт...

Таким образом, мы a priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие.

2. Деятельность «Земли и Воли» по воспоминаниям ее членов.

I. ВОСПОМИНАНИЯ В. Н. ФИГНЕР.

Вера Николаевна Фигнер принадлежала к тому цюрихскому кружку русских девушек, который вместе с кружком кавказцев образовал Всероссийскую «Социально-Революционную Организацию». Но она оставалась за границей до 1876 года, почему и избежала ареста.

Осенью 76 года в Петербурге три чайковца: Юрий Николаевич Богданович, Александр Иванчин-Писарев и Н. Драго начали разрабатывать принципы революционной деятельности в народе, положив в основу новой программы как свой личный, так и весь общественный опыт предшествующего времени, со всеми его надеждами и неудачами. В то же время, независимо от них, другие революционные группы разрабатывали в Петербурге те же вопросы и пришли к тождественным выводам. Результатом всех этих трудов была программа, известная впоследствии под именем «народнической». Она вошла целиком в программу общества «Земля и Воля», а позднее—частью и в программу «Народной Воли»...

...После Казанской демонстрации часть членов «Земли и Воли» осталась в городе, в центре России, другая отправилась в Саратовскую и Астраханскую губернии. Наш кружок, прозванный «сепаратистами», избрал районом своей деятельности Самарскую губернию, куда весной 1877 г. отправились Писарев, Богданович, Лешерн, московский рабочий Грязнов, а позднее—моя сестра Евгения и я. Александр Константинович Соловьев, друг Богдановича, уже находился в Самаре и там присоединился к нашему кружку; кроме того, было еще несколько лиц, близких кружку, частью местных, частью приезжих... Меня отрекомендовали молодому местному врачу Николаю Семеновичу Попову, который немедленно настоял в земской управе на принятии меня на место фельдшерицы в его участке. Скоро я очутилась в Студенцах, громадном селе бывших удельных крестьян... Я принялась прежде всего за свои

официальные обязанности. Восемнадцать дней из тридцати мне приходилось быть вне дома, в раз'ездах по деревням и селам, и эти дни давали мне возможность окунуться в бездну народной нищеты и горя. Я останавливалась обыкновенно в избе, называемой в'езжей, куда тотчас же стекались больные, оповещенные подворно десятскими или старостой. 30—40 пациентов моментально наполняли избу; тут были старые и молодые, большое число женщин, еще больше—детей всякого возраста, которые оглашали воздух всевозможными криками и писком. Грязные и истощенные,—на больных нельзя было смотреть равнодушно; болезни все застарелые: у взрослых на каждом шагу—ревматизм, головные боли, тянущиеся 10—15 лет; почти все страдали накожными болезнями; в редкой деревне были бани; в громадном большинстве случаев они заменялись мытьем в русской печке; неисправимые катары желудка и кишек, грудные хрипы, слышные на много шагов, сифилис, не щадящий никакого возраста, струпья, язвы без конца, и все это при такой невообразимой грязи жилища и одежды, при пище, столь нездоровой и скудной, что останавливаешься в отупении над вопросом: есть ли это жизнь животного или человека? Часто слезы текли у меня градом в микстуры и капли, которые я приготовляла для этих несчастных; их жизнь, казалось мне, немногим отличается от жизни сорока миллионов париев Индии, так мастерски описанной Жакольо... Три месяца изо дня в день я видела одну и ту же картину... Эти три месяца были для меня тяжелым испытанием по тем ужасным впечатлениям, которые я вынесла из знакомства с материальной стороной народного быта; в душу же народа мне не удавалось заглянуть,—для пропаганды я рта не раскрывала...

...Мы решили присоединиться к землевольцам, находившимся в Саратове, куда и переехали, должно быть, в марте 1878 года; но слияние, о котором я уже давно хлопотала, не состоялось вследствие резкости Иванчина-Писарева. В то время в Саратове уже было кое-что сделано: человек 12 жило по деревням...

... Почти одновременно с устройством товарищей получила место и я в Петровском уезде. Вместе со мной поселилась моя сестра Евгения, только что сдавшая экзамен на фельдшерицу при саратовской врачебной управе... Вскоре нам удалось открыть школу. Евгения заявила крестьянам, что возьмется даром обучать детей, пусть только присылают их: все учебные пособия у нас есть,

отцам не придется покупать ни азбук, ни бумаги, ни перьев. У нас сейчас же собралось 25 человек учеников и учениц. Надо заметить, что во всех трех волостях моего участка не было ни одной школы... Кроме учеников маленьких, были и взрослые, некоторые мужики просили заниматься с ними арифметикой, необходимой для всевозможных мирских и волостных учетов. Скоро сестра приобрела лестное название: «наша золотая учительша».

Покончив занятия в аптеке и школе, которая помещалась в том же фельдшерском домике, мы брали работу, книгу и шли «на деревню», к кому-нибудь из крестьян. В том доме в тот вечер был праздник; хозяин бежал к шабрам и родственникам оповестить их, чтобы и они пришли послушать. Начиналось чтение; в 10—11 часов хозяева все еще просили почитать еще. То были: Некрасов, некоторые вещи Лермонтова, Щедрина, иногда статья толстого журнала, рассказы Наумова, Левитова, Голицынского, некоторые вещи по истории и т. д... Каждый раз приходилось говорить об условиях крестьянской жизни, о земле, об отношениях к помещику, к властям, входить в крестьянские нужды, выслушивать их сетования, надежды; сочувствовать их горю; разделять симпатии и антипатии. Иногда просили оставить книгу, чтобы еще раз прочесть понравившееся место или даже заучить его, приглашали притти на сход, чтобы обличить кляузы писаря, его взяточничество, мошенничество, мошенничество старшины, чтобы защитить мир... Такая жизнь, такое отношение к нам простых душ, чающих света, имела такую чарующую прелесть, что мне и теперь приятно вспомнить ее: каждую минуту мы чувствовали, что мы нужны, что мы не лишние. Это сознание своей полезности и было той притягивающей силой, которая влекла нашу молодежь в деревню; только там можно было иметь чистую душу и спокойную совесть, и если нас оторвали от этой жизни, от этой деятельности, то в этом были виноваты не мы.

Сестрам Фигнер пришлось покинуть деревню вследствие подозрительного отношения к ним властей.

II. ВОСПОМИНАНИЯ О. В. АПТЕКМАНА.

Справедливость требует сказать, что первая народническая программа была прекрасно и толково написана, особенно ее догматическая и тактическая части. Конечно, ничего ориги-

нального в этой программе не было. *Это была*, прежде всего, *программа Бакунина, только более полно обоснованная историческими данными и фактами современной действительности.* Отношение программы к социализму было вполне определенное. Социализм, как доктрина, социалистический строй, как конечный идеал, признается и этой программой.

Но в применении к русской действительности, социализм, по необходимости, пришлось урезать,—так сказать, окорнать: взять из него только то, что не противоречит исконным идеалам, воззрениям и требованиям, вылившимся в определенные формы уклада народной жизни. *Получился, таким образом, компромисс между идеалами социализма, с одной стороны, и народными идеалами—с другой.* Это—характерная черта нашей революционно-народнической программы...

1) *Организационная деятельность*... Жизненной задачей всякой народнически-революционной партии должна быть—*организация в народе такой боевой дружины*, которая, концентрируя в себе все материальные и духовные орудия борьбы, сумела бы, в благоприятный момент, либо сама вызвать всеобщее восстание, либо же, в случае самопроизвольного его зарождения,—утилизировать его, по крайней мере, для народных целей...

2) *Агитационная* деятельность является необходимым *предварительным* условием... Агитация, смотря по обстоятельствам, может быть двоякая: *пассивная* (подача прошений, посылка ходоков, забастовки, отказ от платежа податей и проч.) и *активная* (бунты и восстания).

3) *Установление правильных сношений с имеющимися уже готовыми в народе организациями (раскольничьими и сектантскими).*

4) *Пропаганда народнически-революционных идей в среде общества молодежи и городских рабочих*, с целью увеличить число «критически-мыслящих», сознательно-действующих поборников народа. Этими *четырьмя* пунктами исчерпывается суть «практической» (тактической) землевольской программы.

Одновременно с программой был выработан и *устав* организации общества...

В основу устава был положен строго и систематически проведенный принцип централизации, с вытекающей из него конспиративностью...

Центральное место общества занимает «основной кружок», в руках которого находятся, так сказать, «все корни и нити» прочих революционных организаций...

Организация «основного кружка» была такова:

a) Администрация («центр»). Она, как название ее показывает, ведала все дела общества. Местопребыванием администрации обязательно должна была быть столица—Петербург. Состав ее меняется, и члены ее выбираются по большинству голосов...

b) Интеллигентная группа. Пропаганда, агитация и организация в среде учащейся молодежи, особенно высших учебных заведений.

c) Рабочая группа. То же, в среде рабочих.

d) «Деревенщина». Самая многочисленная группа, операционным базисом деятельности которой была деревня вообще.

e) Дезорганизаторская группа. Характер деятельности этой группы, те широкие полномочия, которые она получила от общества, сразу поставили ее в исключительное положение. Дезорганизаторская деятельность, в широком смысле этого слова, имела целью рядом разнообразных действий и положений ослабить правительственный механизм, внося в него элементы вражды и разложения... В специальном смысле дезорганизаторская деятельность преследовала следующие цели: 1) освобождение из-под ареста товарищей; 2) защита от правительственного произвола,... 3) самозащита. Случаи измены уже были в то время, а в виду расширяющегося изо дня в день революционнсго движения их следовало, естественно, ждать и в будущем. Поэтому общество возложило на дезорганизаторскую группу обязанность, в случае несомненно доказаной измены того или другого лица, «из‘ять это последнее из обращения», т.-е. убить. Необходимость и возможность этой меры доказаны впоследствии опытом...

...Весною 1877 года мы начали форсированным маршем мобилизировать наши наличные силы в деревню. Мы двинули, прежде всего, с этой целью членов «основного кружка», как организаторов поселений, приобщив также к этому движению многих

лиц из местных кружков и групп революционеров-народников, вошедших в организацию «Земли и Воли». Организационным базисом наших поселений, в силу исторических традиций, послужили опять-таки Поволжье, Дон и Кубань.

Явились поселения в Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерниях, на Дону и Кубани [1]).

III. ВОСПОМИНАНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

Георгий Валентинович Плеханов начал свою революционную деятельность молодым студентом Горного Института в 1875 году. Его выдающиеся таланты скоро выдвинули его в первые ряды, и он занялся пропагандой среди рабочих. 6 декабря 1876 года он выступил оратором на знаменитой землевольческой демонстрации на Казанской площади.

Много интересного мог бы подметить в рабочей среде такой тонкий наблюдатель, как Г. И. Успенский. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали на нее никакого внимания. Для них «народ» кончался там, где исчезала крестьянская непосредственность и где завещанная предками философия Ивана Ермолаевича разлагается под влиянием пробудившейся мысли работника. Правда, в семидесятых годах этим героем грешны были не одни только беллетристы-народники и вообще не одна легальная литература. Нелегальные писатели, с своей стороны, не мало содействовали ложной идеализации крестьянства и торжеству самобытных теорий «русского социализма», никогда не умевшего взглянуть на рабочий вопрос с правильной точки зрения. Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны—мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно

[1]) Большинство поселений, по словам О. В. Аптекмана, провалилось, благодаря арестам в центре местном и основном.

более плодотворным, чем наши излюбленные «поселения в народе». Но, идя к рабочим, не то, чтобы против воли, а, так сказать, против теории, мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл идеей рабочего сословия. Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария... Вспоминая теперь лекции, читанные в рабочих кружках «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочие могли выносить только из лекций по политической экономии покойного И. Ф. Фесенко. Этот, к сожалению, слишком рано умерший человек, хорошо знал выбранный им предмет и умел излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекции продолжались всего несколько месяцев. С его от'ездом из Петербурга политическая экономия была у нас совсем заброшена; на первый план выступили «очерки» из русской истории», сводившиеся, главным образом, к рассказам о бунтах Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти к истории крестьянства (преимущественно по известной книге Беляева «Крестьяне на Руси»). Для уразумения рабочего вопроса эти «очерки» ничего не давали. Иногда мы говорили своим слушателям и о Международном Обществе Рабочих, но в качестве «бунтарей», разумеется, превозносили деятельность Бакунина, а «централистов», т.-е. сторонников Маркса и Энгельса, изображали довольно-таки злостными реакционерами. Такое освещение истории Международного Общества не могло содействовать политическому развитию наших слушателей. У лавристов было хорошо хоть то, что они изображали не в превратном виде западно-европейское народное движение, и под влиянием их рассказов русский рабочий мог лучше выяснить себе свою собственную задачу...

Уже к концу 1876 г., когда землевольцы только еще приступали к устройству революционных «поселений в народе», пропаганда между рабочими приняла довольно широкие размеры

как в Петербурге (в Галерной Гавани, на Васильевском Острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами), так и в его окрестностях (в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и т. д.). Но я уже сказал, что «бунтари» не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотели агитировать. Наше настроение увлекло, наконец, и рабочих. В то время у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весной 1876 года похороны убитого тюрьмой студента Чернышева, который был арестован по делу 193-х. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в Чернышевской демонстрации рабочие не принимали участия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспомнили о рабочих; Чернышева хоронила «интеллигенция». И вот рабочим захотелось сделать свою демонстрацию и притом такую, которая своим резко революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию «интеллигентов». Они уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до двух тысяч рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная Казанская демонстрация 6 (18) декабря 1876 года.

3. Правительственное сообщение о демонстрации на Казанской площади.

6-го сего декабря, к концу совершавшегося в Казанском соборе богослужения, начали в значительном числе собираться в храм молодые люди, по внешности коих можно было предполагать, что они принадлежат к числу учащейся молодежи. В группах молодых людей заметны были также и женщины. Во время молебна как молодые люди, так и примкнувшие к ним женщины вели себя крайне неприлично: они переходили с места на место, разговаривали, смеялись и, как будто, о чем-то сговаривались. По окончании богослужения толпа этих необычных посетителей храма спустилась с входной лестницы собора и, отойдя от него лишь на несколько шагов, остановилась и скучилась. Стоявший среди толпы молодой человек обратился к окружавшим его со следующими словами: «Мы всегда чтим этот день в память сосланных в каторж-

ную работу». И, произнеся засим несколько фамилий и невнятных слов, закончил свою речь криком: «Да здравствует свобода, ура!». Крик этот был подхвачен окружившими его лицами. Затем тот же молодой человек вынул из-за пазухи стоявшего около него крестьянского мальчика красный флаг с надписью на нем крупными буквами: «Земля и воля» и махал им, продолжая кричать: «ура»! При этом несколько человек, стоявших в центре группы, подняли на руки крестьянского мальчика, который тоже кричал: «ура», махая флагом. Между тем, из толпы стали раздаваться голоса, предлагавшие не расходиться и направиться всем вместе по Невскому проспекту; другие же, напротив, криком из'являли желание разойтись как можно поспешнее. В это время подоспел околодочный надзиратель с городовыми, которые были встречены принимавшими участие в беспорядке лицами сначала бранью, а потом—побоями. Стоявшая до этой минуты в стороне, удивленная этой нелепой выходкой публика, при виде сопротивления, оказанного чинам полиции, исполнявшим свою обязанность, бросилась на помощь городовым, смяла нарушителей порядка и, сообща с полицией, арестовала 32 человека, из коих 11 женщин. Остальная часть участников беспорядка при таком обороте дела быстро разбежалась в разные стороны.

Дознание начато на основании закона 19 мая 1871 года [1]).

4. Террор и самозащита.

I. ДЕЛО ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ.

Вера Ивановна Засулич была заметана еще в деле Нечаева, когда она была совсем молоденькой девушкой. После освобождения она несколько лет жила в провинции, под надзором полиции.

Дело о покушении В. И. Засулич на жизнь петербургского градоначальника ген. Трепова рассматривалось в СПБ. окружном суде 31 марта 1878 г. Председательствовал А. Ф. Кони. По словам В. И Засулич на суде, она не хотела убить

---

1) По делу об этой демонстрации Боголюбов, Бибергаль, Чернавский, Бочаров, Гервасий — приговорены к каторжным работам (первые трое—на 15 лет, остальные—на 10); Фалин-Новаковский, Николаевская и некоторые другие—к ссылке на поселение. По словам Плеханова, Боголюбов в демонстрации не участвовал и был арестован случайно.

Трепова, ей было «страшно поднять руку на человека», но она считала необходимым показать, что нельзя безнаказанно надругаться над человеком.

При выходе В. И. Засулич из суда на улицу толпа устроила ей сочувственную манифестацию.

В тот же день Александр II лично посетил Трепова и отдал распоряжение об аресте Засулич. Вслед за тем А. Ф. Кони получил выговор за поспешное освобождение подсудимой, и политические дела были из'яты из ведения суда присяжных. В. И. Засулич скрылась за границу.

Почти одновременно с покушением В. И. Засулич в Одессе 30 января при аресте бунтарского кружка И. М. Ковальского было оказано отчаянное вооруженное сопротивление, за которое арестованные были преданы военному суду. Последний приговорил Ковальского к расстрелу, Иллича-Свитыча — к 8 годам каторги, Виташевского—к 4 годам и т. д.

Из обвинительного акта.

24 января 1878 года, в 10 часов утра, в Петербурге, в приемной комнате генерал-ад'ютанта Ф. Ф. Трепова, неизвестной женщиной, подававшей лично прошение градоначальнику от имени дворянки Козловой, было совершено покушение на убийство генерал-ад'ютанта Трепова, посредством выстрела, произведенного почти в упор из револьвера, заряженного пулями большого калибра. По судебно-медицинскому осмотру, произведенному в тот же день, и заключению врачей, данному как первоначально, так и при окончании предварительного следствия, оказывается, что генерал-ад'ютанту Трепову выстрелом из револьвера, произведенным почти в упор, пулею большого калибра, причинена огнестрельная, тяжелая и опасная для жизни рана, проникающая с левой стороны в полость таза...

. . . Задержанная, таким образом, на месте совершения преступления неизвестная женщина первоначально скрыла свое имя и звание, но затем об'яснила, что она дочь капитана Вера Ивановна Засулич, что и подтверждено данными, собранными на предварительном следствии.

Относительно пред'явленного против Засулич обвинения в покушении на убийство петербургского градоначальника она об'яснила, что преступление совершено ею с заранее обдуманным намерением, причем последствия произведенного ею выстрела—смерть генерал-ад'ютанта Трепова или нанесение ему тяжелой раны—были для нее безразличны, так как она тем или другим способом, желала отомстить градоначальнику за его распоряжение о нака-

зании розгами арестанта Боголюбова; сведения о наказании Боголюбова, которого Засулич, по ее показанию, совершенно не знала, были получены ею первоначально летом 1877 г. в Пензенской губернии из газет, а затем в Петербурге из рассказов разных лиц.

Заметка газеты „Новое Время" о наказании Боголюбова, оглашенная на суде.

С неделю уже в городе ходят настойчивые слухи о каком-то происшествии в Доме предварительного заключения, находящемся рядом с зданием судебных установлений. «Голосу» передавали по этому поводу, что 13 июля один из представителей администрации в Петербурге, при посещении тюрьмы, остался недоволен порядками, заведенными в тюрьме лицами прокурорского надзора, на обязанности которых лежит наблюдение за содержанием арестованных. Между прочим, он заметил, что три арестанта прогуливаются вместе, и обратился к одному из арестованных с вопросом о причине такой свободы. Арестант этот оказался одним из обвиненных по делу о беспорядках, происшедших 6 декабря прошлого года на площади Казанского собора, Боголюбовым, приговоренным уже особым присутствием правит. сената к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу, но еще ожидающим исполнения этого приговора. Неудовлетворительный, а, может быть, и недостаточно почтительный ответ Боголюбова вызвал со стороны посетителя тюрьмы распоряжение о немедленном заключении арестанта в карцер. Исполнявшему это приказание пришлось проводить Боголюбова опять по двору, где находилось и лицо, отдавшее приказание. Проходя вблизи стоящего с другими лицами посетителя, Боголюбов не снял фуражки; представитель администрации размахом руки сшиб фуражку с головы Боголюбова, а в наказание за оказанное ему неуважение приказал тюремному начальству подвергнуть Боголюбова телесному наказанию для примера другим содержащимся. На следующий день распоряжение это было исполнено, и Боголюбов наказан розгами в корридоре тюрьмы, в присутствии всех арестантов того отделения, в котором содержался [1]).

---

[1]) В сильной речи защитник, прис. повер. Александров, доказывал, что преступление было совершено Треповым, а не Засулич, которая хотела восстановить попранное достоинство человека.

Присяжные заседатели оправдали Засулич, что было встречено аплодисментами всего зала.

Председатель освободил ее из-под ареста.

II. ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ УБИЙСТВЕ ШЕФА ЖАНДАРМОВ МЕЗЕНЦОВА.

4-го августа 1878 г. в 9 ч. 10 м. утра бывший шеф жандармов генерал-ад'ютант Мезенцов, возвращаясь с утренней прогулки, в сопровождении подполковника Макарова, на Михайловской площади, близ дома Кочкурова, был встречен неизвестным, который нанес ему кинжалом рану в полость живота. Истекая кровью, генерал-ад'ютант Мезенцов был привезен домой и в 5 ч. 10 м. пополудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникшею через печень и заднюю стенку желудка. При преследовании подполковником Макаровым убийцы, быстро скрывшегося за угол площади и убегавшего по Большой Итальянской улице, другой неизвестный выстрелил в подполковника Макарова из револьвера и, хотя промахнулся, но вследствие происшедшего от выстрела замешательства оба злоумышленника успели вскочить на поджидавшую их у кондитерской Кочкурова пролетку на лежачих рессорах, запряженную вороною лошадью, и скрылись по направлению к Большой Садовой улице, причем свидетель Платон Матвеев, догоняя уезжавших, проследил их до памятника императрицы Екатерины II, а отставной унтер-офицер Сергей Самойлов видел, как неизвестные повернули за Александринский театр [1]).

III. ТЕРРОР НА ЮГЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА».

Из воспоминаний В. К. Дебагория-Мокриевича.

...Война с Турцией многим открыла глаза. Неудачи, постигшие русские войска в войне с Турцией, этой «гнилой» державой, невольно наталкивали людей, даже не глубоко заглядывающих в жизнь, на разные размышления и предположения о существовании у себя дома кой-каких прорех. С театра военных действий доходили смутные слухи о воровстве подрядчиков, интендантских, что является возможным лишь при участии высшей военной власти...

---

[1]) Главный участник убийства был С. М. Кравчинский, еще несколько месяцев после этого живший в Петербурге, а потом эмигрировавший за границу. «Другой неизвестный» был Баранников.

О необходимости конституционной реформы стали говорить всюду. Земства оживились: принялись готовиться к подаче адресов на высочайшее имя... В Киеве организовался специальный кружок, назвавшийся «конституционным кружком», поставивший своею задачей агитацию в пользу конституции и пропаганду политических идей. Так как студенчество представляло более восприимчивую среду, то неудивительно, что свою деятельность кружок этот направил сюда... Само собой разумеется, что общее настроение должно было отразиться и на нас, тем более, что среди нас самих к этому времени стало наблюдаться какое-то новое ненародническое настроение. Я раньше упоминал уже о том охлаждении к деятельности среди народа, которое видно было хотя бы у большинства членов нашего кружка. Ко времени русско-турецкой войны скептицизмом были заражены более или менее все, по крайней мере, южные народники. Правда, переменить мировоззрение, пустившее такие глубокие корни, как это было у нас с народничеством, оказывалось далеко нелегким делом; и потому на словах все еще продолжали исповедывать старые народнические принципы, но в душе мало уже кто им верил, вследствие чего и на деле движение в народ сильно ослабело... Но душою этого нового, нарождавшегося в ту минуту течения, получившего название «террористического», несомненно, оказался Осинский, и потому я позволю себе коснуться здесь несколько подробнее этой замечательной личности.

Валериан Осинский появился в Киеве осенью 77 года. Это был высокий, тонкий блондин, по виду лет 25-ти, показавшийся мне каким-то хрупким, почти женственным существом; с красивым лицом, живой и подвижный, как ртуть; то возбужденный, разговорчивый и веселый, то мрачно-молчаливый, и в таких случаях жаловавшийся на головную боль. Осинский не удовлетворялся деятельностью своих петербургских товарищей, сводившейся исключительно к пропаганде, и потому, естественно, искал для себя более захватывающего дела. Он познакомился в Петербурге с Верой Засулич, приехавшей туда из Киева, и, когда Стефанович с товарищами был арестован, охотно согласился заняться организацией их побега из тюрьмы. С этой целью он и приехал в Киев...

... Группа лиц, занимавшаяся террористическими предприятиями, назвала себя «Исполнительным Комитетом».

Название «Исполнительного Комитета» присваивалось потому, что террористы, по первоначальному представлению, должны были являться ни чем другим, как простыми исполнителями решений, принятых всей «Социально-революционной партией». Но как эти решения могли приниматься, когда на самом деле и такой партии не существовало, так как не существовало никакой общей организации,—об этом пока не думали.... Сделана была печать овальной формы, наверху которой была вырезана полукруглая надпись: «Исполнительный Комитет», а внизу: «Русской Социально-революционной партии». В середине были вырезаны револьвер и кинжал, скрещивающиеся между собой... [1]).

Г. ПОКУШЕНИЕ А. К. СОЛОВЬЕВА НА АЛЕКСАНДРА II.

Из статьи Н. А. Морозова в № 4 «Листка Земли и Воли» (от 6 апреля 1879 г.)

2-го апреля, в 9 часов утра, произошло покушение на жизнь царя. Царь имеет обыкновение рано утром совершать небольшую прогулку от правого подъезда Зимнего Дворца, вокруг здания Сельско-хозяйственного Музея (Между Главным Штабом, дворцом и Мойкой) и обратно. Местность эта, и вообще очень уединенная, рано утром посещается разве двумя-тремя случайными прохожими; но царя сопровождают человек 50 жандармов, городовых и шпионов. Когда царь, обогнувши здание Сельско-хозяйственного музея, шел от Певческого моста к Дворцовой площади, на тротуаре его встретил человек, оказавшийся впоследствии Александром Константиновичем Соловьевым, и выстрелил в него на расстоянии двух-трех шагов. Царь, следивший еще издали за Соловьевым, уклонился в сторону в момент выстрела и бросился бежать к Главному Штабу. Соловьев погнался за ним, делая выстрел за выстрелом; городовые бросились на Соловьева. Царь споткнулся, запутавшись в своей шинели, и упал, а Соловьева между тем схватили, и он успел сделать в свою защиту только один выстрел, ранивший

---

[1]) Группой Осинского были совершены покушения: на товарища прокурора Котляревского, жандармского полковника Гейкинга. 24 января 1879 г. В. Осинский был арестован, а за ним автор «Воспоминаний» и другие. После военного суда над арестованными Осинский, Брантнер и Свириденко были казнены.

в щеку одного из нападавших. Тогда Соловьев проглотил бывший у него яд (циан-кали), который, однако, оказался настолько разложившимся, что не произвел моментальной смерти, и подоспевшие доктора успели продолжить для пыток и казни жизнь Соловьева. Такова фактическая сторона покушения 2 апреля... [1]).

5. Идеология политической борьбы и террора.

Передовая статья Н. А. Морозова в № 2—3 «Листка Земли и Воли» (22 марта 1879 г.)

«Листок Земли и Воли» выходил под редакцией Н. А. Морозова. Его официальным назначением было ознакомление публики с «революционной хроникой», не находившей себе достаточного отражения на страницах сравнительно редко выходившей «Земли и Воли». Но фактически, кроме выполнения этой задачи, «Листок» стал проводником террористических взглядов его редактора.

Политическое убийство—это, прежде всего, акт мести. Только отомстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в глаза своим врагам; только тогда она становится цельной, нераздельной силой; только тогда она подымается на ту нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь за собою массы. Политическое убийство—это единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов. Нанося удар в самый центр правительственной организации, он со страшной силой заставляет содрогаться всю систему. Как электрическим током, мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях. Когда приверженцев свободы было мало, они всегда замыкались в тайные общества, Эта тайна давала им огромную силу. Она давала горсти смелых людей возможность бороться с миллионами организованных, но явных врагов. В подземных ходах пещер сплачивались они в те несокрушимые общины «святых безумцев», с которыми не могли совладать ни дикое варварство одного мира, ни маститая цивилизация другого. Но когда к этой тайне присоединится политическое убийство, как систематический прием борьбы,—такие люди

[1]) А. К. Соловьев был предан суду и казнен.

сделаются действительно страшными для врагов. Последние должны будут каждую минуту дрожать за свою жизнь, не зная, откуда и когда придет к ним месть. Политическое убийство—это осуществление революции в настоящем. «Неведомая никому» подпольная сила вызывает на свой суд высокопоставленных преступников, постановляет им смертные приговоры,—и сильные мира чувствуют, что почва теряется под ними, как они с высоты своего могущества валятся в какую-то мрачную, неведомую пропасть... С кем бороться? Против кого защищаться? На ком выместить свою бешеную ярость? Миллионы штыков, миллионы рабов ждут одного приказания, одного движения руки. По одному жесту они готовы задушить, уничтожить целые тысячи своих собственных собратий. Но на кого направить эту страшную своей дисциплиной, созданную веками все развращающих усилий государства силу? Кругом никого. Неизвестно, откуда явилась карающая рука и, совершив казнь, исчезла туда же, откуда пришла—в никому неведомую область. Кругом снова тихо и спокойно. Только порою труп убитого свидетельствует о недавней катастрофе. Враги чувствуют, как самое существование их становится невозможным, они чувствуют свое бессилие среди своего всемогущества. Политическое убийство—это самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов. Вот почему враги так боятся его. Вот почему 3-4 удачных политических убийства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармские дивизионы, расставлять казаков по улицам, назначать урядников по деревням—одним словом, выкидывать такие salto mortale самодержавия, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи, ни проклятия тысяч жертв, замученных им на каторге и в ссылке... Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом.

---

6. Раскол «Земли и Воли» и образование «Народной Воли».

А. РАЗНОГЛАСИЯ ВЕСНОЙ 1879 ГОДА И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Из воспоминаний О. В. Аптекмана.

«Деревенщина» наша, — М. Попов, Плеханов, Мощенко и Игнатов—с пеною у рта говорили мне о террористических стремлениях нашей администрации и большинства членов редакторской группы, а также и других наших товарищей... (Выслушаем и другую сторону). И я обратился за об'яснениями к террористам. Террористы, между которыми было немало людей мне симпатичных, уверяли меня, что это, напротив, одно лишь печальное недоразумение, что они ни на иоту не отступают от прежней программы, что все предприятия их решались Советом, в котором участвовала и «деревенщина», д а в а в ш а я н а в с е э т и п р е д п р и я т и я с в о е с о г л а с и е, что, одним словом, положение вещей мне передано в извращенном виде. Одни из них были несомненно искренни в своих уверениях: они смотрели на террор, как на действия, отнюдь не противоречащие, не исключающие—боже упаси—деятельности в народе. Другие политиканствовали. Третьи, наконец, категорически заявили мне, что, по всему вероятию, деятельность примет иное направление, неизбежное в силу самих вещей. Признаюсь, мне было чрезвычайно трудно ориентироваться как в впечатлениях, вынесенных мною из разговоров и об'яснений моих товарищей, так и в собственных моих мыслях и чувствах.

Ад был в моей душе. Террористической деятельности как с и с т е м ы б о р ь б ы, я тогда, как и прежде, не признавал. Я допускал лишь и с к л ю ч и т е л ь н ы е случаи, как, например, случай Веры Засулич. Наши товарищи террористы, между тем, приготовили нам новый сюрприз. Сюрприз этот явился со стороны редакции «Листка Земли и Воли». Я говорю о руководящей статье №№ 2 и 3-го «Листка», в которой, поистине, высказывалась черная ересь. Эта статья характерна во многих отношениях, но, прежде всего, рисует наглядно настроение большинства землевольской редакции и нашего «центра»... На нас, «деревенщиков», эта статья произвела прямо-таки удручающее впечатление.

Из Воспоминаний Н. А. Морозова.

Основные причины, вызвавшие Липецкий с'езд в той самой необычной форме, в какой он был осуществлен частью членов «Земли и Воли», заключались—насколько я могу ориентироваться во внутренней жизни этого тайного кружка заговорщиков—в теоретических разногласиях между двумя его частями. К одной из них, которая часто называла себя по инициативе нашего киевского товарища, Осинского,—Исполнительным Комитетом, принадлежал, между прочим, я сам с Александром Михайловым, а к другой, называвшей себя «народниками»,—мой товарищ по редактированию органа «Земля и Воля», Плеханов, и его бывший сторонник Михаил Попов... Моя статья в «Листке Земли и Воли» произвела сильное волнение среди сторонников старой программы. Плеханов, стоявший тогда во главе этой фракции, заявил, как мне передавали, в публике:

«Этот «Листок Земли и Воли»—подделка. Я, как один из редакторов «Земли и Воли», ничего не знаю о его выходе и никогда не допустил бы ничего подобного. Главная цель «Земли и Воли» есть не политическая борьба с правительством, а пропаганда социалистических идей и агитация среди крестьян и рабочих».

Когда я встретился с ним потом и заговорил об этом Листке, которого я действительно не успел ему предварительно показать (так как два раза не застал его дома), Плеханов мне сказал, что для улажения недоразумений между нами существует только одно средство: собрать с'езд всех членов «Земли и Воли», и пусть они решат, кому из нас быть выразителем ее программы. Я тотчас согласился с этим...

Б. ЛИПЕЦКИЙ И ВОРОНЕЖСКИЙ С'ЕЗДЫ.

Из воспоминаний В. Н. Фигнер.

Когда вопрос о с'езде членов «Земли и Воли» был решен, то приготовившиеся к битве члены Исполнительного Комитета решили предварить его, собрав своих единомышленников на тайное сепаратное совещание с участием выдающихся революционеров юга, не входивших в состав «Земли и Воли». Это были: Колодкевич, из Киева, Желябов—из Одессы и Фроленко, который был известен

на всем юге, потому что освободил Костюрина из тюрьмы в Одессе, а Стефановича, Дейча и Бохановского—из тюрьмы в Киеве, участвовал в попытке освободить Войнаральского под Харьковом и в подкопе под херсонское казначейство, из которого, как я уже упоминала, было похищено 1½ миллиона рублей.

Местом с‘езда землевольцев был выбран Воронеж, а временем—24 июня; несколькими днями раньше, в маленьком курортном городке Липецке, из которого быстро можно было переехать в Воронеж, решили собраться все те, кто стоял за новое направление. К назначенному времени из Петербурга туда прибыли члены Исполнительного Комитета, а по телеграммам явились приглашенные южане. В количестве 11—12 человек с‘ехавшиеся об‘единились в группу, приняв с поправками устав, составленный секретарем Исполнительного Комитета Морозовым. Программа группы ставила целью организации ниспровержение самодержавного строя и водворение политических свобод, а средством—вооруженную борьбу с правительством.

Быстро покончив дела, члены, входившие в «Землю и Волю», отправились в Воронеж, а южан и Ширяева оставили в Липецке, чтобы в Воронеже предложить их в члены общества и затем вызвать на общий с‘езд. Такие кандидаты, как Фроленко, Желябов, Колодкевич, без возражений были тотчас приняты; приняли и Степана Ширяева, горячо рекомендованного теми, кто знал его по Петербургу. Они явились и усилили собой левое крыло с‘езда. С другой стороны, были предложены и приняты находившиеся еще за границей Стефанович, Засулич, Дейч и Бохановский. По приезде первых трех в Петербург, они оказались на стороне Плеханова.

Из воспоминаний Н. А. Морозова.

На 3-м и последнем заседании липецкого с‘езда, посвященного обсуждению будущих предприятий общества, Александр Михайлов произнес длинный обвинительный акт против императора Александра II. Это была одна из самых сильных речей, какие мне приходилось слышать в своей жизни, хотя Михайлов, по природе, и не был оратором.

В ней он припомнил и ярко очертил сначала хорошие стороны деятельности императора, его сочувствие к крестьянской и судебной реформам, а затем приступил к изложению его реакционных пре-

образований, к которым прежде всего относил замену живой науки мертвыми языками в средних учебных заведениях, и ряд других мероприятий назначенных им министров... Яркий очерк политических гонений последних лет заканчивал эту замечательную речь, в которой перед нашим воображением проходили длинные вереницы молодежи, гонимой в сибирские тундры за любовь к своей родине, исхудалые лица заключенных в тюрьмах и неведомые могилы борцов за освобождение.

«Должно ли ему простить за два хорошие дела в начале его жизни все то зло, которое он сделал затем и еще сделает в будущем?», спросил Михайлов в заключение, и все присутствующие единогласно ответили: «нет».

С этого момента вся последующая деятельность большинства с'ехавшихся в Липецке 14-ти человек определилась в том самом смысле, в котором она стала теперь достоянием истории: целый ряд покушений на жизнь императора Александра II и их финал— 1-го марта 1881 года...

Из воспоминаний О. В. Аптекмана.

С'езд был первоначально намечен... в Тамбове, но по непредвиденным обстоятельствам его пришлось перенести в Воронеж, куда должны были собраться все к 20-му июня, если не ошибаюсь.

Землевольцы стали с'езжаться понемногу...

На конгрессе участвовали следующие землевольцы: Александр Михайлов, Александр Квятковский, Плеханов, Тихомиров, Морозов, В. Н. Фигнер, С. Перовская, М. Ошанина, Тищенко («Титыч»), М. Р. Попов, Хоризоменов—«Сергей Андреев», Николаев—«Егорыч», Короткевич—«Кокевич», М. Фроленко и пишущий эти строки...

Во время заседаний конгресса были вновь приняты в общество «Земля и Воля» следующие лица: Желябов, Колодкевич и Сергеева...

Предложение, стоявшее на очереди, был политический террор— это яблоко раздора между землевольцами...

Особенно резким, энергичным и непримиримо-последовательным противником террора или дезорганизации, как тогда еще выражались, был Плеханов.

— Чего добиваетесь вы,—обратился он прямо с вопросом к террористам,—на что вы расчитываете?

— Мы получим конституцию,—неожиданно в пылу спора выпалил Михайлов,—мы дезорганизуем правительство и вынудим его к этому!

Произошло полное замешательство. Плеханов горячо возражал, что дезорганизаторская деятельность наша только приведет к усилению правительственной организации, что в окончательном результате борьбы победа окажется на стороне правительства; что единственная перемена, которую можно с достоверностью предвидеть, это вставка трех палочек вместо двух при имени «Александр»; что, дальше, стремиться народнику-революционеру к конституции—почти равносильно измене народному делу. Желябов поставил вопрос ребром и решил его прямо, без обиняков: надо-де совсем отказаться от классовой борьбы, выдвигая в этой борьбе на первый план политический ее элемент.

ЧАСТЬ III

ЭПОХА „НАРОДНОЙ ВОЛИ“

I. Идеология народовольчества

I. Статьи из 1-х №№ „Народной Воли“

В разгаре прений на Воронежском с‘езде Плеханов потребовал голосования по вопросу об отношении с‘езда к статье Морозова о политических убийствах и, когда большинство статью одобрило, покинул с‘езд.

„Земля и Воля“ распалась на две части: террористическую партию „Народной Воли“ и сторонницу старой программы—группу «Черного Передела». Орган террористической партии „Народная Воля“ выходил под редакцией Н. А. Морозова и Л. А. Тихомирова. Как свидетельствуют печатаемые документы по идеологии, террористической и пропагандистской деятельности этой партии, она хотя и не отступала от официальной идеологии народничества, на деле всю свою работу подчиняла основной задаче завоевания политической свободы и в частности от работы в деревне совершенно отказалась. Чернопередельцы и ставили ей в вину отступление от принципов социализма в сторону буржуазнего радикализма.

А. ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ № 1 (от 1 октября 1879 г.).

Нам кажется, что одним из важнейших чисто-практических вопросов является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А, между тем, именно у нас в России особенно не следовало бы его игнорировать. Наше государство — совсем не то, что государство европейское. Наше правительство — не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а есть самостоятельная, для себя самой существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и поли-

тическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов. Наше государство владеет, как частный собственник, половиной русской территории; большая половина крестьян — арендаторы его земель; по духу нашего государства—все население существует, главным образом, для него. Государственные повинности поглощают весь труд населения, и—характерная черта—даже в карманы наших биржевиков и железнодорожников крестьянские гроши стекаются через государственное казначейство. Создавая и поддерживая всякую эксплоатацию, сжимая всю страну в своих железных когтях, подавляя всякую жизнь, мысль и инициативу,—наше государство представляет что-то вроде тех сказочных чудовищ, которых умилостивляли человеческими жертвами и для борьбы с которыми нужно было особенное вмешательство небесных сил...

Б. ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ № 2.

История создала у нас, на Руси, две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию. Другие социальные группы и поныне у нас имеют самое второстепенное значение. Наше дворянство, напр., вытащенное на свет божий за уши правительством, оказалось, однако, несмотря на все попечения, решительно неспособным сложиться в прочную общественную группу и, просуществовав едва сотню лет, нынче совсем стушевалось, распылилось и слилось отчасти с государственной организацией, отчасти—с буржуазией, отчасти так, неведомо куда девалось. Буржуазия, выдвигаемая всеми условиями нашей жизни и при самом рождении своем поступившая также под крылышко правительства, без сомнения, имеет более шансов на продолжительное существование и, если общие условия русской жизни не изменятся, она, конечно, скоро составит грозную общественную силу и подчинит себе не только массы народа, но и самое государство. Но это еще—вопрос будущего. В настоящее время наша буржуазия составляет все-таки не более, как ничем не сплоченную толпу хищников; она не выработала еще ни сословного самосознания, ни миросозерцания, ни сословной солидарности. Буржуа западный, действительно, убежден в святости разных основ, на которых зиждется его сословие, и за эти основы положит голову свою. У нас нигде не встретишь более циничного

неуважения к тем же основам, как именно в буржуа. Наш буржуа—не член сословия, а просто отдельный, умный и неразборчивый в средствах хищник, который в душе сам сознает, что действует не по совести и правде. Без сомнения, это — явление временное, происходящее лишь оттого, что наш буржуа еще только народился на свет. Скоро, очень скоро он оформится; еще несколько поколений, и мы увидим у себя настоящего буржуа, увидим хищничество, возведенное в принцип, с теоретической основой, с прочным миросозерцанием, с сословной нравственностью. Все это будет, конечно, но только в том случае, если буржуазию не подсечет в корне общий переворот наших государственных и общественных отношений. Мы думаем, что он очень возможен, и, если он, действительно, произойдет, то буржуазия наша так же сойдет со сцены, как сошло дворянство, потому, что она, в сущности, создается тем же государством.

Создается она государством отчасти вполне сознательно и преднамеренно, отчасти является, как неизбежное последствие тех условий, в которые государство вгоняет народ и которые не могут не выдвигать из массы хищническое, кулацкое сословие... Вызывая появление буржуазии самым фактом своего существования, современное государство в отдельных случаях совершенно сознательно втягивает ее в люди. Вспомним историю нашей промышленности. Кустарное производство целых губерний убивалось, благодаря всяческому покровительству крупной промышленности. Создавались даже такие отрасли фабричного производства, которые и поныне живут только покровительственным тарифом (напр., хлопчатобумажное, убившее народные кустарные полотна). Целые княжества создавались для горнозаводчиков, и сотню лет население Урала было отдано в рабство капиталистам, не умевшим вести дело даже так, как вели сами рабочие, оставаясь без хозяев (при Пугачеве). Железнодорожное дело представляет у нас также единственные в мире картины: все дороги построены на мужицкие деньги, на деньги государства, неизвестно зачем раздарившего сотни миллионов разным предпринимателям. Точно также мужицкое золото лилось из пустого кармана правительства для поддержания биржевых спекуляций. Эта отеческая нежность правительства по отношению к буржуазии—факт, требующий вовсе не доказательства, а только указания, и мы указываем на него для того, чтобы лучше оттенить то обстоятельство, что у нас не

государство есть создание буржуазии, как в Европе, а, наоборот, буржуазия создается государством...

Непосредственным источником народных бедствий, рабства и нищеты является государство. Поэтому, как только мы задаемся целью освободить народ, наделить его землей, просветить его, ввести в его жизнь новые принципы или восстановить в их первобытной чистоте старые традиционные основы народной жизни— словом, какою бы целью мы ни задавались, мы, если только эта цель ставится в интересах массы, волей-неволей должны столкнуться с правительством, которое видит в народе своего экономического и политического раба. Для того, чтобы сделать что-нибудь для народа, приходится, прежде всего, освободить его из-под власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть над мужиком. Таким образом, наша деятельность принимает политический характер...

Теперь нам нужно сперва оговориться. Понятно, что, призывая партию к борьбе с правительством, к политическому перевороту, мы нисколько не отрешаемся от переворота социального, экономического. Мы говорим только, что при наших государственных порядках политический и социальный переворот совершенно сливаются, и один без другого немыслимы... Передача государственной власти в руки народа в настоящее время могла бы дать всей нашей истории совершенно новое направление и развитие в духе народного общинно-федеративного миросозерцания. Предположим, в самом деле, что наше правительство, от каких бы то ни было причин (вследствие повсеместной революции, вследствие собственного истощения, в связи с нравственным давлением всех слоев населения и пр.) принуждено ликвидировать свои дела. Составляется самостоятельно, или по приглашению правительства, Учредительное Собрание, снабженное приговорами своих избирателей (в роде cahiers в Assemblée Constituante). В этом собрании 90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии. Что может постановить такое собрание? В высшей степени вероятно, что оно дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений; мы знаем, как устраивался наш народ всюду, где был свободен от давления государства; мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в Сибирских раскольничьих поселениях,

везде, где устраивался свободно, сообразуясь только с собственными наклонностями; мы знаем вечный лозунг народных движений. Право народа на землю, местная автономия, федерация — вот постоянные принципы народного миросозерцания. И нет в России такой силы, кроме государства, которая имела бы возможность с успехом становиться поперек дороги этим принципам. Устраните государство, и народ устроится, может быть, лучше, чем мы даже можем надеяться.

2. Программа Исполнительного Комитета партии Народной Воли.

(Напечатана в № 3 „Народной Воли").

ПРОГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА [1]).

А.

По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить материальное благосостояние и полное, всестороннее развитие личности, а, стало быть, и прогресс. Мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, проходит предварительно через сознание и волю народа. Народное благо и народная воля—два наши священнейшие и неразрывно связанные принципа.

Б.

1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического. Как рабочий, он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев; как гражданин—он лишен всяких прав; вся русская действительность — не только не соответствует его

[1]) Заявляем полную свою солидарность с этой программой.

Ред. «Нар. Воли».

воле, но он даже не смеет ее высказать и формулировать, он не имеет даже возможности думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего порядка. Опутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства—до рабства во всех отношениях.

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно - буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-Хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3) В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе, всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями.

B.

1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во - 1-х, что развитие народа отныне будет итти самостоятельно, согласно его собственной воле и наклонностям; во-2-х того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу.

2) Мы полагаем, что народная воля была бы достатачно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней.

3) Таким образом, наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию, составленному, как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их, согласно инструкциям своих избирателей.

Г.

Подчиняясь вполне воле народной, мы, тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем защищать в Учредительном Собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющие полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира, как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право, без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие.

Д.

В виду изложенных целей деятельность партии располагается в следующих отделах:

1) Деятельность пропагаторская и агитационная.

Пропаганда имеет своей целью популяризировать во всех слоях населения идею **демократического политического переворота, как средство социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии.** Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляют сущность пропаганды.

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного Собрания; формами протеста могут быть сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адресы, отказ от уплаты податей и пр.

2) Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п.,—имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы.

3) Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра.

Организация мелких тайных обществ со всевозможными революционными целями необходима как для исполнения многочисленных функций партии, так и для политической выработки ее членов. Но эти мелкие организации для более стройного ведения дела, особенно же при организации переворота, необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра на началах полного слияния или федерального союза.

4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе.

Для успешного исполнения всех функций партии в высшей степени важно прочное положение в различных слоях населения. По отношению к перевороту особенно важны администрация и войско. Не менее серьезное внимание партия должна обратить на народ. Главная задача партии в народе—подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, борьбы, имеющей целью проведение чисто-народных депутатов. Партия должна приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства, должна подготовить себе активное содействие масс в наиболее важных пунктах и среди наиболее восприимчивого населения. В виду этого, каждый член партии в народе должен стремиться занять такое положение, чтобы иметь возможность защищать крестьянские интересы, помогать их нуждам, приобрести известность честного и благожелательного крестьянству человека и поддерживать в народе репутацию партии—защищать ее идеи и цели.

5) Организация и совершение переворота.

В виду придавленности народа, в виду того, что правительство частными усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее. Что касается способов совершения переворота... (Эта часть 5-го пункта не подлежит опубликованию).

6) Избирательная агитация при созвании Учредительного Собрания.

Каким бы путем ни произошел переворот — как результат самостоятельной революции,.. или при помощи заговора,—обязанность партии—способствовать немедленному созыву Учредительного Собрания и передаче ему власти Временного Правительства, созданного революцией или заговором. При избирательной агитации партия должна всячески бороться п ротив кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто-мирских людей [1].

---

[1]) Эта программа Исполнительного Комитета была отпечатана затем отдельным изданием, в котором прибавлен пункт Е, гласящий:

„Руководящие принципы действия Исполнительного Комитета определяются отношением лиц и общественных отношений таким образом:

1) По отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства, т. е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволительным.

3. Прокламация Исп. К-та после 1 марта 1881 г.

Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Уже много лет терпит народ русский от малоземелья, голодов, тяжелых податей, кривосудья и всякой неправды. Покойный царь Александр II не заботился о своем народе, отяготил его невыносимыми податями, обделил мужиков землей, отдал рабочего на разорение всякому грабителю и мироеду, не слушал слезных мужицких жалоб. Он защищал только одних богатых, а сам пировал и роскошествовал, когда народ помирал с голоду. Он погубил сотни тысяч народа на войне, которую затевал без всякой надобности. Другие народы он будто бы защищал от турок, а свой народ отдал на разорение урядникам, становым и полицейским, которые хуже турок мучили и убивали крестьян. Мирских людей, которые стоят за народ и за правду, царь вешал и ссылал на каторгу да в Сибирь. Мирских ходоков к себе не допускал и мирских прошений не принимал. За все это страшная смерть покарала его. Великий грех на душе царя, когда он не заботится о своем народе. Великий грех и на его советниках, министрах и сенаторах. Окружили они царя и не допускают до него мужицких слез. Ныне вступает на престол новый царь, Александр Третий. Он должен загладить грех отца своего и облегчить несносную народную тяготу. Православные крестьяне! Посылайте всем миром Государю прошение, посылайте к нему ходоков, откройте Государю, как на Руси мужик мается, хуже, чем в татарской неволе. Собирайтесь всем миром и пишите прошения. Прошения такие:

1) Пусть Государь прикажет новую нарезку земли без всякого выкупа;

2) Пусть уменьшит подати;

3) Пусть в мирские дела не вступаются ни чиновники, ни полиция;

2) Все оппозиционные элементы, даже не вошедшие с нами в союз, найдут в нас помощь и защиту.

3) Лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными: их личность и имущество — неприкосновенны.

4) Пусть Государь призовет в Сенат для совета и указания выборных мирских людей от деревень и от всего народа, чтобы впредь царскими советниками были не господа, а крестьяне, и пусть без совета этих выборных царь ничего не делает, ни податей не назначает, ни ведет войны.

Православные. Когда царь уважит эти ваши прошения, воссияет правда на земле, исчезнет кривда и горе.

Сие об‘явление читать всем миром на сходах и препятствия сему отнюдь не чинить. Решение же мирское посылать с надежным человеком на имя государя императора Санкт-Петербург:

Дано в С.-Петербурге, марта 2 дня 1881 года.

Комитет Народной Воли.

4. Письмо Исполнительного Комитета к Александру III.

Это письмо было написано после убийства Александра II. Писал письмо Л. А. Тихомиров, просматривал и редактировал Н. К. Михайловский. По отзыву К. Маркса, письмо доказывает, что среди народовольцев имеются люди с «государственным складом ума».

Ваше Величество,

Вполне понимая то тягостное настроение, которое Вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный Комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего об‘яснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это — долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к Вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе пра-

вительственной власти. Об'яснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы «шайки» — может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного Императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную партизанскую войну с правительством. Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного Императора нельзя обвинить в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых «вожаков» переловлены, перевешаны: они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, ваше величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это — процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть Спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но, ведь, все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя уничтожить его недовольство посредством репрессалий: неудовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности, в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно и каче-

ственно. Это мы видим, в действительности, за последние 10 лет. Какую пользу принесла гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей 74-го года? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали затем на сцену террористов 78—79 г.г. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций, путем естественного подбора, вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный Комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторятся все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране, между тем, увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности — все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая потасовка, судорожное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, ваше величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии—на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время, когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства, в истинном его смысле, не существует. Правительство, по самому своему принципу, должно только выражать стремления, только осуществлять Народную Волю. Между тем, у нас—извините за выражение—правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный Комитет.

Каковы бы ни были намерения Государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, не свободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, не властны даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор; самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое—правительство, охраняющее подобный «порядок»? Неужели это—не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, ваше величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение Верховной Власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный Комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только Верховная Власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести,—вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполнительный Комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной ра-

боте на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем Вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что вы—представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам, как гражданину и честному человеку. Надеемся, чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания узнать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от Вас.

Мы не ставим Вам условий. Пусть не шокирует Вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, а исполнение гражданского долга.

2) Созыв представителей всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация Верховной Власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) Депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходок,

г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно, перед лицом родной страны и всего мира, что наша партия, с своей стороны, безусловно подчинится решению Народного Собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному Народным Собранием.

Итак, ваше величество, — решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностью перед родною страной.

10 марта 1881 г. *Исполнительный Комитет.*

II. Террор народовольцев.

1. Покушение Степана Халтурина на взрыв зимнего дворца.

В 1880 году арестованный среди 16-ти других террористов Григорий Гольденберг открыл властям историю неудавшихся покушений на царя, имевших место после липецкого с'езда. В сентябре 1879 года Желябов, Колоткевич, Гольденберг, Татьяна Лебедева, Баранников и Пресняков—подготовляли взрыв царского поезда под Одессой. Считаясь с возможностью неудачи, командировали Гольденберга, Ширяева и Баранникова в Москву для подготовки покушения около нее, а к работавшим в Одессе присоединились В. Фигнер, Златопольский и Фроленко. Покушение не состоялось, так как царь не поехал этим путем. В ноябре Желябов, Анна Якимова, Н. И. Кибальчич, Григ. Исаев, Тетерка, Тихонов, Окладский—подготовляли покушение на взрыв поезда под Александровском. Здесь все было готово, но взрыва не произошло по неизвестной причине. В то же время под Москвой вели подкоп под линией железной дороги Александр Михайлов, Лев Гартман, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов и присоединившиеся к ним Ширяев, Баранников, Гольденберг, Исаев и Арончик. В виду недостатка динамита, Гольденберг поехал за ним в Одессу и на возвратном пути был арестован. Взрыв произошел 19 ноября, по ошибке был взорван поезд с императорской свитой (царь ехал в другом), причем никто не пострадал.

По процессу 16-ти Квятковский и Пресняков были казнены, Ширяев умер в Алексеевском равелине, Гольденберг также умер в крепости. Окладский был приговорен к смертной казни, но был освобожден и стал предателем. Тихонов умер на карийской каторге.

5-го февраля 1880 года состоялось новое покушение.

Из статьи „Пребывание Халтурина в зимнем Дворце (напечатанной в „Календаре Народной Воли“ на 1883 г.).

До 1879 года Халтурин был известен исключительно своею пропагандистской и организаторской деятельностью среди петербугских рабочих. Но в этом отношении он был известен, как чело-

век в высшей степени энергичный и умный. Уже в 1878 году (Халтурин появился в качестве революционера в 1873 г.) он пользовался среди рабочих, под именем Степана, популярностью, очень редкою у нас, и заявил себя несколькими организационными попытками на широкую ногу. Основанный им «Северный Рабочий Союз», считавший сотнями своих членов, продержался недолго, но представлял, конечно, самую крупную у нас попытку рабочей организации. Не менее известна попытка Халтурина создать чисто рабочую газету. Типография ее была основана на средства и стараниями группы, состоявшей исключительно из рабочих. Из рабочих же состоял весь персонал типографии и редакции. К сожалению, газета вместе с типографией была заарестована при наборе первого же номера и не оставила после себя ничего, кроме памяти о попытке чисто рабочего органа, не повторявшейся уже потом ни разу.

Под влиянием всех этих неудач, постоянно встречая на своем пути императорскую полицию и политику, разрушающие в зародыше всякое проявление рабочего дела, Халтурин пришел к мысли протестовать посредством убийства царя... Задумавши цареубийство, Халтурин стал прежде всего искать средств поближе подойти к царю. Как рабочий, чрезвычайно искусный в своей специальности (столяр), и как человек с огромным знакомством в петербургском рабочем мире, Халтурин мог, действительно, проникнуть куда угодно: и в мастерские, и во дворцы, и в монастыри, и в казармы...

... Во дворец Халтурин поступил, кажется, около октября 1879 года и первое время, конечно, был занят исключительно разведками в этом новом для него мире. Царь в это время проживал еще в Ливадии, и во дворце по этому случаю все было свободно, без стеснений, без присмотра.... Халтурин, поступивший во дворец с фальшивым паспортом, в конторе числился крестьянином Олонецкой губернии и старался разыгрывать роль простяка. Он всему удивлялся, обо всем расспрашивал.... Халтурин был завален работою и, как лучший столяр, работал, главным образом, в царских покоях, кабинете и т. д., между прочим, и в столовой, которую собирался взорвать. Выходить из дворца было некогда, работать над «своей» работой—тоже. В общей сложности вышло, что первоначальный план Исполнительного Комитета — превратить дворец в резервный пункт на случай неудачи в других местах,—не

осуществился. В Одессе, Александровске, Москве, ко времени возвращения царя из Крыма, все было готово для его встречи. Но дворец оставался совершенно невооруженным.... В это именно время произошел арест Квятковского с захватом у него плана Зимнего Дворца, на котором (плане) царская столовая была помечена крестом. Обстоятельство это подвергало страшному риску все дело, а Халтурина, в частности, поставило в истинно-каторжное положение... Ночью, когда уже все спали, двери подвального помещения вдруг отворяются. Полковник в сопровождении жандармов быстро входит. Звук шпор, бряцание сабель, наконец, приказание полковника встать — разбудили столяров. Халтурин считал себя погибшим. Не зная еще о систематических обысках, только что введенных, он, конечно, мог отнести ночное посещение только на свой счет. А у него лежал под подушкой динамит... Однако, дело обошлось благополучно. Порывшись слегка в вещах рабочих, заглянувши в разные углы, охранители царского жилища, с таким же громом, звоном и сверканьем, удалились для обыска других помещений, а Халтурин только тут поверил, что он еще не провалился.... Желябов, сменивший Квятковского в сношениях Халтурина с Исполнительным Комитетом, лихорадочно торопил дело минирования, но оно все-таки подвигалось черепашьим шагом. Не было никакой возможности проносить динамит иначе, как небольшими кусками, каждый раз изобретая разные хотрости, чтобы избежать осмотра или обмануть бдительность осматривающих. С другой стороны, нельзя было и отлучаться из дворца слишком часто. При всем желании покончить, наконец, с таким мучительным положением, Халтурин мог наполнить свою мину только очень медленно. Впрочем, в сущности, это вовсе и не была мина, потому что при существовавших тогда условиях Халтурин не мог сделать почти никаких приспособлений для направления силы взрыва. Он сперва держал свой динамит просто под подушкой, испытывая от этого страшные головные боли... Потом, когда динамиту набралось много, Халтурин переместил его в свой сундук, заложивши разными вещами. Таким образом, роль мины играл пустой сундук. Затем по совету техников, Халтурин придвинул его возможно ближе к углу между двумя капитальными стенами, чтобы иметь наиболее шансов обрушить столовую. Для воспламенения же динамита сразу решено было прибегнуть к трубкам, начиненным особым составом, который мог

гореть и при отсутствии воздуха. Само собой разумеется, трубки были расчитаны на то время, которое требовалось для того, чтобы выйти из дворца, на столько-то минут. Вот и все нехитрые приспособления, какие возможно было сделать... Решено было действовать при данном количестве динамита, как только представится случай.

Благоприятный случай этот требовал совпадения двух обстоятельств. Нужно, чтобы царь находился в столовой, а Халтурин — в подвале — без всякого надзора. В столовой царь обедал ежедневно, хотя с некоторыми колебаниями во времени, так, на полчаса раньше или позже. Что касается столяров и жандарма, то их отсутствие зависело отчасти от распределения дежурства в работе, отчасти же — от простой случайности. Совпадение всех этих благоприятных условий происходило однако, не так часто, и, когда в начале февраля Халтурин должен был «действовать», то несколько дней испытывал постоянно неудачи. Он в это время каждый день, после времени предполагаемого взрыва, должен был видеться с Желябовым, чтобы сообщать об исходе, так как в случае удачи ему следовало скрыться при помощи Желябова. Они встречались на площади, в темноте, не всегда здороваясь. Халтурин, мрачный и злой, проходил быстро мимо, произнося нервным шопотом: «нельзя было»... «ничего не вышло»... Эти ответы Желябов слышал несколько дней подряд... Наконец, 5-го февраля, Халтурин, замечательно спокойный, поздоровался с ним и, словно фразу из самого обычного разговора, произнес «готово»... Через минуту страшный грохот подтвердил его слова. Мину взорвало. Огни во дворце потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала как будто еще темнее. Но что скрывалось за этой темнотою, там, на другом конце площади?.. Ни Желябов, ни Халтурин не могли ждать раз'яснений, несмотря на жгучее любопытство. К дворцу сходились люди, прибежали пожарные. Что-то выносили оттуда, это — трупы и раненые. Их казалось ужасно много. Но что с самим виновником этой бойни, Александром II?

Желябов и Халтурин быстро удалились. Для последнего уже готово было верное убежище, насколько, конечно, они вообще существуют в России; и только по прибытии туда нервы Халтурина будто сразу размякли. Усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно

оружия. «Живой я не отдамся», — говорил он. Его успокоили: квартира была защищена такими же динамитными бомбами.

Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Он свалился совсем больной, и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5-м февраля на всю Россию, могли его несколько утешить, хотя никогда он не мог примириться со своей неудачей...

2. 1-е Марта 1881 года.

А. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. Н. ФИГНЕР.

Еще в бытность Александра Михайлова на свободе, Комитет составил проект снять магазин или лавку на одной из улиц Петербурга, по которым наиболее часто совершался проезд императора: из лавки предполагалось провести мину для взрыва. С этой целью некоторые из агентов должны были присматриваться ко всем сдаваемым помещениям, пригодным для осуществления плана, а так как царь обязательно должен был ездить в Михайловский манеж, то магазин искали по улицам, ведущим к нему; таких магазинов при Михайлове и, кажется, им самим, было найдено два, и на одном из них остановился выбор Комитета. Это был магазин в доме Менгдена на Малой Садовой; в нем решено было открыть торговлю сырами.

Когда Комитет стал подбирать состав, необходимый для обстановки, то для роли хозяина я предложила моего друга и товарища Юрия Николаевича Богдановича.

После выезда из Саратова в 1879 году и до осени 1880 года Богданович находился в отлучке, и у меня прервалась с ним даже переписка; но приехав в Петербург и свидевшись со старинным приятелем Писаревым, я решила употребить все усилия, чтобы найти его и вызвать к себе.... Точное местонахождение магазина и фамилия, под которой значился хозяин его, не были мне известны до того момента, когда, должно быть, в феврале, истек срок паспорта, по которому Богданович был прописан, и он попросил меня написать текст нового на имя Кобозева. Этот паспорт, мной написанный, кажется, так и остался в руках дворников после того, как был прописан в доме Менгдена.

К новому году Богданович и, под видом его жены, Якимова устроились и из магазина стали рыть подкоп под улицу... В магазине на Малой Садовой шла торговля сырами, и каждую ночь несколько членов Комитета и его агентов работали в подкопе, действуя заступом и буравом и наполняя землею бочки, предназначенные для сыров...

В первой половине февраля Комитет созвал своих членов на совещание. Приготовляя покушение на царя, он хотел поставить вопрос о возможности или невозможности одновременно с покушением сделать попытку инсуррекции. Члены из Москвы и тех провинций, в которых были народовольческие группы, должны были дать сведения, достаточно ли окрепла и расширилась организация партии и таково ли настроение широких кругов в разных местностях, чтобы наличными силами партии, при поддержке сочувствующих слоев общества, предпринять вооруженное выступление против правительства.

Ответ был неблагоприятный. Подсчет членов групп и лиц, непосредственно связанных с нами, показал, что наши силы слишком малочисленны, чтобы уличное выступление могло носить серьезный характер. В случае попытки вышло бы то же, что произошло в 1876 году на Казанской площади,—избиение, но в еще более широких размерах и безобразных формах, чем было при той первой демонстрации скопом, предпринятой «Землей и Волей». От выступления пришлось отказаться. Революция рисовалась в то время еще в неопределенных чертах и в неопределенном будущем. Только с военных бралось обязательство по требованию Исполнительного Комитета взяться за оружие; что касается штатских, то в уставы местных групп такое обязательство до тех пор не вводилось.

Заседания нашего совещания происходили на моей квартире у Вознесенского моста. Чтобы не навлечь подозрения, мы собирались через день в числе 20—25 человек.... Комитет на заседании постановил, чтобы к первому марта все приготовления были кончены, мина и разрывные снаряды готовы. Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным. Главной частью был взрыв из магазина сыров, о нем знали только члены Комитета. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре

металыцика—Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались почему-либо без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был бы броситься к государю и кончить дело.

С тех пор мы жили тревожной, лихорадочной жизнью: наступал третий месяц существования магазина сыров в доме Менгден...

...27-го февраля, вечером, к Тригони, занимавшему комнату на Невском у г-жи Миссюра, явилась полиция и арестовала, как его, так и Андрея Желябова, сидевшего у него. Известие об этом несчастье, как громом, поразившем нас, было принесено Сухановым утром 28-го февраля к нам на квартиру, у Вознесенского моста...

...Среди этих-то обстоятельств, 28-го февраля, мы, члены Исполнительного Комитета, спешно собрались на квартире у Вознесенского моста. Присутствовали не все, так как для оповещения не было времени. Кроме хозяев квартиры, меня и Исаева, были: Перовская, Анна Павловна Корба, Суханов, Грачевский, Фроленко, Лебедева, быть может, Тихомиров, Ланганс — наверно, не помню. Взволнованные, мы были одушевлены одним чувством, одним настроением. Поэтому, когда Перовская поставила основной вопрос, как поступить, если завтра, 1-го марта, император не поедет по Малой Садовой, не действовать ли тогда одними разрывными снарядами, все присутствующие единогласно ответили: действовать. Завтра, во что бы то ни стало действовать! Мина должна быть заложена. Бомбы должны быть к утру заряжены и наряду с миной или независимо от нее должны быть пущены в ход. Один Суханов заявил, что он не может сказать ни да, ни нет, так как снаряды еще никогда не были в действии.

Было около 3-х часов дня субботы.

Исаев был немедленно отряжен в магазин заложить мину; квартира Желябова и Перовской с помощью Суханова и военных была очищена, и Софья Львовна перешла к нам. Не успели оповестить не только всех членов, но даже сигналистов Садовой улицы, но роли последних, как и метальщиков, были заранее определены, и свиданье на воскресенье со всеми ими уже условлено.

С пяти часов вечера три человека должны были явиться на нашу квартиру и всю ночь работать над метательными снарядами. Это были: Суханов, Кибальчич и Грачевский...

... По распоряжению Комитета, 1-го марта я должна была оставаться до 2-х часов дня дома, для приема Кобозевых, так как Якимова должна была выйти из магазина за час до проезда государя, а Богданович—вслед за сигналом, что царь показался на Невском; сомкнуть же электрический ток должно было третье лицо, которое могло выйти из лавки, в качестве постороннего человека, в том случае, если бы ему не было суждено погибнуть под развалинами от взрыва, произведенного его рукой... Ни Богданович, ни Якимова к нам не явились; вернулся Исаев и с ним несколько человек с известием, что царь мимо лавки не проехал и из манежа проследовал домой. Упустив совершенно из виду, что они не следили за обратным маршрутом государя и не были оповещены о последнем решении Комитета—действовать во что бы то ни стало, хотя бы одними бомбами, я ушла из дома, думая, что покушение не состоялось, вследствие каких-либо непредвиденных причин.

На деле царь, действительно, не поехал по Садовой, но Перовская выказала тут все свое самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно, будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план, чтобы действовать уже одними бомбами. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который даст, махнув платком.

В начале третьего часа один за другим прогремели два удара, похожие на пушечные выстрелы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкого сокрушила императора; смертельно раненные—и царь, и метальщик через несколько часов были бездыханны.

Когда, после возвращения Исаева, я вышла из дома, все было спокойно; но через пол-часа после того, как я зашла к Г. И. Успенскому, к нему пришел Иванчин-Писарев с известием, что были какие-то взрывы, на улицах идет молва, что государь убит, а в церквах уже присягают наследнику.

Я бросилась к своим; на улицах всюду шел говор, и было заметно волнение; говорили о государе, о ранах, о крови и смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подо-

зревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие: тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников—все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России.

В этот торжественный момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины.

Через короткое время приехал Суханов, радостный и возбужденный, обнимавший и поздравлявший всех по поводу этого будущего. Редактированное нами через несколько дней письмо к Александру III достаточно характеризует общее настроение петроградских членов партии в период, последовавший за первым марта. Оно составлено с умеренностью и тактом, вызвавшими сочувствие во всем русском обществе. Опубликованное на западе, оно произвело сенсацию во всей европейской прессе; самые умеренные и ретроградные органы заявили одобрение требованиям русских нигилистов, находя их разумными, справедливыми и значительной частью своей вошедшими давным-давно в повседневный обиход западно-европейской жизни.

3-го марта Кибальчич принес в нашу квартиру весть, что открыта квартира Гельфман (на Тележной улице); что Гельфман арестована, а Саблин, с виду всегда беззаботный весельчак, вечно игравший в остроумие, застрелился. Он рассказал также о вооруженном сопротивлении человека, явившегося в дом после ареста Гельфман и оказавшегося рабочим Т. Михайловым... В три часа к нам зашел Богданович, чтобы проститься со мной перед от'ездом—он выезжал первым. С тех пор я не видалась с ним до октября и ноября того же года, которые я провела в Москве, где находился и он. Это было в последний раз, потому что, когда в марте 1882 года я приехала в Москву, он был уже арестован.

Вечером 3-го марта на квартиру зашла Якимова, чтобы перед от'ездом переменить костюм: она заперла лавку, чтобы уже не возвращаться. В тот же день Комитет удалил из Петербурга еще некоторых членов.

Прошло не более недели—и мы потеряли Перовскую, предательски схваченную на улице. Вслед за ней погиб Кибальчич,

как говорят, по доносу хозяйки, а у него был арестован Фроленко, попавший в засаду. Потом был взят Иванчин-Писарев. Белый террор открыл свои действия...

Б. ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. И. ЖЕЛЯБОВА и С. Л. ПЕРОВСКОЙ.

Н. И. Рысаков, первым бросивший бомбу в Александра II, был 19-ти летним юным студентом. В тюрьме им овладел страх смерти, и он выдал всех известных ему революционеров. Сверх того, он показал, что принадлежал к боевой рабочей дружине, организованной Желябовым.

Н. И. Кибальчич в своих показаниях указал на свою роль — техника, изготовители снарядов и отметил готовность партии к отказу от террора, если правительство примет во внимание требования письма Исполнительного Комитета к Александру III. Геся Гельфман и рабочий Тимофей Михайлов на большинство вопросов не отвечали.

Приводим выдержки из показаний Желябова и Перовской.

Протокол № 61. 2) 1881 года, марта 4-го дня, я, отдельного корпуса жандармов майор Бек, в присутствии товарища прокурора спб. судебной палаты Н. В. Муравьева и двух нижеподписавшихся понятых, производил осмотр приложенного к делу заявления содержащегося обвиняемого Андрея Желябова к г. прокурору спб. судебной палаты, при чем оказалось: заявление написано на листе почтовой бумаги малого формата, следующего содержания:

«Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющею несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу I-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению.

Андрей Желябов.

2 марта 1881 г. Д. пр. закл.

P. S. Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана рево-

люции. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы об‘яснить одну виселицу, а не две.

Андрей Желябов.

Принимая во внимание:

во-первых, что действия наши, отданные царским указом на рассмотрение особого присутствия сената, направлены исключительно против правительства и лишь ему одному в ущерб; что правительство, как сторона пострадавшая, должна быть признана заинтересованной в этом деле стороной и не может быть судьей в своем собственном деле; что особое присутствие, как состоящее из правительственных чиновников, обязано действовать в интересах своего правительства, руководясь при этом не указаниями совести, а правительственными распоряжениями, произвольно именуемыми законами,—дело наше неподсудно особому присутствию сената;

во-вторых, действия наши должны быть рассматриваемы, как одно из проявлений той открытой, всеми признанной борьбы, которую русская социально-революционная партия много лет ведет за права народа и права человека против русского правительства, насильственно завладевшего властью и насильно удерживающего ее в своих руках по сей день;

единственным судьею в деле этой борьбы между социально-революционной партией и правительством может быть лишь весь русский народ через непосредственное голосование, или, что ближе, в лице своих законных представителей в учредительном собрании, правильно избранном;

и в третьих, так как эта форма суда (учредительное собрание) в отношении нас лично неосуществима, так как суд присяжных в значительной степени представляет собой общественную совесть и не связан в действиях своих присягой на верную службу одной из заинтересованных сторон—

на основаниях вышеизложенных, я заявляю о неподсудности нашего дела особому присутствию правительствующего сената и требую суда присяжных в глубокой уверенности, что суд общественной совести не только вынесет нам оправдательный приговор, как Вере Засулич, но

и выразит нам признательность отечества за деятельность особенно полезную.

Андрей Желябов.

1881 год, 25 марта.
Петропавловская крепость.

Особое присутствие постановило: оставить заявление Желябова без последствий.

11 марта С. Л. Перовская дала подполковнику Никольскому и А. Ф. Добржинскому следующее обширное показание.

Зовут меня Софья Львовна Перовская; от роду имею 27; вероисповедания православного; происхождение и народность—из дворян, русская; звание—дочь действительного статского советника, не замужем; место рождения и место постоянного жительства—родилась в Петербурге, где и проживала почти безвыездно с конца ноября 1879 г. Занятие—революционная деятельность; средства к жизни—частью из фонда партии, частью работами по переводам и переписке... Экономическое положение родителей—отец, Лев Николаевич, служит в совете при министерстве внутренних дел; мать моя, Варвара Степановна, живет в Крыму; место воспитания и на чей счет воспитывался—воспитание получила домашнее, на счет родителей... Участие мое в покушении 1 марта на жизнь государя выразилось в следующем: окончательное решение действовать 1-го марта было принято 28 февраля вечером; в этом решении участвовала и я. Затем 1 марта утром я отнесла на Тележную улицу д. № 5 часть метательных снарядов, предназначенных для действия, именно два. На самом месте действия я выслеживала, куда направится государь из манежа, для этого я находилась на Большой Итальянской улице и на Михайловской площади. Увидя, что государь направился в Михайловский дворец, я пошла по Михайловской улице, где и подала знак, означавший, что личности со снарядами должны направиться на Екатерининский канал, как было заранее условлено; знак заключался в том, что я должна была вынуть носовой платок при встрече, не говоря ни слова. Подав знак, я направилась по Невскому через Казанский мост на противоположную сторону Екатерининского канала, где и была во время обоих взрывов и вскоре после них удалилась оттуда... О подкопе

по Малой Садовой улице мне было известно, что он подготовлялся для покушения на покойного государя, и если бы он проехал 1 марта по Садовой, то, по всей вероятности, действие состоялось бы. Я не желаю определять, с какого момента знала я о подкопе по М. Садовой и вообще по поводу этого подкопа отказываюсь давать какие-либо показания... По поводу знакомства моего с Кобозевыми и другими лицами я об'яснения давать не желаю. С Рысаковым я познакомилась эту зиму, при каких обстоятельствах—показывать не желаю...

Г. НА СУДЕ.

Из речи А. И. Желябова.

Г. г. судьи! Дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить цель и средства партии в настоящем их виде... Программа рабочих послужила основанием для г. прокурора утверждать, что мы не признаем государственного строя, что мы—безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текст этой программы рабочих, говорю, что мы—государственники, не анархисты. Анархисты это—старое обвинение. Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы... Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерального устройства государства, а, как средства для достижения такого строя—мы рекомендуем очень определенные учреждения... Непродолжительный период нахождения нашего в народе показал всю книжность, все доктринерство наших стремлений. С другой стороны—убедил, что в народном сознании есть много такого, за что следует держаться, на чем до поры до времени следует остановиться. Считая, что при тех препятствиях, какие ставило правительство, невозможно провести в народное сознание социалистические идеалы целостью, социалисты перешли к народникам. Мы решились действовать во имя сознанных народом интересов, уже не во имя чистой доктрины, а на почве интересов, присущих народной жизни, им сознаваемых. Это—отличительная черта народничества... Так дело шло до 1878 года. В 1878 году впервые, на-

сколько мне известно, явилась мысль о борьбе более радикальной, явились помыслы рассечь гордиев узел, так что событие 1 марта по замыслу нужно отнести прямо к зиме 1877—1778 годов... Моя личная задача, цель моей жизни было — служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т.-е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен, от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия.

Приговор.

Особое присутствие правительствующего сената определяет: подсудимых крестьянина Таврической губ., Феодосийского уезда, Петровской волости, деревни Николаевки — Андрея Иванова Желябова 30 лет, дворянку Софью Львову Перовскую—27 лет, сына священника Николая Иванова Кибальчича—27 лет, тихвинского мещанина Николая Иванова Рысакова—19 лет, мозырскую, Минской губернии мещанку—Гесю Мирову Гельфман—26 лет и крестьянина Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, деревни Гаврилкова — Тимофея Михайлова—21 года — на основании ст. Улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1459 — лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни чрез повешение [1]).

3. Убийство военного прокурора Стрельникова в Одессе (18 марта 1882 года).

Из воспоминаний В. Н. Фигнер.

В Москве я передала Комитету многочисленные жалобы на военного прокурора Стрельникова как со стороны заключенных Киева и Одессы, так и со стороны их родственников. Эти жалобы

1) 3 апреля 1881 года Желябов, Перовская, Тимофей Михайлов, Рысаков и Кибальчич были повешены. Казнь Геси Гельфман была отменена в виду ее беременности. Скоро после родов она умерла в тюрьме.

касались, главным образом, его обращения с теми и другими. Считая оговор лиц, уже привлеченных к следствию, лучшим средством в борьбе с крамолой, Стрельников практиковал массовые обыски и аресты. Он производил настоящие опустошения, захватывал людей, совсем непричастных к революционной деятельности и имевших самое пустое отношение к лицам, их оговаривавшим. Это делалось совершенно систематически по правилу, которое генерал формулировал так: «Лучше захватить 9 невинных, чем упустить одного виновного»... Напоминая Комитету предыдущую деятельность Стрельникова по целому ряду политических процессов, в которых он прилагал все усилия, чтобы смешать социалистов с грязью, выставить их перед обществом, как шайку уголовных преступников, умышленно прикрывающих политическим знаменем личные поползновения испорченной натуры, и указывая на ту ненависть к Стрельникову, которую нам завещали наши товарищи, начиная с Осинского и кончая Поповым,—я настоятельно предлагала поставить на очередь вопрос об убийстве Стрельникова... Комитет и отправил меня после совещания в Одессу с тем, чтобы, собрав все необходимые сведения, я дала знать о высылке исполнителей. Я вернулась в Одессу в начале декабря и через две недели сообщила на север, что все данные о Стрельникове находятся в моих руках. Комитет выслал двух человек, но приехал из них только один, Халтурин... Когда мы узнали, что товарищ Халтурина не может приехать, как было условлено, то выписали другого агента, так как было решено местных людей к делу не привлекать... Говорили, что рабочий Меркулов, осужденный по процессу 17-ти народовольцев (связанному с 1 марта 1881 года), но, как предатель, освобожденный в целях сыска, приехал в Одессу для выдачи своих товарищей-рабочих и ходит по улицам в надежде встретить и меня... Эти обстоятельства заставляли уехать, и я отправилась в Москву, чтобы там решить с товарищами, где мне быть дальше. Перед от‘ездом мы получили известия, что для дела со Стрельниковым к нам едет агент Комитета Желваков; но я с ним раз‘ехалась, и мне не пришлось с ним свидеться. После убийства Стрельникова он был казнен вместе с Халтуриным.

III. Организация и пропагандистская деятельность партии.

---

1. Организация партии и Исполнительный Комитет.

Из «показаний» М. Н. Оловенниковой.

М. Н. Оловенникова (она же—Баранникова и Ошанина) до образования партии „Народной Воли“ была сторонницей Ткачева и не принадлежала к «Земле и Воле». В Исполнительном Комитете она была одним из наиболее деятельных членов. После разгрома „Народной Воли“ она эмигрировала и жила в Париже под именем М. Н. Полонской. Здесь в 1893 году она дала свои ответы — «показания» на ряд вопросов кружка старых народовольцев о деятельности и организации партии.

...Начало «Исполнительного Комитета» было положено на липецком же с‘езде (не помню, тут ли было дано название); он никогда не был и с п о л н и т е л ь н ы м, а всегда был распорядительным...

...Местные группы большею частью образовывались самим Комитетом, который посылал в разные города для этого своих членов или агентов. Член Комитета, организуя местную группу, не говорил о своих отношениях к Комитету, а с т а р а л с я з а с т а в и т ь ч л е н о в группы принять постепенно программу Комитета и стать к нему в обязательные организационные отношения. Эти организационные отношения состояли, в общем, в том, что группа обязывалась ни заниматься террором, ни издавать своего органа без разрешения Комитета, обязывалась давать в его распоряжение часть своих денежных средств, свои связи и даже своих членов. В остальных местных делах группа была самостоятельна, хотя обязывалась давать Комитету отчет о своих делах через одного из своих членов, выбранных самой группой (разумеется, выбирался большею частью член группы, бывший в то же время тайным или иногда явным агентом Комитета). Недовольство со стороны местных групп бывало редко и происходило большею частью от нетактичности

члена или агента Комитета. Если какая-нибудь группа, организовавшаяся самостоятельно, желала стать в обязательные отношения к Комитету, то опять-таки посылался агент Комитета, который или принимался группой в члены или только устанавливал отношения и уезжал... Агенты Комитета назначались Комитетом и не имели никаких прав, а только обязанности. Все подразделения агентов на степени означали, в сущности, только степень доверия, которым пользовался агент у Комитета. Из агентов выбирались Комитетом члены Комитета...

Единственная перемена, которую можно было констатировать в течение всего периода деятельности во взглядах отдельных членов Комитета, заключалась в постепенном ослаблении народнического элемента и в усилении того, что называлось «политиканством». Это означало, собственно, то, что люди все меньше и меньше начинали верить в способность народа добиться чего-нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значение инициативе революционеров. Отсюда и изменение взгляда на захват власти. Под конец деятельности Комитета я не припомню ни одного человека, который относился бы к захвату власти отрицательно, и в № 9 «Народной Воли» должна быть статья, где на этот счет высказались совсем недвусмысленно. Влияние в этом направлении отдельных личностей было незначительно, влияла больше сама жизнь, успех, развивавший веру в свои силы, с одной стороны, и пассивное сочувствие общества — с другой. Надо помнить одно: что при своем образовании все члены Комитета (за исключением меня) были народниками, под конец все стали более или менее якобинцами, сохраняя, разумеется, веру в народ...

Особенно характерных заседаний Комитета припомнить не могу, да их, мне кажется, и не было. Интересно, впрочем, в общем сопоставить заседания Комитета в начале его деятельности и в конце. Как первые заседания были полны горячих дебатов по разным теоретическим вопросам, так последние отличались характером спокойного обсуждения различных практических предприятий. Не всегда, впрочем, спокойного: перед 1 марта заседания носили характер лихорадочный; чувствовалось страшное напряжение нервов, некоторая усталость и развинченность... На этих последних общих заседаниях до 1 марта (я приехала из Москвы как раз после ареста Михайлова, может быть, даже он был арестован, когда я уже была в Петербурге, только я не

успела с ним повидаться) все разговоры вертелись на этих ближайших планах. Говорили также о пополнении Комитета и развитии местных групп. Наш отчет с Теллаловым *) о Московской группе (единственной серьезной поддержке в случае провала стариков) возбудил даже преувеличенные надежды, но в общем, был выслушан вяло. Только Желябов после заседания хотел узнать все подробности и особенно характеристики лиц, могущих быть кандидатами в члены Комитета. Он чувствовал, что большинство выбудет из строя и, говоря со мною в этот раз, признавал, как и раньше, пагубную сторону террора, затягивающего, помимо их воли, людей. Я хорошо помню этот разговор, потому что он продолжался и на второй день. Что будет после покушения, удачного или неудачного? Ни на какие серьезные перемены в политическом строе Желябов не расчитывал. Максимум, чего он да и другие, ждали, это—что нам будет легче продолжать свою деятельность: укрепить организацию и раскинуть ее сети во всех сферах общества. Но и это—при условии, что уцелеет хоть часть людей, способных и привыкших вести дело общей организации. Желябов боялся, что и этого может не быть. Поэтому-то он и придавал такое значение Москве, думая, что там кроется та ячейка, из которой выработается новый Комитет в случае погибели старого. Что касается всех остальных, то мало кто заботился о будущем, все способности казались поглощены одним: удачным выполнением покушения. Впрочем, на одном из собраний, помню Суханова, развивавшего свои планы бомбардирования Петербурга Кронштадтским флотом; он, казалось, сильно верил в осуществление своих планов и на чье-то скептическое замечание отвечал: «дайте еще годик-другой—увидите». Почему-то меня поразила в тот раз фигура Исаева. Это был человек очень неглупый и на которого раньше возлагались большие надежды. Теперь оказалось, что он ни о чем не мог говорить, кроме динамита и бомбы. От его наклонности теоретизировать не осталось и следа, и он даже не жаловался, как Желябов, на невозможность «почитать книжку». Вообще, я уехала из Петербурга в очень тяжелом настроении. Фраза Желябова: «Помни, если твоя Москва не выручит, будет плохо»—показывала ясно, насколько положение шатко.

*) М. Н. и Теллалов были уполномоченными Комитета в Москве, создали там сильную группу и ее разветления среди учащейся молодежи и рабочих.

2. Деятельность народовольцев среди рабочих.

А. ПРОГРАММА РАБОЧИХ — ЧЛЕНОВ ПАРТИИ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

...Мы признаем, что в настоящее время мы можем добиваться следующих перемен в государственном строе и народной жизни:

1) Царская власть в России заменяется народоправлением, т.-е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, требует отчета в их деятельности.

2) Русское государство, по характеру и условиям жизни населения, делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела области ведаются Областным Управлением; дела же общегосударственные—Союзным правительством.

3) Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в обще-русском союзе.

4) Общины (села, деревни, пригороды, заводские артели и проч.) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение через своих выборных должностных лиц—старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и пр.

5) Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью.

Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не вправе получить больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земель.

6) Заводы и фабрики считаются народною собственностью и отдаются в пользование заводских и фабричных общин,—доходы принадлежат этим общинам.

7) Народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и пр.

8) Право избирать представителей (делегатов) как в Союзное Правительство, так и в Областное Управление принадлежит всякому совершеннолетнему; точно также всякий совершеннолетний может быть избран в Союзное Правительство и Областное Управление.

9) Все русские люди вправе держаться и переходить в какое угодно вероучение (религиозная свобода); вправе распространять устно или печатно какие угодно мысли или учения (свобода слова и печати); вправе собираться для обсуждения своих дел (свобода собраний); вправе составлять общества (общины, артели, союзы, ассоциации) для преследования каких угодно целей; вправе предлагать народу свои советы при избрании представителей и при всяком общественном деле (свобода избирательной агитации).

10) Образование народа во всех низших и высших школах даровое и доступное всем.

11) Теперешняя армия и вообще все войска заменяются местным народным ополчением. Все обязанные военной службой обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности.

12) Учреждается Государственный Русский Банк с отделениями в разных местах России для поддержки устройства фабричных, заводских, земледельческих и вообще всяких промышленных и учебных общин, артелей, союзов...

Для успеха дела крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собою. С этой целью восставший народ немедленно по очищении города от врага должен избрать свое Временное Правительство из рабочих или лиц, известных своею преданностью народному делу. Временное Правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, об'единяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за Временным Правительством и заставляют его действовать в пользу народа. Когда восстание одержит победу во всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, а в селах, городах и областях установится выборное народное управление, когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения,—тогда немедленно народ посылает своих представителей в (Союзное Правительство) Учредительное Собрание, которое, упразднив Временное Правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок обще-союзный.

Б. ИЗ ПОКАЗАНИЙ РЫСАКОВА О ПРОПАГАНДЕ СРЕДИ РАБОЧИХ В СПБ.

(По докладу прокурора Судебн. Палаты В. К. Плеве.)

...Рысаков, продолжая свои разоблачения, показал относительно агитации в рабочих кружках нижеследующее. Агитационная рабочая группа, состоявшая из лиц интеллигентных, разделила между собой заводское и фабричное население Петербурга по районам, причем Петербургская сторона составляла один район, Васильевский Остров—другой, Выборгская сторона—третий и т. д. Агент агитационной группы, получивший в свое ведение известный район, действовал в нем вполне самостоятельно, занимаясь, по преимуществу, ознакомлением рабочих с разными сведениями по истории, политической экономии и другим предметам в квартире, которая нанималась с революционными целями на имя какого-либо женатого рабочего и в которой, в качестве квартиранта, устраивался сам агент. Для развития рабочих, кроме того, читались газеты, иногда—революционные, а иногда — «Молва» и «Страна». К этому Рысаков присовокупил, что он лично, живя в квартире рабочего Ивана Гаврилова, агитировал на Васильевском Острове; личность, погибшая на месте злодейского преступления 1 марта, действовала на Выборгской стороне, а Софья Перовская—на Петербургской стороне, куда ходил и Желябов в качестве лектора по истории. Кроме Ивана Гаврилова, в показании Рысакова упоминается еще несколько имен рабочих, содействовавших главным агитаторам по вербовке новых лиц.

В. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. ВОЛКОВА (псевдоним) О ПРОПАГАНДЕ ГРУППЫ ТЕЛЛАЛОВА И ХАЛТУРИНА В МОСКВЕ.

...Теллалов нашел нужным прежде всего развить общий взгляд на те задачи, которые должны преследовать народовольцы в рабочей среде и установить, по возможности, ясно и определенно, внутренний порядок группы и ее отношения к другим органам партии. Естественно, что Исполнительному Комитету, по общему духу народовольческой организации, предоставлялась широкая власть. Он мог назначать в состав группы разных лиц по своему усмотрению, мог переводить членов группы в другие местности или пору-

чать им другие функции, сохранял за собою постоянное право контроля и указаний, которые для группы были обязательны, вообще, по отношению к нему группа была вполне подчиненным органом. Пополнялась группа, помимо назначения от Исполнительного Комитета, путем кооптации, причем для приема нового члена требовалось единодушное согласие всех наличных членов. Был установлен своего рода ценз: возраст не менее 20-ти лет, не менее 2-х лет принадлежности к революционным кружкам и известный уровень знакомства с теорией социализма и литературой рабочего вопроса, соответствовавший среднему уровню наличных членов группы... Так как группа составилась из интеллигентов, то труднее всего было проникнуть в рабочую среду и завязать с ней первые знакомства. Выполнить эту задачу пропагандистам удалось, благодаря содействию нескольких рабочих, бывших ранее членами революционных кружков в Петербурге и в провинции, а теперь, частью по случайностям их личной судьбы, а частью—по приглашению знакомых из членов московской группы, находившихся в Москве и примкнувших к «Народной Воле»... Завязав первые знакомства, пропагандисты затем уже сравнительно легко расширяли свои связи, так как каждый вновь приобретенный рабочий, в свою очередь, по ревности неофита, спешил приобрести последователей, и к осени пропаганда велась в Москве приблизительно на 30-ти «пунктах». Под «пунктом» подразумевался тогда определенный уголок деятельности—либо мастерская или фабрика, на которой имелись связи, либо просто несколько рабочих разных профессий, лично знакомых друг с другом и потому представлявших как бы один кружок, хотя бы и неорганизованный; совершенно новое знакомство в такой сфере, в которую ранее не было доступа, составляло также новый «пункт», а потому определить общее количество рабочих, состоявших в непосредственной связи с группой, было бы очень трудно. На ином пункте имелся всего один человек, на другом—было человек 6—8, а в общем, на всех этих тридцати пунктах насчитывалось человек 100—120... Читались книги: Михайлова «Пролетариат во Франции», Шелгунова—«Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», статьи из «Отечественных Записок» о движении чартистов, переводные книги: Бехера—«Рабочий Вопрос», Торнтона «Труд», нелегальное издание Лассаля—«Труд и Капитал»; кроме того, отдельные произведения Костомарова, Карповича, Беляева, Семевского, Мордовцева по истории России и особенно крестьян-

ства и его борьбы за волю. Считалось необходимым знакомить рабочих с историей Великой Революции и с Парижской Коммуной, а также с теорией ценности Маркса, которая излагалась, обыкновенно, изустно или по одному из многочисленных в то время рукописных конспектов, составлявшихся чуть ли не во всех городах, где только велась пропаганда, и затем ходивших по рукам... В июле месяце Теллалов предупредил пропагандистов, что он вскоре уедет в Петербург, и ввел вместо себя руководителем группы Халтурина... Халтурин, в противоположность Теллалову, при всей своей преданности рабочему делу, под влиянием быстро развивавшейся правительственной реакции стоял в то время на чисто-террористической точке зрения... При таком настроении он заранее решил оставаться в Москве не дольше декабря, а затем уехать и поставить на очередь какое-нибудь террористическое предприятие. После его от'езда деятельность группы шла скачками, так как одних членов арестовывали в самой Москве, других Исполнительный Комитет переводил в Петербург, на пополнение тамошней убыли, и, наконец, в апреле 82-го года с арестом Чекоидзе, Панкратьева и других, народовольческая организация, возникшая в Москве при Исполнительном Комитете 1-го состава, была окончательно разбита...

3. Деятельность народовольцев в армии.

А. ПРОГРАММА ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

(Составлена Н. Е. Сухановым).

...Соглашаясь вполне с социально-революционной партией, что настоящее экономическое и политическое положение народа—самое несправедливое и унизительное для человеческого достоинства; что при существующем государственном строе немыслимы какие бы то ни было основательные реформы в народном быте; что самые невинные попытки в этом направлении оканчиваются полными неудачами и влекут за собой преследования; что, следовательно, подобное положение, если предоставить дело естественному ходу вещей, может продлиться еще очень долго, причем выход из него будет труднее,—разделяя, кроме того, убеждения Партии Народной Воли, что подобный порядок вещей держится в России исключительно грубой силой (армия, чиновничество и полиция), и,

находя с своей стороны, что армия—главнейший оплот правительства, мы, члены ее, будучи глубоко убеждены, что роль, какую мы играем в русском государственном строе и можем играть, по требованию правительства, в будущем, недостойна честного человека, — считаем своей обязанностью немедленно присоединиться к борцам за народную свободу...

1. ...Военная организация возникает с целью, во-первых, об‘единения и урегулирования деятельности революционных сил в армии; во-вторых,—привлечения наибольшего числа активных деятелей и союзников и, в третьих,—установления правильного общения с социально-революционной партией всей России для взаимной помощи и поддержки.

2. Та тяжелая, господствующая в нашей армии, дисциплина, которая уничтожает в солдате, во время официального и даже частного разговора его с офицером, самый человеческий образ,— лишает офицеров возможности деятельной пропаганды между нижними чинами, и потому в нашу организацию могут входить только офицеры, нижние же чины, за исключением подпрапорщиков, не могут быть допускаемы в нашу организацию.

Примечание. Пропаганду между солдатами, мы полагаем, могут с успехом вести члены союза рабочих, которым в этом деле мы можем лишь оказывать поддержку указаниями относительно данного положения солдат и способствовать конспирации. С своей же стороны мы ограничиваемся приобретением популярности и уважения среди солдат, что легко достигается гуманным обращением с ними...

...Организация составляется из кружков в отдельных воинских частях, высшую же инстанцию местной организации представляет Местная Центральная Группа; наконец, для об‘единения деятельности по всей русской армии возникает Военный Революционный Центр...

Военный Революционный Центр должен состоять в непосредственном сношении с Исполнительным Комитетом Партии Народной Воли и иметь в нем своих представителей.

Б. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. Ю. АШЕНБРЕННЕРА.

Член военной организации партии Народной Воли, подполковник М. Ю. Ашенбреннер, был арестован в марте 1883 года и после суда заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и пробыл до 1904 года.

В Одессе я сблизился с одним чистым народником, а в Николаеве — с бывшим нечаевцем, Г. И. Голиковым. Через них я познакомился с М. Ф. Фроленко, Виктором Костюриным, а потом — с А. И. Желябовым...

Все эти лица, за исключением первого, девственно-чистого народника, получили аттестат политической зрелости по русской програме, т. е. побывали в тюрьмах, под надзором, в бегах, под судом.

Народник задумал открыть в деревне кузницу и звал меня с собою, но его приглашение меня не соблазнило. Тогда в кружках возникала мысль о необходимости политической борьбы. Желябов советовал мне остаться в полку: «В вашем чине в полку вы принесете больше пользы делу».

Из разговоров с ним мне выяснилось, что он ожидает от военных двоякого содействия: во-первых, пополнения рядов партии, для чего военные должны уходить в отставку или переходить на нелегальное положение; во-вторых, создания военной организации с целью мятежа.

При обсуждении вопроса о содействии освободительному движению офицеры-социалисты пришли к неизбежному выводу, что содействие военных должно носить политический характер, т. е. может быть только малой или большой войной с существующим политическим строем, который, конечно, пребывает в неразрывной связи с экономическими порядками. Следовательно, первая задача военных состоит в пропаганде между офицерами и в привлечении к делу солдат.

Привлечение не только отдельных лиц, но и целых рот, эскадронов и батарей казалось делом неизмеримой важности, но и громадной трудности. Непреклонная дисциплина обезличивала человека, превращая его в винтик или пружину механизма, покорно и без рассуждения исполнявшего волю начальника по условному знаку, по короткой команде, по сигналу, по взгляду, по указанию перста...

...Офицерские кружки, как мы говорили выше, складывались почти непроизвольно и складывались повсеместно.

Учредителями первого и самого совершенного кружка в Кронштадте были моряки и артиллеристы, при содействии Желябова и Колоткевича.

Этот кружок офицеров-социалистов принял программу Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», оставаясь автоном-

ным по военным делам, и стал центральной группой военной партии «Народной Воли».

В состав его входили лейтенанты: Суханов, Штромберг, Серебряков, Буцевич, Завалишин, артиллеристы: Рогачев, Папин, Николаев, потом Дегаев, Похитонов.

В декабре 1882 года были вызваны я и казак Сенягин.

Центральный кружок разослал агентов ближайшим квартирным стоянкам туда, где были хорошо знакомые офицеры и благоприятные условия для учреждения новых кружков...

...На юге кружки возникли самостоятельно и не были связаны с центральной группой до конца 1881 года. В Николаеве армейский (Ашенбреннер, Мицкевич, Талапиндов, Успенский, Маймескулов, Зайончковский 2-й, Кирьяков, сапер Чижов и казак Попов) и огромный морской, человек в 30, если не больше (моряки—Янушевский, Кудрицкий, Ювечев, Бубнов, Гловацкий, доктор, фамилию которого и остальных не помню). В Одессе армейский (Крайский, Стратанович, Телье, Каминский, Мурашевич), и рядом с ними Крайский группировал несколько молодых офицеров, которые в середине 1883 года вошли в состав кружка Крайского.

Эти кружки в 1881 г. стали кружками политическими.

В декабре 1881 года в Николаеве и Одессе побывал Буцевич и присоединил тамошние кружки к партии «Народной Воли».

Армейцы приняли программу Исполнительного Комитета и Центрального Военного Кружка... В южных кружках работали дружно, что об'ясняется единством состава и одновременностью их возникновения, но число членов в армейских кружках не возрастало, словно первоначальный набор собрал все, что можно было взять.

Не так было у моряков; их кружок разрастался до чудовищных и опасных, в конспиративном отношении, размеров.

Текущие вопросы разрешались единодушно, и Одесса с Николаевым оставались в связи; офицеры и зимой и летом обменивались визитами. В Николаеве происходили общие собрания армейского и морского кружков, притянутые к центру Буцевичем в декабре 1881 г., южные кружки сейчас же от него оторвались. Весною 1882 года побывала у нас В. Н. Фигнер, а затем мы узнали об аресте Буцевича. Конспиративная переписка с центром не была налажена, и оттуда никто больше у нас не бывал...

4. Деятельность среди учащейся молодежи.

А. БЕСПОРЯДКИ В СПБ. УНИВЕРСИТЕТЕ (8 февр. 1881 г.)

(Из № 5 «Народной Воли».)

В 1880 году был уволен в отставку реакционный министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой. Новый министр народного просвещения А. А. Сабуров внушал части студенчества кое-какие надежды. В декабре 1880 г. в спб. и московском университетах были довольно обычные в тогдашнее время студенческие «беспорядки». А традиционный университетский акт 8 февраля 1881 г. ознаменовался демонстрацией, устроенной студентами-народовольцами.

Последние события в университете.

Как известно, университетский акт 8 февраля ознаменовался «беспорядками», которые продолжались и в последующие дни. Наша пресса в значительной степени извратила характер и смысл этих происшествий. Постараемся восстановить их в истинном свете, на основании нескольких студенческих корреспонденций.

Министерство Сабурова со своими обещаниями разных льгот и вольностей, откладываемых, однако, на неопределенное время, вызывало против себя даже большее неудовольствие студентов, чем министерство гр. Толстого. Система Сабурова, постоянно рекомендующая «погодить», «выждать», «быть благоразумными» и пр., начала деморализовать студентов, выдвигая в их среде на видное место разных молодых стариков, карьеристов, вообще—тот тип, который уже окрещен в студенческой среде кличкой «бонапартистов». Эти господа, прежде совершенно не осмеливавшиеся подымать свой голос, теперь, пользуясь «гожением», и «благоразумием», возведенными в благовидный принцип,—зашевелились и стали открыто противодействовать всякому движению студенчества.

Масса студенчества, разумеется, не имеет и не имела ничего общего с «бонапартистами», но, с другой стороны, они, как всякая масса, не отличаются и безусловным радикализмом. Обе крайние партии составляют, как везде меньшинство.

Имея в виду сплочение, под непосредственным попечением начальства, самых безнравственных элементов студенчества, радикальное меньшинство начало сплачиваться и с своей стороны. В его среде образовался «Центральный Университетский Кружок», который, в виду невозможности фигурировать в качестве легаль-

ной организации, решился держать свой личный состав в секрете. Приближающийся акт 8 февр., на котором можно было безошибочно предположить со стороны «бонапартистов» разные овации начальству, — заставил Центр. Унив. Кружок принять меры со своей стороны для того, чтобы овации не состоялись и чтобы, напротив, министерству было высказано недоверие студентов и их неудовлетворение одними посулами. Форма протеста не была строго предрешена и должна была сообразоваться с обстоятельствами. Человек 300 или 400 из'явили желание поддержать протест; можно было бы, конечно, набрать и более значительное количество пособников, если бы не необходимость конспирации в подготовке дела. Тайна была соблюдена, действительно, очень строго, так что инспекция не подозревала ничего о готовящемся протесте, хотя Департ. Гос. Полиции имел о нем, повидимому, некоторые сведения и даже делал в этом смысле запрос ректору.

Акт 8 февраля, по обыкновению, собрал в университет значительную публику. Тысячи 4 человек присутствовали в зале. По прочтении пр. Градовским университет. отчета раздались рукоплескания. Но в это время с левой стороны хор послышался голос. Приводим эту речь целиком:

«Господа! Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оставлены без внимания. Нас выслушивали для того, чтобы посмеяться над нами. Вместе с насилием нас хотят подавить хитростью. Но мы понимаем лживую политику правительства: ему не удастся остановить движение русской мысли обманом. Мы не позволим издеваться над собой: лживый и подлый Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя!».

Поднявшийся шум мешал расслышать слова говорившего. Крики: «тише», «слушай», «молчать», наполнявшие залу, приводили публику в смущение. Неизвестно было, к кому они относились — к говорившему ли студенту, или к тем лицам, которые мешали ему говорить. В это же время из толпы товарищей выделяется студент 1-го курса Подбельский, подходит к Сабурову и дает ему затрещину. Несмотря на то, что внимание публики было отвлечено шумом на хорах, слух о пощечине разносится по зале. Подымается ужасный шум, раздаются крики: «вон наглого лицемера», «вон мерзавца Сабурова», «вон негодяев». Несколько человек юристов кидаются на хоры с целью схватить оратора. Происходит кое-где свалка... Ни Бернштейн, ни Подбельский, однако, не были арестованы. Спокойствие в зале мало-по-малу восстановилось, и акт продолжался.

На другой день собрался совет Университета и повесил головы; поставлен был вопрос: «Как быть после вчерашнего скандала?»—Судили, рядили и порешили, наконец, назначить Университетский суд. «Над кем?»—был второй вопрос.—На это должен ответить инспектор, расследовав предварительно дело. Тот долго не задумывался, он указал на лиц, намозоливших ему глаза в период царствования его в университете. И вот к суду привлекаются девять студентов и два вольнослушателя. 10 февраля в суд явились обвиняемые, за исключением Подбельского и Бернштейна. Роль прокурора выполнял тот же инспектор; один из помощников его был и судебным приставом и свидетелем, другие помощники были свидетелями; некоторые студенты являлись добровольно давать показания и уличать подсудимых. Пункты обвинения известны из легальных газет.

Из добровольных свидетелей-студентов естественник Кутенов и юрист Латкин обнаружили качества, вполне достойные волонтеров III отделения: первый расписывал приметы и способы нахождения (фамилии не знал) одного протестанта, не привлеченного к суду, второй уличал троих подсудимых в «беспорядках» 8 февраля.

Суд всячески старался замять дело, т.-е. взвалить вину на посторонних университету лиц и ограничить число протестовавших 10—15 человек, но тут были принесены листы, на которых подписалось до 500 человек, сочувствующих идее протеста, но считающих форму протеста бестактной, в том числе 82 человека, сочувствующих и форме протеста. Суд и совет растерялись. Обнаружить дело в таких грандиозных размерах—неудобно; профессора порешили запрятать эти листы в портфель,—благо ни одна газета не печатает заявлений и подписей тех студентов.

Б. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. В. ТЫРКОВА.

...Мое знакомство с народовольцами началось в конце 1879 года. Связи с обществом в Петербурге, насколько мне известно, были ограничены. Ближе всего они стояли к учащейся молодежи. В этой среде мне, как студенту, и можно было только с ними познакомиться. Большая часть революционной молодежи была захвачена тогда народовольческим течением. Черный Передел представлял собою скорее партию теоретиков, которая не могла дать сейчас же никакого дела. Пропаганда социализма среди крестьян на почве их туманных представлений, почти мечтаний об общем переделе и

праве на землю не могла дать никакого практического результата, особенно—взвесив отношение между несколькими десятками, даже сотнями деятелей и теми миллионами, к которым предстояло обратиться с речью и вдобавок — при отсутствии свободы слова. Лучше могла бы быть поставлена пропаганда среди рабочих. Но главное - то — политика, борьба с правительством, отодвигалась чернопередельцами куда-то на очень отдаленный план. Между тем, правительство всем своим режимом не только закрывало перед нами перспективы честной, открытой, общественной деятельности, но своими жестокостями, казнями, учреждением генерал-губернаторств слишком задевало, раздражало и вызывало желание дать ему немедленный отпор. И те, у кого душа болела, невольно шли к народовольцам. На эти элементы их пример действовал очень решительно. Я не говорю о влиянии того или другого лица. Я не мог бы, напр., сказать, кто именно на меня влиял. Влияли дух партии и вся атмосфера жизни...

Однажды, в начале ноября 80-го года, ко мне зашел Л. Тихомиров и предложил принять участие в наблюдениях за выездами царя. Наблюдениями должны были заняться несколько человек. Тихомиров предполагал пригласить, кроме меня, Елизавету Николаевну Оловенникову и, кажется, Тычинина. Партия, по его словам, одобрила этот выбор, и дело было за нашим согласием. Мы все трое согласились. Очень скоро было назначено заседание наблюдательного отряда, т. е. кружка лиц, которые должны были наблюдать за выездами царя. На этом заседании присутствовали Тихомиров, Перовская, Гриневицкий, Рысаков, Оловенникова, Тычинин и еще студент петербургского университета С., оставшийся неоткрытым. Рысаков был для некоторых из нас человеком новым. Его познакомили с нами под кличкой «Николай»...

В ночь с 13 на 14 марта арестовали Оловенникову, Тычинина и меня, каждого на своей квартире. Аресты производились по указанию Рысакова, но мы об этом не подозревали...

Всех нас должны были судить на т. наз. процессе 20, но меня и Оловенникову исключили из числа подсудимых по болезни. Потом меня могли бы судить и одного или же присоединить к другой группе, но почему-то со мной поступили иначе: меня сослали в Сибирь административным порядком, а потом по коронационному манифесту, изданному при вступлении на престол Николая II, заменили бессрочную ссылку двадцатилетней.

IV. Настроение правящих сфер и разгром «Народной Воли».

---

1. Речь Александра II представителям сословий в Москве.

Речь была сказана 20 ноября 1879 года после неудачной попытки взорвать царский поезд на Московско-Курской жел. дороге.

Я надеюсь на ваше содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонамеренные стараются ее завлечь. Да поможет нам в этом бог и да дарует он нам утешение видеть дорогое наше отечество развивающимся мирным и законным путем. Только этим путем может быть обеспечено будущее могущество России, столь же дорогое вам, как мне.

2. Доклады и проект графа Лорис-Меликова.

После покушения Халтурина на взрыв столовой Зимнего Дворца была учреждена Верховная Распорядительная Комиссия, начальник которой, граф М. Т. Лорис-Меликов, получил диктаторские полномочия для борьбы с крамолой. Спустя несколько месяцев комиссия была уничтожена, а Лорис-Меликов назначен министром внутренних дел. Стремясь централизовать в своих руках борьбу с революционным движением, он присоединил к своему ведомству корпус жандармов, взяв на себя звание его шефа, и уничтожил 3 Отделение собственной его величества канцелярии, передав его функции по политическому розыску вновь учрежденному департаменту полиции министерства внутренних дел. Но, не ослабляя таким образом борьбы с революцией, Лорис-Меликов пытался ослабить реакцию и вернуть политику Александра II на путь реформ, провозгласив открыто, что правительство должно опираться на

поддержку общества. Став на этот путь, он разработал проект, получивший преувеличенное наименование «конституции графа Лорис-Меликова». Проект был одобрен Александром II, и Лорис-Меликов уже написал правительственное сообщение о предстоящем осуществлении намеченных мероприятий. Утром 1 марта, за несколько часов до смерти, Александр II приказал председателю Комитета министров графу Валуеву созвать на 4-е марта Совет министров для утверждения этого сообщения.

А. ИЗ ДОКЛАДА 11 АПРЕЛЯ 1880 ГОДА.

(Критика администрации).

...Время особого усиления социалистических учений в западной Европе совпало с тем временем, когда общественная жизнь в России находилась в периоде великих преобразований, ознаменовавших славное царствование вашего величества. Учения эти находили здесь, как и везде, единичных последователей, но число таковых не могло быть велико, и влияние их не было заметно на первых порах... Никогда и, может быть, нигде сила правительственной власти не выражалась блистательнее и торжественнее, как в то время, и никогда составные части русскаго общества не были одушевлены более сознательною приверженностью к лицу своего монарха. Прочность такого настроения зависела от хода самих преобразований, от правильной их постановки, от урегулирования и непрерывного пополнения их... К сожалению, не таков был общий ход дела. Новые порядки создали во многих отраслях управления новое положение для представителей власти, требовавшее других знаний, других приемов деятельности, иных способностей, чем прежде. Истина эта не была достаточно усвоена, и далеко не все органы власти заняли подлежащее им место...

...Крестьянское дело, после кипучей деятельности первых дней, вошло в общую колею, и неподвижность в улучшении слабых его сторон породила такую обособленность несовершенного крестьянского управления, которая могла казаться полезною лишь в первые дни великой реформы.

Новые суды, созданные при недостаточных полицейских порядках, стали в изолированное от общего строя положение, несмягчаемое нисколько влиянием прокуратуры, далеко не усвоившей себе надлежащего значения. Личный состав судебных учреждений, не осторожно-критическим, а часто неприязненным отношением

к окружающим его порядкам, и, в особенности, публичное обнаружение на суде прискорбной неправильности действий многих административных лиц, усилили подобное же отношение к этим порядкам в других общественных слоях. Адвокатура заняла место, непонятное для простого ума, и затронула многие молчавшие до того струны.

Духовенство продолжало, за редкими исключительными явлениями, коснеть в невежестве и мало-по-малу лишалось и того влияния, какое имело прежде. Оно отовсюду систематически устранялось, приходы закрывались, духовные семинарии оставались прежними бурсами.

Значение дворянства, как сословия, мало поддерживаемое, постепенно стушевывалось.

Земство, привлекшее сначала лучшие силы местного населения, не могло остаться долго на той же высоте при отсутствии средств к более широкому исполнению местных задач и при недостатке оживляющей правительственной поддержки.

Городское самоуправление редко где встретило на первых же шагах сочувственное отношение администрации к своим нуждам и правам.

Кроме того, общие потребности населения возрастали, а, между тем, ценность бумажного рубля упала, ценность продуктов увеличилась, появились новые налоги.

Все возбужденные подобными явлениями неудовольствия и более или менее основательные разочарования при остановке в движении насущных вопросов, указанных уже вашим величеством к разрешению, усиливали с каждым годом число недовольных и уменьшали устойчивость почвы под началами государственного порядка. Параллельно с этим увеличивалась рознь в действиях правительственных учреждений, призванных к охранению порядка, а влияние социальных лже-учений росло...

Б. ИЗ ДОКЛАДА 28 ЯНВАРЯ 1881 ГОДА.

(Проект комиссии сведущих лиц).

...Нельзя, по моему убеждению, не остановиться на мысли, что призвание общества к участию в разработке необходимых для настоящего времени мероприятий есть именно то средство, какое и полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолою. Су-

щественно-важным и подлежащим зрелому обсуждению представляется при этом лишь способ осуществления этой мысли.

Обращаясь к изысканию этого способа, обязываюсь, прежде всего, вновь выразить перед вашим императорским величеством, что, по глубокому моему убеждению, для России немыслима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных западом; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия коей трудно и предвидеть. Равным образом, мне представляется далеко несвоевременным и высказываемое некоторыми приверженцами старинных форм Российского Государства предложение о пользе образования у нас земской думы или земского собора. Наше время настолько удалилось от периода указываемой старинной формы представительства, по изменившимся понятиям и взаимным отношениям составных частей Русского Государства и современному географическому его очертанию, что простое воссоздание древнего представительства являлось бы трудно осуществимым и, во всяком случае, опасным опытом возвращения к прошедшему.

При таком воззрении на высказываемые в среде некоторой части общества мнения о необходимости прибегнуть к представительным формам, для поддержания порядка в России, и признавая, что мнения эти составляют лишь выражение созревшей потребности служить общественному делу, мне представляется наиболее практическим способом дать законный исход этой потребности в порядке, испытанном уже по мудрым указаниям вашего величества, при разработке крестьянской реформы. Порядок этот следует, конечно, применить к потребностям и задачам настоящей минуты.

Исходя из этого основного начала и принимая во внимание, что на местах имеются ныне уже постоянные учреждения, способные представить сведения и заключения по вопросам, подлежащим обсуждению высшего правительства, мне казалось бы, что следует остановиться на учреждении в С.-Петербурге временных подготовительных комиссий наподобие организованных в 1858 году редакционных комиссий с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению с участием представителей от земства и некоторых значительнейших городов.

Состав таких подготовительных комиссий мог бы быть определяем каждый раз высочайшим указанием из представителей

центральных правительственных ведомств и приглашенных с высочайшего соизволения сведущих и благонадежных служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по той или другой отрасли государственного управления или народной жизни.

Председательство в комиссиях должно бы принадлежать особо назначенным по высочайшему доверию лицам из числа высших государственных деятелей. В состав комиссии войдут и ревизующие сенаторы, по окончании ими ревизий.

Число комиссий должно бы быть ограничено на первое время двумя по главным отраслям, к которым могут быть отнесены предметы их занятий: административно-хозяйственные и финансовые. Каждая комиссия могла бы подразделяться на отделы или подкомиссии.

Круг занятий административно-хозяйственной комиссии могли бы составить нижеследующие предметы ведомства министерства внутренних дел одновременно или в последовательном порядке:

а) преобразование местного губернского управления в видах точного определения об'ема прав и обязанностей оного и приведения административных учреждений в надлежащее соответствие с учреждениями судебными и общественными и потребностями управления;

б) дополнение по указаниям опыта положений 19 февраля 1861 года и последующих по крестьянскому делу указаний соответственно выяснившимся потребностям крестьянского населения;

в) изыскание способов: 1) к скорейшему прекращению существующих доныне обязательных отношений бывших крепостных крестьян к своим помещикам и 2) к облегчению выкупных крестьянских платежей в тех местностях, где опыт указал на крайнюю их обременительность;

г) пересмотр положений земского и городового в видах пополнения и исправления их по указаниям прошедшего времени;

д) организация продовольственных запасов и вообще системы народного продовольствия и

е) меры по охранению скотоводства.

Предметы занятий финансовой комиссии (вопросы: податной, паспортный и другие) подлежали бы определению вашим императорским величеством по всеподданнейшему докладу министра финансов, основанному на предварительном соглашении с министром

внутренних дел, тем более, что многие из предметов ведомства обоих названных министерств находятся в тесной между собою связи.

На обязанности комиссий лежало бы составление законопроектов в тех пределах, кои будут им указаны высочайшею волею.

За сим составленные подготовительными комиссиями законопроекты подлежали бы, по указанию верховной власти, предварительному внесению в общую комиссию, имеющую образоваться под председательством особо-назначенного высочайшею волею лица из председателей и членов подготовительных комиссий с призывом выборных от губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, а также от некоторых значительнейших городов по 2 от каждой губернии и города, причем, в видах привлечения действительно полезных и сведущих лиц, губернским земским собраниям и городским думам должно быть предоставлено право избирать таковых не только из среды гласных, но и из других лиц, принадлежащих к населению губернии или города.

Из губерний, где земские учреждения еще не открыты, могли бы быть призваны лица по указанию местной власти.

Для занятий общей комиссии могло бы быть назначено крайним сроком не более 2-х месяцев.

Рассмотренные и одобренные или исправленные общею комиссиею законопроекты подлежали бы внесению в государственный совет, с заключением по оным министра, к ведомству коего относится предмет нового законопроекта, причем для облегчения государственного совета в предстоящих ему работах, быть может, вашему величеству благоугодно будет повелеть призвать и в состав его, с правом голоса, несколько, от 10 до 15, представителей от общественных учреждений, обнаруживших особенные познания, опытность и выдающиеся способности.

Работа не только подготовительных, но и общей комиссии должна бы иметь значение исключительно совещательное, ни в чем не изменяющее существующего ныне порядка возбуждения законодательных вопросов и рассмотрения их в государственном совете.

Установление изложенного выше и испытанного уже с успехом порядка предварительной разработки важнейших вопросов, соприкасающихся к интересам народной жизни, не имеет ничего общего с западными конституционными формами. За верховною властью сохраняется всецело и исключительно право возбуждения законо-

дательных вопросов в то время и в тех пределах, какие верховная власть признает за благо указать.

Приглашению членов, избираемых общественными учреждениями, будет предшествовать составление нового законопроекта подготовительными комиссиями из чинов правительственных, при участии лишь некоторых особо известных правительству посторонних лиц. Весь личный состав подготовительных комиссий войдет в состав общей комиссии и будет раз'яснять и поддерживать выработанные проекты. Эта обязанность будет лежать на председателях комиссий, в качестве помощников председателя общей комиссии.

Самый состав общей комиссии будет каждый раз предуказываем высочайшею волею, причем комиссия будет получать право заниматься лишь предметами, предоставленными ее рассмотрению.

4. Заседание совета министров 8 марта 1881 года.

На этом заседании, происходившем под председательством нового императора, был вновь подвергнут рассмотрению проект Лорис-Меликова. Существуют 3 записи прений этого заседания: одна, принадлежащая перу одного из участников заседания, напечатанная в № 1 «Былого» за 1906 год, под ошибочным названием «Заседание Государственного Совета 8 марта 1881 года»; другая—корреспонденция заграничного журнала «Общее дело»; третья—запись историка В. А. Бильбасова, сделанная со слов графа Лорис-Меликова. Вторая и третья версии близки друг к другу и во многом не совпадают с первой. Но первая очень точно передает некоторые речи, например, речь военного министра, графа Д. А. Милютина, и обер-прокурора синода К. П. Победоносцева. По этой версии мы их и приводим.

Граф Милютин сказал: «Предлагаемая мера вашему императорскому величеству, по моему мнению, совершенно необходима, и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх для пользы дела должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляды вашего величества нашли себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел. Как видно из известий, приходящих с разных концов Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших отношений. Из нее не видно,

какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем вопрос этот, естественно, озабочивает всю Россию. Безотлагательное разрешение его представляется мне в высшей степени необходимым. Покойный государь по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразования исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, причем нередко принимались даже меры, несогласные с основною мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний. И действительно, в России все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... В самое последнее только время общество ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые лучшее годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствовали. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...»

Здесь графа Милютина прервал Александр III:

«Да, но император Вильгельм, до которого дошли слухи о том, будто бы батюшка хочет дать России конституцию, умолял его в собственноручном письме не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству меньше влияния и сохранив власть за правительством».

Граф Милютин продолжает:

«Ваше величество, не о конституции идет речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильном основании то, что, в сущности, было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз с соизволения покойного государя приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице,

а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются совсем в ином свете, нежели в нашей среде.

Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. В виду этого, ваше величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова».

Обер-прокурор св. синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, нервно волнуется):

«Ваше величество, по долгу присяги и совести я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии... При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце! В этом проекте слышится фальшь, скажу больше—он дышит фальшью. Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если бы хотели сделать это только. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет! В России хотят ввести конституцию и, если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам западная Европа. Конституции, там существующие, есть орудия всякой неправды, источник всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте, помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция! Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет: они будут выражать только личные свои взгляды»...

Здесь прервал его Александр III: «Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей».

«И эту фальшь,—продолжал Победоносцев,—по иноземному образцу, для нас непригодному, хотят, к нашему несчастью, к нашей погибели, ввести у нас... Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с его народом есть неоценимое благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств. Многому можно у него поучиться! Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот цель, к достижению которой нужно стремиться, вот истинные задачи нового царствования. А вместо того предлагают устроить у нас говорильню... Мы и без того страдаем от говорилен, которые, под влиянием негодных, ничего не стоющих журналов, разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что стало с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, приявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая, святая мысль освобождения крестьян? К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того: открыты повсюду кабаки, бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков. Затем открыты были земские и городские учреждения, говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует? Кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своими семействами, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту. Потом открылись новые судебные учреждения, новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния остаются безнаказанными. Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необ'ятной русской земли на тысячи и десятки тысяч

верст разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям. И когда, государь, предлагают учредить, по иноземному образцу, новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого и до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас. Все мы виноваты в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы в бездеятельности и апатии нашей не сумели охранить праведника! На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!»

Александр III: «Сущая правда. Все мы виноваты. Я первый обвиняю себя».

«Государь,—закончил Победоносцев.—В такое ужасное время надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле... Нужно действовать».

В заключение граф Лорис-Меликов сказал: «Необходимо, чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество. Но если мы будем медлить, то упустим время. Через три месяца нынешние, в сущности, весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми».

5. Манифест Александра III 29 апреля 1881 года.

Манифест этот положил конец колебаниям в правительственной политике первых дней царствования Александра III и повлек за собой отставку Лорис-Меликова, Милютина, Сабурова и торжество Победоносцева, который и был автором манифеста.

Божией милостью мы, Александр III, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и проч. и проч. и проч.

Об'являем всем верным нашим подданным. Богу в неисповедимых судьбах его благоугодно было завершить славное царствование возлюбленного родителя нашего мученическою кончиною, а на нас возложить священный долг самодержавного правления. Повинуясь воле Провидения и закону наследия государственного, мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса перед лицом всевышнего бога, веруя, что предопределив нам дело власти в столь тяжкое и многотрудное время, он не оставит нас своею всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим государям, привлекут благословение божие на нас и в предлежащий нам труд правления. В бозе почивший родитель наш, приняв от бога самодержавную власть на благо вверенного ему народа, пребыл верен до смерти принятому им обету и кровью запечатлел великое свое служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостию и кротостию совершил он величайшее дело своего царствования, освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев, всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в царстве суд и подданных своих, коих всех без различия соделал навсегда свободными, призвал к распоряжению делами местного управления и общественного хозяйства. Да будет память его благословенна вовеки! Низкое, злодейское убийство русского государя посреди верного народа, готового положить за него жизнь свою, недостойными извергами из народа есть дело страшное, позорное, неслыханное в России и омрачило всю землю нашу скорбью и ужасом. Но посреди великой нашей скорби глас божий повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на божественный промысел, с верою в силу истины самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений. Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих отечество и преданных из рода в род наследственной царской власти. Под сенью ее и в неразрывном с нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в бога, устрояющего судьбы ее. Посвящая себя великому нашему служению, мы призываем всех верных подданных наших служить нам и государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей

землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России благодетелем ее, возлюбленным нашим родителем. Дан в С.-Петербурге, в 29 день апреля в лето от рождества христова тысяча восемьсот воеемьдесят первое царствования же нашего в первое.

Александр.

6. Разгром партии «Народной Воли».

А. ПРОЦЕСС 20-ТИ НАРОДОВОЛЬЦЕВ (1882 год).

Этот процесс по содержанию своему примыкает к процессу 1 марта. Это было дело обвинявшихся в покушении на цареубийство террористов.

(Из обвинительного акта.)

Дворяне: Александр Дмитриев Михайлов, 25 лет; Николай Николаев Колоткевич, 31 года, Михаил Николаев Тригони, 30 лет, Александр Иванов Баранников, 23 лет; отставной флота лейтенант Николай Евгеньев Суханов, 29 лет; отставной прапорщик Фердинанд Осипов Люстиг, 27 лет; отставной коллежский регистратор Николай Васильев Клеточников, 24 лет; сын фельдфебеля Михаил Федоров Фроленко, 33 лет; сын почтальона Григорий Прокофьев Исаев, 24 лет; сын псаломщика Иван Пантелеймонов Емельянов, 20 лет; сын дьякона Петр Васильев Тычинин, 26 лет; купеческий сын Григорий Михайлов Фриденсон, 26 лет; солдатский сын Василий Аполлонов Меркулов, 21 года; мещане: Лев Соломонов Златопольский, 33 лет, Айзик Борисов Арончик, 22 лет, Макар Васильев Тетерка, 28 лет, Николай Александров Морозов, 26 лет; прусский подданный Мартын Рудольфов Ланганс, 29 лет; дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23 лет; дочь титулярного советника Людмила Дементьева Терентьева, 20 лет; дочь коллежского советника Татьяна Иванова Лебедева, 29 лет и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26 лет—обвиняются в том, что вступили в тайное сообщество, именующее себя «русской социально-революционной партиею», имеющее целью ниспровергнуть посредством насильствен-

ного переворота существующий в империи государственный и общественный строй, причем преступная деятельность этого сообщества проявилась в ряде посягательств на жизнь священной особы в бозе почившего государя императора Александра Николаевича, в убийствах и покушениях на убийство должностных лиц и вооруженных сопротивлениях властям.

Последнее заявление А. Д. Михайлова на суде.

Мы—члены партии и организации «Народной Воли». Деятельность нашу вы, господа судьи, призваны рассмотреть. Борьба сделала нас личными врагами государя императора. Воля государя—воля оскорбленного сына—вручила своим доверенным слугам, вам, господа сенаторы, меч Немезиды. Где же залог беспристрастного правосудия? Где посредник, к которому мы могли бы апеллировать? Где общество, где гласность, которая могла бы выяснить отношения враждующих? Их нет, и двери закрыты!! И мы с вами, господа судьи, наедине!! Как бы почтительно я ни относился к вам, господа сенаторы, но перед судом особого присутствия я чувствую себя пленником, связанным по рукам и ногам.

Приговор суда.

Суханов, Михайлов, Колоткевич, Исаев, Фроленко, Емельянов, Тетерка, Клеточников, Лебедева и Якимова—к смертной казни через повешение. Морозов, Баранников, Арончик, Ланганс и Меркулов—в каторжные работы без срока; Тригони, Терентьева, Люстиг, Златопольский и Фриденсон—в каторжные работы на 20 лет, причем суд постановил ходатайствовать о смягчении для Фриденсона—на 10 лет, для Люстига—на 4 года.

Александр III, уваживший ходатайство суда относительно Фриденсона и Люстига, заменил смертную казнь для всех к ней приговоренных, за исключением Суханова, ссылкою в каторжные работы без срока. Суханову повешение было заменено расстрелянием, и 19 марта он был расстрелян в Кронштадте. Михайлов, Колоткевич, Исаев, Фроленко, Тетерка, Клеточников, Морозов, Баранников, Арончик и Ланганс—вместо каторжных работ, были заточены в казематы сначала Алексеевского равелина, а потом—Шлиссельбургской крепости, где, за исключением М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозова и М. Н. Тригони,—все они и окончили дни свои. М. Н. Три-

гони, после 20-летнего заключения в Шлиссельбурге, был сослан на Сахалин, М. Ф. Фроленко и Н. А. Морозов—освобождены из Шлиссельбурга лишь после 17 октября 1905 года, Емельянов, Лебедева, Якимова, Златопольский, Люстиг и Фриденсон были отправлены в Карийскую каторгу. Терентьева скончалась в тюрьме еще до отправления ее в каторгу. Меркулов, как предатель, был освобожден и продолжал служить в полиции.

Б. ПРОЦЕСС 17-ти НАРОДОВОЛЬЦЕВ (1883 год).

В этом процессе перед судом предстала другая группа террористов «Народной Воли»: Ю. Н. Богданович, С. С. Златопольский, М. Ф. Грачевский П. А. Теллалов, Я. В. Стефанович, А. В. Прибылев, Р. Л. Прибылева, А. П. Корба, М. Ф. Клименко, А. В. Бурцевич, П. С. Ивановская и др. Приводим речи на суде Анны Павл. Корба и Сав. Сол. Златопольского.

Речь А. П. Корба.

Виновной себя не признаю, но признаю принадлежность к партии и полную солидарность с ее принципами, целями и взглядами. Но партии, излюбленный путь которой—есть кровавый путь, такой партии я не знаю и вряд ли она существует, иначе мы слышали бы о ней. Может быть, такая партия и возникнет со временем, если революции суждено разлиться широким потоком по России. Но, если я буду жива к тому времени, я не примкну к такой партии.

Что же касается партии «Народной Воли», то она придерживается террора не потому, что это—удобнейший или кратчайший путь для достижения целей, поставленных ей историческими условиями России, а потому, что это—единственный путь. Горестные роковые слова, носящие в себе залог величайших несчастий.

Господа сенаторы, вам хорошо известны основные законы Российской империи. Никто в России не имеет права высказываться за изменение государственного строя. Никто не может даже помышлять об этом. В России запрещены даже коллективные петиции! Но страна растет и развивается, условия общественной жизни усложняются с каждым годом. Наступает момент, страна задыхается в узких рамках, из которых нет выхода...

П р е д с е д а т е л ь: Это—ваше личное мнение.

Корба (продолжает): я перейду теперь к целям партии Народной Воли. Историческая задача партии Народной Воли заключается в том, чтобы расширить эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ее находятся в непосредственной зависимости от правительства. Партия не стоит непреоборимо упорно за террор. Рука, поднятая для нанесения удара, опустится немедленно, как только правительство заявит намерение изменить политические условия жизни. У партии достанет патриотического самопожертвования, чтобы отказаться от мести за кровавые раны, нанесенные ей лично. Но от чего она не может отказаться, не совершив предательства, измены против народа, это—от завоевания для него свободы, а, вместе с тем, благосостояния. В подтверждение того, что цели партии — совершенно миролюбивые, я прошу прочесть письмо к императору Александру III от Исполнительного Комитета, написанное вскоре после 1 марта. Из него вы увидите, что партия желает реформ сверху *), но реформ искренних, полных, жизненных.

Речь С. С. Златопольского.

Я признаю свою принадлежность к организации тайного общества «Народной Воли». Я признаю, что деятельность общества, действительно, проявилась, между прочим, в неоднократных покушениях на жизнь государя, закончившихся цареубийством 1 марта. Я не признаю лишь той формулировки обвинения, которая говорит, будто партия мечтает разрушить своей деятельностью существующий общественный строй. Это—задача отдаленного будущего, о котором мы не загадываем. Деятельность нашей организации исходит, главным образом, из признания ответственности существующего правительства за судьбу народа; вся террористическая деятельность «Народной Воли» есть лишь проявление этого убеждения. Мы исходим из существующего и желаем создать в ближайшем будущем такой политический строй, который представляя почву для идейной культурной борьбы, не был бы в то же время враждебен интересам масс, интересам большинства. Мы

*) В своей статье «По поводу процесса 17-ти», («Былое» 1906 г. XII) А. П. Корба утверждает, что слова „сверху", приписанного ей в гектографированном экземпляре речей, ходившем по рукам после процесса, она в действительности не произносила.

желаем не парламентаризма, как обязательства верховной власти с одной стороны и как создания владетельного класса в России с другой—мы желаем замены государства чиновников свободно выраженным представительством народа, но не классов и сословий. Мы желаем, чтобы выразителем нужд и потребностей русской земли была воля народа, в лице живого учреждения, будь то земский собор или Всероссийская Дума с правом высшей законодательной власти. Мы не утописты...

Первоприсутствующий сенатор прерывает, и подсудимый садится, сильно взволнованный.

Приговором суда Богданович. Теллалов, Златопольский. Грачевский, Клименко и Буцевич приговорены к смертной казни, Стефанович и Ивановская—к бессрочной каторге. Корба—к 20-летней каторге. Борейша, Калюжный, Прибылев, Прибылева, Лисовская, Гринберг, Смирницкая и Юшкова—к 15 летней каторге. Александр III заменил смертную казнь приговоренным к ней бессрочной каторгой; осужденные этой категории все умерли в казематах: Теллалов—в Алексеевском равелине, остальные—в Шлиссельбурге.

В. ПРОЦЕСС 14-ти (1884 год).

В 1883 г. член военной организации С. П. Дегаев, поступивший на службу к начальнику тайной полиции Судейкину, выдал остатки «Народной Воли» в лице В. Н. Фигнер, Л. А. Волькенштейн и офицеров Ашенбреннера и др. Они были преданы суду по процессу 14-ти. Сам Дегаев, измученный угрызениями совести, покаялся заграничным членам Исп. К-та М. Н. Олoвенниковой и Л. А. Тихомирову и получил от них приказание для самоочищения убить Судейкина и скрыться навсегда из Европы. Дегаев это исполнил.

Из показаний В. Н. Фигнер.

...Поучительный характер 1 марта заключается именно в том, что это был финал двадцатилетней борьбы между правительством и обществом. 20 лет преследований, жестокостей и стеснений, имевших в виду меньшинство, но обременявших всех, и в результате—Рысаков со своим: «посмотрим, все ли еще благополучно». Убийство императора случилось среди общей уверенности, что покушение произойдет; при этом все общество было разделено на два лагеря, из которых один опасался, а другой с нетерпением

ожидал этого события. Такое положение, кажется, беспримерно в летописях народов и заставляет задуматься философа, моралиста и политика. Бомба Исполнительного Комитета, потрясшая всю Россию, поставила ей вопрос: где выход из ненормального положения вещей? Где его причины? И что же будет дальше, если в жизнь не будет внесено ничего нового? Мы думаем, что бесплодность правительственных усилий сломить революционное движение репрессиями, несостоятельность попыток устранить недовольство устранением наиболее энергичных недовольных личностей,—была доказана воочию предшествующим двадцатилетним опытом, завершившимся событием 1 марта, и, если не император, то Россия вывела из него должное заключение; мы думаем, что общественное мнение, свободно выраженное, предложило бы для прекращения внутренней междоусобицы—не борьбу с отдельными проявлениями недовольства, но уничтожение самой причины этого недовольства; а эту причину оно указало бы не в отдельных агитаторах и выдающихся личностях, поимкой которых правительство тщетно надеялось до сих пор умиротворить умы, но в общем стеснении, в полном отстранении образованного класса от влияния на жизнь народа и государства, в отсутствии какого бы то ни было поприща для деятельности, не преследующей идеалы грабежа и личной наживы, в полном противоречии между политикой правительства, с одной стороны, и интересами и потребностями народа и интеллигенции—с другой. И в случае продолжения прежнего режима оно вызвало бы неизбежность повторения 1 марта, при обстановке, быть может, еще более трагической.

Таким образом, дилемма, поставленная ребром, кажется нам разрешенною в общественном сознании и ждущей лишь момента для воплощения в жизнь. Необычайность условий, среди которых произошло событие 1-го марта, и самая грандиозность его способствовали в высшей степени уяснению этого сознания, и отрицать его значение в этом смысле для общества—невозможно...

...Что же касается того, что 1 марта не привело к практическим результатам, в смысле экономического и политического переустройства в России,—то это вполне справедливо. Но не будучи в состоянии совершить это переустройство силами революционными, партия никогда не рассматривала верховную власть в ее современной организации силой, способной искренно взять на себя почин в этом деле; правда, она ждала уступок, послаблений, пре-

кращения реакции, доли свободы, которая сделала бы существование сносным, мирную деятельность возможной; в этом она ошиблась, что весьма печально и худо, но худо не для одной революционной партии, а и для народа, и для общества, для имущещественных классов и для бюрократии, для всего государства и для главы его; худо потому, что влечет в будущем новые катастрофы, новые политические и социальные смуты. Едва ли в настоящее время в Росии найдется много людей, которые верили бы в мирное преуспевание своего отечества и спокойное житие своего монарха, а если нет этой веры, нет уверенности,—то будущее сумрачно и тревожно. Не буду касаться его—в свое время оно скажет свое слово...

В. Н. Фигнер, Ашенбреннер, Штромберг и др. были приговорены к смертной казни, которая и была применена к А. П. Штромбергу и Н. М. Рогачеву, а остальным заменена бессрочной каторгой, т.-е. заключением в Шлиссельбургской крепости.

V. „Черный Передел“.

Группа «Черного Передела» оставалась на почве чистого народничества, бакунизма. В противовес народовольцам она выдвигала принцип народного самоосвобождения и идею непосредственной социальной революции. Но в вопросе о политической свободе руководители группы скоро эволюционировали, постепенно приближаясь к марксизму. Громадное значение имело то обстоятельство, что среди руководителей были Плеханов, лично занимавшийся еще в 1878 г. пропагандой среди рабочих, и Аксельрод, более всех интересовавшийся западным рабочим движением.

1. Из воспоминаний О. В. Аптекмана.

42 года тому назад, в середине, приблизительно, лета 1878 года тяжко заболело Общество «Земля и Воля». Оно стало хиреть от неизлечимого, медленно подтачивающего его недуга. В августе же 1879 года почило вечным сном, оставив после себя наследницу — группу «Черного Передела», бывших землевольцев, в числе 21 человека. Но не все они вошли в группу «Черного Передела». Туда вошли из старых землевольцев: 1) Г. В. Плеханов, 2) Попов, 3) Ю. Преображенский, 4) О. Николаев, 5) Н. Короткевич, 6) М. Крылова, 7) В. Игнатов, 8) Л. Гартман, 9) Аптекман. Из новых, принятых на воронежском с'езде землевольцев вошли: 10) Стефанович, 11) Дейч, 12) Аксельрод и 13) В. Засулич. Остальные восемь землевольцев не вошли в группу: Н. Мощенко и Д. Клеменц сидели под замком: 1-й—в доме предварительного заключения в Петербурге, 2-й—в Петропавловской крепости. Хотинский и Кравчинский были уже за границей. За ними скоро последовал и Тищенко. Н. Сергеев и Харизоменов не пристали к «Черному Переделу», а Мельгунов давно уж «пропал без вести»... Пропаганда революционного народничества среди интеллигенции была еще менее успешна, чем во время землевольчества. Тогда молодежь выжидала результатов работы в де-

ревне самих землевольцев и воздерживалась от активного пока участия, а теперь, не видя никако работы в деревне, она просто не шла к чернопередельцам. А чернопередельцы в лице Плеханова, Аптекмана, Николаева, Преображенского, Попова и Щедрина, ведших до выхода еще газеты «Черный Передел» энергичную пропаганду среди молодежи, убедились вскоре, что молодежь отходит от них все больше и больше. Пристали лишь небольшие группки поддерживавших единственное практическое начинание чернопередельцев—издание органа «Черный Передел». Эти небольшие ячейки были убежденные народники-социалисты, всеми силами старавшиеся раздувать едва-едва тлеющие огоньки жизни в умирающем уже революционном народничестве.

Наиболее же боевые, темпераментные элементы ушли целиком в народовольчество...

...М. Р. Попов, один из столпов «Черного Передела», переходит в Киеве целиком к народовольцам—фактически, как работник, проводящий тактическую линию народовольцев, формально, вступая с народовольцами в определенные федеративные отношения. Мало того, он подымает вопрос о полном слиянии обеих фракций: народовольческой и чернопередельческой, убедившись, наконец, что это разделение послужило лишь во вред «Передельцам». Неожиданный арест его и разгром всего его кружка приостановили все дальнейшие его попытки в этом направлении. От‘езд за границу Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча и В. Засулич фактически ликвидировал группу «Черного Передела». Они уехали по единогласному постановлению совета, который предвидел уж тогда, что ликвидация неминуемо и естественно надвигается, что, по крайней мере, надо спасти названных товарищей от бесплодной гибели их от рук правительства.

Прибытие из-за границы П. Б. Аксельрода, хотя на первых порах оживило несколько «Черный Передел», но только оживило: существенной перемены не произошло: «Черный Передел» не воскрес. Зародившееся в 1880 году новое общество «Земля и Воля» в значительной мере обязано этим П. Аксельроду. Оно если не дело рук его, то—головы его. Общество это выпустило свою программу, одобренную эмигрантами чернопередельцами, т.-е. группой Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча и проч.... В редакцию «Черного Передела», согласно ее декларации, о кото-

рой мы выше говорили, вошли: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович и Л. Г. Дейч.

Аксельрода ждали со дня на день из-за границы, а торопиться с выпуском первого номера было необходимо в виду тогдашних бурных обстоятельств. Решено было поэтому привлечь Аптекмана в редакцию, и первый номер в руководящих его статьях был составлен исключительно Плехановым и Аптекманом. Когда, наконец, П. Б. Аксельрод прибыл, первый номер был уже почти весь набран... Между нами Аксельрод был уник; мы его прозвали с первого же раза «западником»: он никак не мог переварить того, что назвал совершенно правильно «славянофильством» в нашей идеологии, ему было совершенно чуждо название «народники», и он, «упорствуя, волнуясь и спеша», настойчиво убеждал оставить совсем это название и назваться «социалистами-федералистами», ибо это последнее—горячо доказывал Аксельрод—eo ipso приобщит нас к «Международному Обществу Рабочих». Мы уступили. Аксельрод энергично взялся за работу. Анархист—он не был, по моему, бакунистом, хотя сам он причислял себя к бакунинскому толку. От Бакунина отличали его некоторые принципиально-существенные разногласия: Бакунин выдвигал на первый план стихийность, революционный инстинкт масс, на которых базировал свою программу и тактику. Аксельрод, наоборот, в центр программы ставит сознательность... Аксельрод хотя и анархист, но он—анархист в западно-европейском смысле: он враждебен государственности, западному парламентаризму; но по отношению к России, в противоположность Бакунину и его последователям, он является настоящим западником: он считает политическую борьбу в России неизбежной, но ставит ее под контроль социализма, как верховного критерия революционной деятельности; он поэтому решительно против аполитического настроения народников-бунтарей (бакунистов тож). Его не удовлетворяют даже такие лозунги, как «Земля и Воля» и «Черный Передел», формулирующие «исконные идеалы народа». И вот с такими идеями, казавшимися нам, правоверным народникам, черной ересью, прибыл к нам Аксельрод, и, как прирожденный пропагандист, он стал неутомимо проводить их в подготовляемых им статьях для «Черного Передела» и среди молодежи. Быстро организовал он кружок, собиравшийся у Решко, из студентов, студенток, морских офицеров... По его инициативе,

как я уже выше упомянул, образовалось «Северное русское общество» «Земли и Воли» в 1880 году, с программой социалистов-федералистов и центральным органом его—«Черный Передел». Общество это продолжало еще работать в этом направлении, т.-е. в направлении идей «Черного Передела», и по от'езде Аксельрода за границу, оно выпустило еще пятый номер «Черного Передела»—последний его номер. (Удивительное совпадение: и «Земля и Воля» завершила также пропаганду своих идей пятым только номером). Надо полагать, что этим только, по необходимости, ограничивалась революционно-народническая работа названного общества, как и других группок и ячеек чернопередельцев аксельродовского типа...

2. Из статей „Черного Передела".

А. ИЗ СТАТЬИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

(В № 1 от 15 янв. 1881 г.).

В многомиллионной массе русского крестьянства беспрерывно появляется, исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданий. Несмотря на свое видимое разнообразие, все эти слухи имеют один и тот же источник: страстное искание народом того или другого выхода из современного невыносимо тяжелого положения. Но ни один из них не приобрел такого широкого, можно сказать повсеместного распространения, ни один не остановил на себе в такой степени внимания правительства и интеллигентного общества, как слух о предстоящем будто бы в скором времени переделе земли... Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и, в силу этого, считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества... Только в формах русской народной жизни находим мы здесь задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе; в устранении враждебных влияний и расчистке пути для правильного развития этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и стоящих к ним в отношении следствия к причине—политических реформ в России. Но для

осуществления этого максимума реформ нам, прежде всего, нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя... А так как борьба с государством может совершаться только на почве «Земли и Воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положений социализма, приходим к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др., приходим к тому, что мы называем революционным народничеством. Так, понимающий дело русский агроном, руководствуясь общими положениями агрономической науки, выросшей на почве иных условий народонаселения, сбыта, техники земледелия, утилизирует эти положения сообразно с русскими условиями выгодной эксплуатации почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный Передел». В этих двух словах заключается решение крестьянского вопроса, от которого, в свою очередь, зависят все остальные... Пусть народ ждет поземельной революции от царя, пусть он верит в него, видит в нем своего зашитника и ходатая, но царь, существуюший в народном понятии, и царь, сидяший на русском престоле, так же непохожи друг на друга, как римский народный трибун непохож на восточного деспота, как Кай Гракх непохож на Шир-Али, и мы утверждаем, что даже происходившее под авторитетным знаменем пугачевское движение логикою народных требований было бы доведено до полного отрицания царской власти, как мы понимаем ее теперь. А во-вторых, рано или поздно, фикция должна исчезнуть перед указанием опыта, народ должен увидеть царскую власть в ее истинном свете...

Б. ИЗ СТАТЬИ О. В. АПТЕКМАНА—«ПИСЬМО К БЫВШИМ ТОВАРИЩАМ» (НАРОДОВОЛЬЦАМ)

(В том же № 1).

... Конституционные идеи после долгой и упорной борьбы восторжествовали во всей Европе в 1848 году. Но торжество конституционных идей стало торжеством буржуазии. С этого момента она выступает борцом и проводником их в политической жизни западных народов... Лучшие передовые люди на западе отказались в настоящее время от идеалов политической свободы, как отживших свое время, и избрали своим лозунгом социализм, во имя которого они организуют, сплачивают и подготовляют массы.

Задачи их—реорганизация экономических и общественных отношений при посредстве народа и самим народом... Если опыт Западной Европы неизбежно приводит нас к отрицанию идеалов политической свободы, как средств, способных осуществить народные желания, то собственная наша история приводит нас к тому же, но иным путем. Спокон веку наша история шла таким образом, что между государством и народом не образовались и не могли образоваться промежуточные самостоятельные общественные группы. Наша история выработала лишь две самостоятельные, враждебные одна другой силы: государство и народ... Положим даже, что вам повезет почему бы то ни было,—ведь вся ваша система террора основана на случайностях,—тогда правительство, напуганное и смущенное, вынуждено будет пойти на уступки, согласиться созвать обывателей, допустить земский собор, словом, даст конституцию. Не знаю, товарищи, задумались ли вы крепко над тем, какие серьезные и важные последствия для народа (ведь, вы все это, конечно, делаете для «народа») могут возникнуть из этого вновь созданного вами положения вещей. Вы потому именно теперь так сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы с правительством и на необходимости конституционного режима, что желаете: во-первых, задержать у нас процесс образования буржуазии, как экономического и политического класса, и, во-вторых,—очистить путь для более плодотворной деятельности в народе. Но поймите, что, действуя теперь таким образом, вы фатально, помимо своей воли добиваетесь совершенно противоположного... Всегда осторожная, боящаяся всяких заговоров и смут, буржуазия наша тем не менее прекрасно сумеет воспользоваться тем переполохом, который вы намерены произвести. Когда понадобится, она обнаружит немало энергии, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ее требования в законную форму. Да и теперь уже большинство наших ученых и публицистов, за весьма немногими исключениями, работают в пользу буржуазии...

В. ИЗ СТАТЬИ ПЛЕХАНОВА

(В № 2, вышел в Лондоне в сент. 1880 г.).

Нам, социалистам конца 70-х и начала 80-х годов, пришлось быть современниками весьма серьезного перелома в общественной жизни России. Когда-то всесильный, нигде и ни в ком не встре-

чавший сопротивления, абсолютизм обнаруживает старческую дряхлость и почти полную беспомощность... Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России. Не нам, которым борьба с существующим режимом стоила стольких страшных усилий и стольких тяжелых потерь, желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место... Но, кроме выгод, которые несомненно принесет с собою политическая свобода, кроме задач ее завоевания, есть другие выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так заострились и, когда, поэтому, нужно быть готовыми ко всему... Рассуждая даже исключительно с точки зрения нашего влияния на ход политических событий в России, мы должны поставить деятельность в народе превыше всех задач, как источник нашей силы и наших успехов в борьбе с врагами, которых в конституционной России у нас, конечно, будет не менее, чем теперь, и которые всеми силами будут стараться затруднять нашу деятельность, помешать нашей пропаганде, об‘явить нас вне закона... Выступая активно в моменты общественных кризисов, народ преследует именно цель своего экономического освобождения. Вопросы политические имеют для него второстепенное значение, если не игнорируются им совершенно. В этом—несчастье всех буржуазных и дворянских партий и залог несомненного успеха для социалистов, которые признают коренную важность экономического вопроса и решают его в пользу трудящихся масс. Но здесь же и предостережение для социалистической интеллигенции: всякое ее уклонение с пути экономической революции будет наказываться ослаблением ее связи с народом, потерей ее значения, падением ее влияния в народной среде... Переход орудий и об‘ектов труда в руки трудящихся... таков девиз социалистической революции. И что бы ни принесли с собой грядущие события, мы никогда не должны терять ее из виду...

ЧАСТЬ IV.

ЭПОХА ЗАРОЖДЕНИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

I. Семидесятые годы.

1. Условия фабричного труда.

Л. Мартов.

Условия, при которых совершилось освобождение крестьян, отразились непосредственно на положении фабрично-заводского пролетариата. Разоренная деревня высылала в города и промышленные центры новые и новые толпы пролетариев, обостряя конкуренцию среди рабочего населения. В то же время быстрое введение усовершенствованных способов производства сокращало относительно спрос на рабочие руки, обесценивало профессиональную квалифицированность рабочего, создавало ему конкурентов в лице женщин и детей и ослабляло силу его сопротивления фабриканту. И то же техническое развитие фабрики, убивая конкурировавшие с нею кустарные промыслы и ремесла, приводило к новому переполнению рабочего рынка избыточными руками.

За первые 20 лет после освобождения крестьян наблюдается крайне слабое движение вверх номинальной заработной платы фабричных рабочих, при одновременном возрастании цен на жизненные продукты, являвшемся естественным результатом развития капитализма и городской жизни. Таким образом, реальная заработная плата падала. Так, для Шуйского уезда Владимирской губ. мы, переводя месячную плату на пуды ржаной муки по ценам соот-

ветствующих лет, получим следующее изменение реальной заработной платы различных категорий рабочих:

	1856—57 г. г.	1883 г.	% понижения или повышения.
Прядильщики	26,0	14,9	—43%
Ставильщики	6,2	5,1	—18%
Набойщики	17,2	11,7	—32%
Ткачи механич.	20,2	10,7	—47%
Ткачи ручные	11,9	5,8	—52%
Кузнецы	16,4	21,4	+30%
Слесаря	21,7	19,4	—10%
Столяры	20,1	26,3	+31%
Банкоброшницы	9,8	7,3	—25%
Мотальщицы	16,1	10,3	—36%

За исключением кузнецов и столяров, все категории испытали сильное понижение реальной заработной платы. То же мы видим в г. Иваново-Вознесенске, где заработок механических ткачей, выраженный в пудах хлеба, упал за этот же период времени с 23,2 до 13,7 (понижение на 41%), заработок набойщиков с 17,3 до 11,7, а прядильщиков—с 26 до 14,9.

Заработной плате соответствовали и прочие условия фабричного труда. В прядильных и ткацких фабриках Иваново-Вознесенска и Шуи в начале 80-х г. г. практиковалась 12-ти-часовая работа, а на ситцепечатных фабриках $13^1/_2$ и даже $14^1/_2$ часов; при этом применялись сверхурочные работы, удлинявшие рабочий день фактически до 18—20-ти часов. В Виленском фабричном округе в 1885 году инспекция констатировала, как обычное явление для кожевенных заводов, рабочий день в 13 часов, а для текстильного производства до 16-ти часов реальной работы. На спичечных фабриках „рабочий день начинается летом с восходом солнца и заканчивается с его закатом“...

В. В. Святловский констатирует, что по 16 — 17-ти часов в сутки работают мелкие ватные и костопальные заводы, а по 18-ти—спичечные, парусино-ткацкие и овчино-шубные в Московском

и Харьковском фабричных округах. В джутовом и кирпичном производствах обычен 15-ти-часовой рабочий день, встречающийся также и в шерсто-и бумагопрядильнях Московского округа. Побочные фабрики обыкновенно работают по 13—14-ти часов в сутки.

По Дементьеву, лишь в десятой части фабрик Московск. губ. число рабочих часов было к началу 80-х г. г. меньше 12-ти, обычно оно равнялось 13—13½. В 5% всего числа фабрик рабочий день равен 18-ти часам (в рогожных заведениях, в красильных отделениях ситцевых фабрик, на фарфоровых заводах). «Неделя» в 1878 г. сообщала, что рогожники г. Рославля работают, за вычетом перерывов, 21 час в сутки. На шахтах Екатеринославской губернии в 70-х г. г. обычной была 17-ти часовая работа, но всречались и более продолжительная, причем малолетние работали столько же сколько и взрослые. На золотых промыслах Сибири и Урала в 60-х г. г. рабочий день часто превышал даже 5-ти часовую норму, установленную законом 1838 года.

Комиссия, учрежденная в 1859 году Петсрбургским генерал-губернатором, констатировала на шести бумагопрядильных 14-ти часовой рабочий день для детей в возрасте 8—14 лет.

Ночная работа была распроотренена чрезвычайно сильно. Ночью работали почти на всех текстильных фабриках московско-владимирского района; в Харьковском районе треть всех рабочих (преимущественно на сахврных заводах) работали ночью. В Польше ночная работа была общим правилом в заводах Сосновицкого округа и на сахарных заводах.

Воскресный отдых нередко не превышал 12-ти часов, как это было, напр., на фабрике Саввы Морозова в с. Никольском (Орехове-Зуеве).

Во все время пореформенного периода наблюдается развитие системы штрафов на фабрике, являясь с одной стороны, реакцией фабрикантов на повышающуюся чувствительность и самосознание рабочего, с другой—методом приспособления капиталистов к колебаниям промышленности, позволявшим им ослаблять на счет рабочих действие периодов кризиса или застоя. Штрафование в размере трети месячного заработка было и в начале 80-х гг. обычным на заводах Юза. На чудовищное развитие системы штрафов единодушно обращает внимание вся литература конца 70-х и начала 80-х г.г., посвященная быту фабрично-заводских рабочих (см. у Янжула, Микулина, Святловского, Пескова), а проф.

Янжул прямо высказывает убеждение, что на фабриках средней России штрафы составляют изрядную статью дополнительного дохода фабрикантов. Само правительство в 1886 г. признало штрафные операции фабрикантов «неблаговидными» (в мотивировке законопроекта 3-го июня 1886 г.)

Не менее, если не более доходную статью составляла система расплаты товарами из хозяйских лавок. Эта система вызывала особое раздражение рабочих, так как не только чувствительно сокращала их заработок, но и давала повод к постоянным злоупотреблениям худшего рода.

Сроки расплаты также давали пищу для неудовольствия рабочих. В начале 80-х г.г., по данным Янжула, Пескова и Святловского, только на 11,5% фабрик применялся еженедельный срок расплаты, на 4,4% — 2 или 3 раза в месяц, на 40,7%—ежемесячный и на 43,5%—более продолжительный срок или же вовсе неопределенный. К этому надо прибавить систему удерживания конторой части заработка при расплате, весьма распространенную особенно в центральном районе.

Ужасные гигиенические условия работы и жизни в фабричных казармах дополняют эту картину обстановки промышленного пролетариата в период 60—80-х г.г., вместе с профессиональными заболеваниями и чрезвычайным обилием травматических повреждений, после которых рабочие и их семьи не получали, обыкновенно, никакого обеспечения.

Тягостные сами по себе и, как мы видели, ухудшившиеся условия труда русских рабочих должны были вызвать и, действительно, вызвали с их стороны ряд волнений...

2. Первая стачка (1870 г.).

Юл. Гессен.

22 мая 1870 г. в Петербурге произошло событие, с виду совершенно незначительное, которое, однако, повлекло за собою серьезные последствия.

На Невской бумагопрядильной фабрике прядильщики, в числе 63 человек, об‘явили, что не станут продолжать работать, если размер задельной платы не будет увеличен. Фабричная кон-

тора не признала возможным удовлетворить это требование, вследствие чего в одной части фабрики, в которой насчитывалось до восьмисот рабочих, производство приостановилось. Несколько дней спустя уполномоченные рабочих представили директору фабрики проект новой расценки труда, но безуспешно. Тогда от имени восьмисот рабочих была подана жалоба (без подписей) петербургскому обер-полицмейстеру на действия фабричной администрации. Прибывший (28 мая) на фабрику помощник обер-полицмейстера и директор фабрики пытались убедить рабочих вернуться к станкам, но уполномоченные ответили отказом, а их примеру последовали и прочие рабочие.

Вот и все, что случилось. Не было никаких эксцессов, ни малейшего беспорядка. Все прошло бесшумно, без какого-либо нарушения «общественного спокойствия».

Однако, напряженно прислушиваясь к тишине, улавливаешь в ней странные звуки. И в тишине, царившей в майские дни на Невской фабрике, общественная мысль и правительство уловили неведомые ранее звуки. То были звуки стачки...

Нельзя сказать, чтобы само слово «стачка» было ново. Нет. Еще за двадцать пять лет до того законодатель впервые произнес его, признавая соответствующее деяние заслуживающим известной кары. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», изданное в 1845 г., постановило: «За стачку между рабочими какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателями сих заведений времени, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы, виновные подвергаются аресту при полиции: зачинщики от трех недель до трех месяцев, прочие от семи дней до трех недель».

Быть может, этот закон, сохранивший силу и в 1870 году, применялся на деле в течение протекших двадцати пяти лет. Но если это и бывало, то, вероятно, лишь по отношению к стачкам в небольших производствах и притом в таких условиях, когда стачка представлялась лишенной всякого не только политического, но даже серьезного социально-экономического значения.

Как бы, впрочем, ни было, конфликт между рабочими и капиталом, разыгравшийся на Невской фабрике, несмотря на то, что он все время оставался в мирной обстановке, сразу обратил на себя пытливый, а вместе с тем тревожный взор общества, как

первая в России стачка фабричных рабочих, несомненная предвестница дальнейших подобных событий.

«Рабочие стачки,—заявила московская газета «Русские Ведомости»,—явление еще новое в России, и в таких размерах, как стачка невских рабочих, можно сказать—небывалое». «И у нас случилась стачка,—воскликнула петербургская газета «Новое Время»,—и нас не оберег бог. Дело об этом первом протесте в сфере нашего фабричного труда, совершившееся на Невской бумагопрядильной фабрике, несмотря на всю свою неполноту, вызвало, однако, весьма много толков».

Естественно, что перед обществом встал важный вопрос: как отнесется к невско стачке правительство?

«Стачки—читаем мы в «Русских Ведомостях»—это своего рода генеральные битвы, на которые время-от-времени капитал бывает вызываем трудом», исход борьбы зависит от материальной устойчивости каждой из сторон; но возникает вопрос о той позиции, которую может занять между двумя враждующими лагерями правительственная власть, без вмешательства которой невская стачка, вероятно, не обойдется. Надо преследовать беспорядки,—продолжала газета,—но справедливо ли видеть в одном лишь факте нежелания люде работать за известную плату и требуюших повышения ее, справедливо ли видеть в этом нечто почти преступное и заслуживаюшее кары? Нельзя пожелать правительству роли усмирителя уподобляемой бунту стачки помощью войск для понуждения рабочих продолжать работу». Скрывавшиеся в этих строках опасения о вооруженном вмешательстве власте в ход невско стачки оказались напрасными. Правительство не прибегло к репрессивным мерам для подавления ее.

Невская стачка, как было выше отмечено, прошла внешне совершенно споко но, не дав повода для физического столкновения полиции с рабочими. Петербургски обер-полицме стер генерал-ад‘ютант Трепов (26 мая) доложил министру вн. дел, что «рабочие никакого беспорядка не произвели», но так как, согласно правилам, утвержденным в 1862 г. обер-полицмейстером, рабочие на фабриках не имели права оставлять работу, не предупредив об этом за месяц, а, с другой стороны, по силе Уложения о наказаниях стачка каралась, то о поступке рабочих на Невской фабрике он сообшил судебному следователю. Дело было рассмотрено 13 июня 1870 г. в Петербургском окружном суде. Судебное следствие не

обнаружило зачинщиков. Из 63 рабочих, привлеченных к ответственности, пятеро были оправданы; четверых: Семена Владимирова, Федора Петрова, Бориса Потапова и Василия Акулова, суд приговорил к аресту при полиции сроком на семь дней, а остальных— на три дня.

Этот исход судебного процесса не удовлетворил, как видно, либеральную часть общества, которая, судя, по мнению, высказанному «Новым Временем», хотела, чтобы стачка была рассматриваема как нарушение гражданских интересов сторон, а не уголовного кодекса.

Что касается правительственной власти, то, заглянув столь же пытливо и тревожно, как общество, в глубь невского события, она негодующе встретила судебный приговор: незначительная кара, наложенная на главных деятелей стачки, была принята правительством за дерзкий вызов, порожденный тлетворными веяниями времени.

Донеся 1 июня управляющему министерством внутренних дел, кн. Лобанову-Ростовскому, что суд приговорил упомянутых выше четырех «руководителей действиями других рабочих» к семидневному аресту, обер-полицмейстер Трепов заявил: «Имея в виду, что Владимиров, Петров, Потапов и Акулов постоянных занятий ныне не имеют, а потому находя дальнейшее пребывание их в С.-Петербурге, по роду совершенного ими проступка, весьма вредным для общественного порядка, считаю долгом представить о вышеизложенном на благоусмотрение вашего сиятельства, испрашивая вашего разрешения на высылку означенных четырех лиц из столицы на родину, по приведении над ними судебного решения в исполнение, с нарочными городовыми, с тем, чтобы за высланными местное начальство имело особый надзор»...

Мысль об административном преследовании зачинщиков стачек, вообще возникла еще до 1 июля, причем высылка должна была иметь целью не усугубить кару, наложенную судом, а предотвратить малейшее вмешательство судебной власти в таковых случаях.

Еще 30 июня управляющий министерством внутр. дел Лобанов-Ростовский послал конфиденциально управляющему делами третьего отделения собственной его величества канцелярии, генералу Мезенцеву, нижеследующий проект секретного циркуляра губернаторам:

«В начале текущего лета вольнонаемные фабричные люди, занимающиеся работами на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга, устроили между собою стачку для того, чтобы вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату. По этому поводу назначено было следствие и затем дело обращено было к судебному разбирательству, исход коего в свое время был опубликован в столичных газетах.

«Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратило на себя высочайшее внимание, и государю императору благоугодно было повелеть мне поручить г.г. губернаторам, чтоб они имели строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением, и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как, без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту чуждую русскому народу форму выражения неудовольствия на нашу почву, с целью поселять смуты и производить беспорядок и волнения. Но, независимо от этого общего наблюдения, государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном Вами известии о стачке рабочих на каком-либо заводе и фабрике вверенной Вам губернии, Ваше превосходительство, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полициею главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых, не испрашивая предварительно на то разрешения министерства внутренних дел, в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую.

«О таковой высочайшей воле сообщая Вашему превосходительству к руководству и исполнению, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, в случае, если бы Вы были вынуждены прибегнуть к применению предоставляемого Вам ныне полномочия, уведомлять меня о сем по телеграфу, а вслед за сим с первою же почтою сообщать подробные сведения о всем ходе дела».

В тот же день, т. е. 30 июня, Мезенцев ответил, что с его стороны «никаких замечаний по настоящему вопросу не имеется», после чего проекту был дан ход: 3 июля он был представлен государю, который и утвердил его, а 6 июля означенный цирку-

ляр (за № 1906), с отметкой «конфиденциально», был разослан губернаторам Европейской России, за исключением Царства Польского, Кавказа и Финляндии...

3. Стачечное движение.

М. Гордон.

Забастовка на Невской бумагопрядильне послужила началом для забастовочного движения в России.

Так, в июле 1870 г. произошла забастовка доковых рабочих в Кронштадте в виду отказа подрядчика платить за «дождливые дни и часы». Конфликт был рассмотрен мировым судьей, и дело кончилось примирением при некоторых уступках со стороны подрядчика. Далее, пару месяцев спустя, в одном заведении для выделки мехов в Вологодской губ. двадцать рабочих об'явили забастовку, требуя, чтобы хозяин отпускал им мягкий хлеб вместо черствого (двое рабочих были высланы в этапном порядке, хотя забастовка продолжалась всего один день). Тогда же бастовали ткачи в Белостоке, портные в Петербурге и суконщики в селе Сетунь под Москвою. В следующем году происходили новые волнения в Орехове-Зуеве и забастовка извозчиков в Одессе. Забастовка извозчиков, вызванная введением таксы и охватившая до четырех тысяч человек, привела к тому, что действие приведенного выше циркуляра 1870 г. (т.-е. административная высылка) было распространено сверх фабрично-заводских рабочих, также на участников всяких других забастовок.

Большими размерами и бурным характером отмечались происходившие в 1872 г. волнения на Кренгольмской мануфактуре (близ Нарвы).

Рабочих на мануфактуре было около пяти тысяч. Средний месячный заработок рабочих определялся в семь рублей. Особенно плохо было положение детей, взятых мануфактурой из воспитательного дома. Они представляли собой в полном смысле белых рабов, которых за малейшие проступки запирали в карцер и секли. На фабрике был установлен 14-часовый рабочий день, одинаковый для взрослых и для детей. На обед полагалось 55 минут, но рабочие, жившие в большинстве далеко от места работы, на обед не ходили, чтобы не подвергаться штрафу за опоздание. Произ-

вол администрации и частые штрафы сильно озлобляли рабочих. Брожение было вызвано пришлыми рабочими, которые приносили вести о новых порядках в Центральной России. Начавшееся движение поддерживалось ткачами, которые выделялись по своему умственному развитию. Волнения начались во время холерной эпидемии, уносившей много жертв из среды рабочих, так как рабочие казармы находились в антигигиеническом состоянии. Первыми жертвами холерной эпидемии сделались каменщики, работавшие по углублению русла рукава реки Наровы. Каменщики ушли с мануфактуры, не взяв расчета. После этого заволновались ткачи, выдвинувшие через депутатов требования о проведении в жизнь тех льгот, которые были обещаны при их найме, а потом отняты. Администрация об'явила, что некоторые требования (маловажные) будут удовлетворены. Но рабочие, не доверяя, требовали вызова директоров из Петербурга. В присутствии губернатора и начальника жандармского управления между депутатами и директорами было заключено соглашение: рабочим были сделаны некоторые уступки ($1^1/_4$-часовой перерыв на обед, выдача увольнительных записок по болезням или по другим неотложным обстоятельствам и т. д.). Требовния же рабочих об урегулировании штрафов и о прекращении произвола мастеров не рассматривались.

Когда двое рабочих, с разрешения начальника полицейской части мануфактуры, составили прошение об отмене новых льгот, шестеро рабочих отправились в Нарву к жандармскому офицеру, требуя расследования дела о составлении прошения, столь противоречившего интересам рабочих. После этого жандармский офицер явился на мануфактуру и арестовал четырех рабочих. Тогда двести ткачей ворвались в контору, требуя освобождения арестованных. Ткачи об'явили, что никого не допустят к работе, и во время обеденного перерыва толпа ткачей загородила узкий мост, ведущий на мануфактуру, и угрожала дубинами тем, кто туда направлялся. Толпа рабочих в тысячу человек окружила дом управляющего, выломала двери и освободила арестованных. Прибывшие войска разогнали рабочих. На другой день волнения возобновились, рабочие бросали в патрули камнями и отказывались стать на работу. В помощь войскам были присланы подкрепления, и беспорядки были подавлены. В конечном результате, рабочие добились некоторого улучшения. Фабрично - полицейский устав

мануфактуры был отменен, и последняя была подчинена общеимперскому законодательству...

За период с 1870 г. по 1877 г. пресса отметила двадцать одну забастовку—около двадцати тысяч участников. Забастовочное движение этих лет отличалось стихийным характером; сознательности среди бастующих было еще мало, и выступления рабочих носили разрозненный характер. Главным поводом к забастовкам являлись вычеты из заработной платы...

Начало промышленного под'ема 1878 г. ознаменовалось грандиозной забастовкой рабочих на Новой Бумагопрядильне в Петербурге, где работало свыше двух тысяч человек. Положение рабочих было тяжелое благодаря продолжительности рабочего дня, низкой заработной плате, штрафам и браковкам, а также притеснениям и произволу мастеров. Забастовка (27 февраля) была вызвана новыми правилами внутреннего распорядка и понижением расценок за сдельные работы. Рабочие наивно верили, что начальство заступится за них против несправедливостей и эксплуатации со стороны владельца, и обратились к полицейскому приставу. Но пристав, грозя строгими наказаниями, потребовал, чтобы они стали на работу. Тогда рабочие обратились к градоначальнику и, полагаясь на его обещание повлиять на администрацию, возобновили работы. Однако, положение их не было улучшено.

Тогда рабочие (16 марта) вывесили свои требования в следующей редакции: «1. Почти 15-ти часовая в течение дня на ногах работа—непосильна; она убивает здоровье даже самого сильного человека, а на фабрике, кроме мужчин, работают и женщины и дети. Рабочие требуют сократить рабочее время на два часа. Начинать работу они хотят в 6 час. утра и кончать в 7 час. вечера, уделяя из этого времени полтора часа на обед. 2-е. Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку в день за вонючую и не всегда кипяченую воду несправедливо, и обещается давать эту воду даром. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочие требуют, чтобы эти копейки, составляющие в год три рубля, были выданы рабочим обратно, ведь их брали не по правилам, и даже в рабочих книжках об них не было упомянуто. 3-е. Инструменты и машины, а также части машин хозяева всегда выбирают сами и выбирают потом с лихвой затраченные на них деньги с рабочих. Но машины и инструменты невечны: они постоянно ломаются, как и всякие другие

вещи, и нас, рабочих, заставляют, кроме того, платить и за эту неизбежную порчу, взваливая на нас обвинения в умышленной порче. Но кто же будет в этих случаях решать спор между рабочими и хозяином? Мы требуем уничтожения § 3 правил, чтобы за полом у челноков, вилок и щеток не взималась с нас плата. 4-е. Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности». Далее шли требования об уменьшении штрафов за прогульные дни, о повышении расценок на 10% и освобождении арестованных.

Одновременно рабочие отправились ко дворцу наследника (будущего Александра III), чтобы лично ему подать жалобу. В петиции рабочие жаловались на притеснения хозяев и полиции и просили допустить в следственную комиссию (для расследования этих жалоб) представителей рабочих.

Конец петиции напоминает текст той, которая была составлена в январьские дни 1905 г.,—возможно, что она послужила образцом для составителей последней. «Мы,—заявляют рабочие,—обращаемся к вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас, и что мы должны положиться на нас и на свои руки».

Петиция была принята, и рабочим обещано было расследование, которое, однако, ни к чему не привело.

Нередко стачки прекращались воинскими частями. Так, например, вооруженной силой была ликвидирована забастовка на металлургическом заводе Юза в Юзовке (в 1878 г.), где рабочие бастовали из-за неаккуратной выдачи заработной платы.

В том же году забастовали на постройке Оренбургской железной дороги рабочие, навербованные и привезенные подрядчиками из других губерний; забастовка произошла оттого, что рабочих обманули—им предложили по прибытии на место работать за половину условленной ранее цены. Были вызваны войска, зачинщиков выслали в Архангельскую губернию, а остальных наказали розгами. Полицейскими репрессиями была задавлена вторичная стачка на Новой Бумагопрядильне (1879) г., которая возобновилась в виду увольнения многих участников первой стачки. Бросив работы, забастовщики пред'явили требования, аналогичные прошлогодним. К забастовке примкнули рабочие Нарвской Бумагопря-

дильни. Забастовщики действовали организованно: они обратились с просьбой о материальной поддержке к рабочим всех фабрик, рассылали воззвания, собирались на сходки. Волнение передалось на все текстильные фабрики. Но власти на десятый день подавили забастовку; был произведен ряд арестов и высылок, а все малолетние стачечники были наказаны розгами.

Следует особо отметить, что во время забастовки лавочникам запрещено было выдавать продукты в долг стачечникам.

В том же 1879 г. произошел ряд забастовок, направленных к улучшению разнообразных сторон экономического быта: из-за повышения заработной платы (3900 рабочих в Серпухове, 1500 рабочих в Иванове - Вознесенске, в Шуйском уезде и в м. Гуслицах под Москвой, первые две окончились победой рабочих), против удлинения рабочего дня с 10 до 11 ч. (2000 мастеровых железнодорожных мастерских в Киеве), против понижения расценок (в Серпухове 4000 рабочих на фабрике Коншина и в Петербурге на Семянниковском заводе, причем обе забастовки окончились победою рабочих). Невыдача заработной платы в срок вызвала на Семяниковском заводе перед пасхой «бунт» в виде разгрома заводских помещений; прибывшие казаки избили рабочих нагайками. В Москве на суконной фабрике Шрадера около шестисот рабочих потребовали (1879 г.), чтобы, как раньше, на них не возлагались обязанности носить воду для квасной и дрова для артельной кухни, чтобы было отменено рабочим пить чай в своих помещениях. Дирекция фабрики вызвала полицию: выбранные по требованию самой полиции депутаты были арестованы.

Всего, по приблизительным подчетам, было за три года (с 1878 по 1880 г. г.) до 30 забастовок, в которых участвовали от 30 до 35 тысяч рабочих...

4. Южно-Российский Рабочий Союз 1872—75 г.г.

Под этим именем в Одессе об'единились революционные рабочие кружки. Союз этот, созданный под руководством Е. О. Заславского, был первым опытом чисто классовой рабочей организации. Здесь приводятся выдержки из показаний во время следствия одного из рабочих, членов Союза, о характере пропаганды Заславского и важнейшие пункты устава Союза, составленного под несомненным влиянием устава 1-го Интернационала.

А. ПОКАЗАНИЯ РАБОЧЕГО Д. Е. ИЗОТОВА.

... В конце 1872 года услыхал я от рабочего Гренка, что находятся студенты, которые желают давать рабочим бесплатно уроки, я же в это время желал как-нибудь доставить себе образование с тою целью, чтобы быть образованным, иметь возможность читать книги и таким образом теоретическим способом познакомиться с техническою стороною моего ремесла, почему тогда же отправился с рабочими Гренко, Николаем Наддачиным и Эрховерхом в квартиру студента Ярошевича или Ярошенко, там условились, чтобы нанять удобную для чтения лекций квартиру; я нанял одну большую комнату за 18 рублей в месяц в самом городе и с декабря месяца начали читаться лекции. Ярошенко читал арифметику, студент Победоносцев или Знаменцев читал грамматику, а студент Костюринов читал геометрию...

... После этого в мае месяце 1873 года Заславский начал читать нам лекции по политической экономии. Заславского я узнал потому, что он еще во время студенческих лекций раз или два заходил в нашу квартиру и знакомился с нами. Заславский читал о труде, капитале, ассоциациях, и говорил, что фабриканты эксплуатируют рабочих, а правительство этому покровительствует, но того, что правительство и фабрикантов нужно уничтожить, а фабрики и заводы отдать рабочим, я на лекциях от Заславского не слышал, а говорил он, что рабочие должны пользоваться сами своим трудом, составивши артель или ассоциации...

Б. УСТАВ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ.

I. Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих.

Что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния.

Что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении; мы, рабочие южно-русского края, соеди-

няемся в один союз под названием «Южно-Российского Союза Рабочих», поставляя себе целью:

Во-первых: пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов.

Во-вторых: об'единение рабочих южно-российского края.

В-третьих: для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При Союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом Союза может быть каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к Союзу и Союза к личности обусловливаются следующим: один за всех и все за одного.

V. Член Союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании Союза, или не исполняющий в точности своих обязанностей, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения Союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего Союза и побуждать их присоединяться к нашему делу освобождения рабочих...

5. Программа «Северного союза русских рабочих».

Петербургские рабочие кружки, первоначально находившиеся под влиянием общества «Земля и Воля» и имевшие таких энергичных деятелей, как Виктор Обнорский (участник Южно-Российского Рабочего Союза), Петерсен и Степан Халтурин, образовали в конце 1878 г. «Северный союз русских рабочих», надеясь, что он превратится в общую организацию русского пролетариата. Однако, начавшееся развитие Союза, насчитывавшего уже около 200 членов, было остановлено правительственными репрессиями и тем, что многие из членов Союза перешли к террористической деятельности. К концу 1879 г. он распался, не успев выпустить газету для рабочих, заду-

манную Халтуриным. В начале 1879 г. Союз выпустил прокламацию «К русским рабочим», представлявшую собою его программу. Как видно из этой программы, Союз во многом сходился с анархическим народничеством, но, признавая необходимость самостоятельного рабочего движения и политической свободы, делал шаг в сторону марксизма. Не даром № 4 «Земли и Воли», признал, что многие параграфы программы «взяты из катехизиса немецких социал-демократов». Деятельность Союза произвела большое впечатление на Плеханова, как видно из его позднейших воспоминаний: эта деятельность доказывала, что уже тогда наиболее передовой революционной силой становился рабочий класс.

К русским рабочим.

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и параличацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собраний 23-го и 30-го декабря 1878 г. пришли к мысли об организации общерус ского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного Союза Русских рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого союза избираются исключительно только рабочие и через лиц, более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения. Все члены союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя

подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов. Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из десяти членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрания уполномочивают комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собою автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программой, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребностям рабочих, даже не принадлежащих к союзу. Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программою:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанной на полной политической равноправности с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею

прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1. Свобода слова, печати; право собраний и сходок.

2. Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3. Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4. Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6. Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7. Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8. Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10. Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23-го и 30-го декабря. Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории. Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов—и нам остается только примкнуть к ним.

Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело—дело освобождения ебя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира,

утопающего в роскоши и истощавшего наши силы,—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир?—Простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но, в сущности, только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас уже покажет нам их бессилие в борьбе с той силой, какую мы представим собою.

«Вы развращаете мир, скажут нам, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию». «Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы; не мы причина зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве»...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы—плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой вы бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врага. Но мы, рабочие организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

6. Южно-русский рабочий союз 1880—81 г.г.

Киевский Южно-Русский Рабочий Союз 1800—81 г.г. не имел никакой преемственной связи с рассмотренным выше Союзом Заславского. Киевский Союз был основан чернопередельцами Е. Н. Ковальской и Н. П. Щедриным и был народнической организацией по первоначальной идеологии руководителей. Но в практике своей, отразившейся и на идеологии, и этот Союз, как и группа «Черного Передела» был этапом на пути от народничества к марксизму. Здесь приводятся выдержки из воспоминаний Е. Н. Ковальской, из наброска программы [illegible] Союза и две прокламации 1880 года.

А. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Н. КОВАЛЬСКОЙ.

... Вступая в «Черный Передел», принимая основные положения программы «Земли и Воли», по которой я и раньше работала, в вопросах тактики я колебалась. Опыты революционеров, работавших в деревне, были мало успешны. Чужому человеку в деревне приходилось долго, с трудом завоевывать доверие крестьян, а, когда его престиж укреплялся, жандармы уже шли по его следам,—приходилось сниматься с места, перекочевывать в другое, где повторялась та же история. Бунты (вопреки теории Каблица, говорившего, что в горниле бунтов, путем упражнения, революционное чувство растет)—успешно подавлялись, вызывая в крестьянах разочарование и недоверие и к агитаторам, и к собственным силам. Чернопеределец Петров, поехавший возобновлять связи с чигиринскими крестьянами (после Чигиринской истории) вернулся из поездки без всяких результатов. Приехал Харизоменов, ярый народник, особенно умевший приспособляться к деревне, но из его рассказов у меня получилось впечатление, что там только еще нащупывается почва, да и то у единиц из крестьян. Мои собственные опыты в деревне были также мало успешны. К тактике Стефановича (Чигиринское дело),—вызывать бунты, действуя именем царских комиссаров,—я относилась крайне отрицательно.

В разных подходах к массам я постепенно пришла к мысли о необходимости выдвинуть на первый план деятельности, с одной стороны, экономический террор (он входил в программу «Черного Передела», но на первом плане стояли бунты),

как более понятный, защищающий непосредственно интересесы масс, берущий наименее жертв и поднимающий революционный дух; с другой стороны, организацию рабочих союзов, члены которых перебрасывали бы из городов в свои деревни революционную работу, и на первом плане опять же экономический террор...

... Образовался кружок, в начале только из 10 человек (считая меня и Щедрина), который принял название «Южно-русского рабочего союза». Слово «русский», вставленное в название по настоянию рабочих, менее всего подходило к расширившемуся в последствии Союзу. По составу лиц он был чрезвычайно интернационален. В него вошли потом: малороссы, русские, поляки, евреи, француз, австрийский немец, саксонец, румын, отдаленный потомок татарина. Преобладали малороссы. Был он интернационален и по духу...

... Наша главная задача была—вызвать инициативу у рабочих, добиться, чтобы они сами взяли в свои руки свое дело.

Б. ПРОГРАММА ЮЖНО-РУССКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА.

Рассматривая современное положение русских рабочих, экономическое и политическое, нельзя не видеть, что оно по своей тяжести превосходит положение рабочих всех стран Европы...

... Единственный выход из современного положения вещей— возможно скорая, самим народом произведенная революция.

Некоторые думают, что рабочие должны добиться политической свободы, чтобы затем посредством нее улучшить свой экономический быт. Но наука о человечестве, несомненно, доказывает, что политическая свобода не может явиться без предварительного экономического переворота: политические права и влияние принадлежат только тем классам общества, в руках которых находится или экономическая, или нравственная и физическая сила...

... Статистика показывает, что теперешний способ производства ведет к физическому, а следовательно, и к умственному и нравственному вырождению рабочих. В виду этого рабочие должны стремиться к коренному изменению теперешних экономических отношений; такое коренное изменение состоит в следующем:

1) Принадлежность земли, фабрик и заводов всему народу и право каждой личности пользоваться ими;

2) Производство работ ассоциациями.

И, как вытекающие отсюда, политические изменения.

3) Государственная организация, дающая каждой личности одинаковую долю участия в управлении государством.

4) Полная свобода личности, свободы слова, сходов, союзов и печати.

5) Местные народные ополчения взамен теперешней армии...

... Рабочие при достижении своих требований должны опираться почти исключительно на свои собственные силы и силы крестьянства, а отчасти на те фракции социально-революционной партии, деятельность которых направляется к экономическому перевороту...

... Главной задачей рабочих должно быть создание рабочей боевой организации.

... В виду того обстоятельства, что теперешние политические условия не позволяют рабочим широкой пропаганды своих идей и агитации, могущих содействовать делу организации рабочих, и в виду привлечения симпатий рабочих на свою сторону и приобретения влияния на них, рабочие выдвигают на первый план своей деятельности фабричный террор...

... Политический террор—как средство, подрывающее доверие к правительственным силам и, следовательно, способствующее поднятию революционного духа рабочих и усилению смелости и бодрости их...

... Тайная агитация на почве местных интересов с целью организации рабочих для немедленной борьбы с эксплуататорами путем поджогов, убийств и пр....

... Организация на почве касс, библиотек, выписывания газет, обучения грамоте; такие организации очень удобны для социалистической пропаганды, так как в них участвуют лишь наиболее выдающиеся и надежные из рабочих и притом пропаганда ведется не с одним только лицом, а с несколькими зараз.

От „Южного Рабочего Союза" Инспектору арсеналов.

Милостивый Государь!

Так как во время вашего прошлогоднего инспектирования арсенала г. Киева Вы не обратили никакого внимания на поданную Вам жалобу рабочих на притеснения их начальства и так

как, поэтому, означенная жалоба вызвала лишь со стороны полковника Родзаевского отказ от работы некоторым из рабочих, то понятно, что рабочие не имеют теперь ни малейшего желания заявлять вам о своих нуждах лично, вследствие чего обязанность принимает на себя «Союз».

Вот притеснения, испытываемые рабочими киевского арсенала от своего начальства:

Прежде работа продолжалась десять часов, но затем, на время войны только, как об'явило начальство, было прибавлено еще два часа работы; несмотря на то, что война давно уже окончилась и рабочие просили начальство сбавить два часа работы, последнее не только не исполнило этой просьбы, но даже сбавило плату с каждой вещи.

Помощник начальника арсенала, полковник Коробков, постоянно придирается к рабочим, ругая их площадными словами; совершенно произвольно налагает штрафы от 50 к. до трех рублей, так что каждый день бывает средним числом пять человек оштрафованных; штрафует жалующихся на кого-либо из начальства, опоздавших на несколько минут на работу, не впускает в мастерскую, через что пропадает у рабочего полдня; не позволяет при уходе с работы брать щепки и негодные обрубки (как то было прежде), для чего поставил при выходе из мастерской двух дежурных, которые обыскивают рабочих и, отбирая у них щепки, ругаются и дерутся (по приказанию того же полковника); выход с работ по причине этого продолжается до часу.

Старшие мастера штабс-капитан Корчагин (кузнечного дела), надворный советник Орлов и штабс-капитан Коновалов (деревянного дела) и Данилов (слесарного дела), заведывая складом инструментов, выдают исключительно инструменты, бывшие в употреблении, часто совсем негодные, требуя при расчете сдачи новых, вследствие чего почти каждый рабочий принужден для сдачи покупать инструмент на свой счет; испорченных инструментов для ремонтировки не принимают, а заставляют или покупать на свой счет или делать, что при поштучной работе сильно уменьшает заработок; скверно обращаются с рабочими; придираются, ругаются, в особенности Коновалов. Помимо того Корчагин во время выдачи жалованья насильно удерживает с каждого молотобойца в свою пользу до двадцати копеек.

Заведующий слесарной мастерской, штабс-капитан Прохоров, самым нахальным образом грабит рабочих; делает он это так: составляя требовательную ведомость, он ставит в ней действительные заподряженные цены, в книжках же мастеровых—цену значительно меньшую против установленной, которую и выдает при расчете. Разность же между условленной и выданной ценой он вносит в книжку подмастерья, как бы в прибавку к его заработку, но на самом деле берет себе. Таких случаев не перечесть при каждом месячном расчете.

В виду вышеизложенного «Союз» требует:

§ 1. Отменить два рабочих часа, прибавленных только на время войны.

§ 2. Увеличить поштучную и поденную плату до размера, бывшего прежде.

§ 3. Разрешить при уходе брать щепки, стружки и обрубки, как это было прежде,

§ 4. Обращаться с рабочими по-человечески.

§ 5. Усилить звук свистка и подавать его утром за час с четвертью до начала работы, по причине квартирования рабочих на значительном расстоянии от арсенала.

§ 6. Опоздавшего издельного мастерового впускать в мастерскую, а не заставлять терять полдня. Работающему поденно определить опоздание до пятнадцати минут.

§ 7. Выдачу новых инструментов и замену испортившихся новыми производить из склада.

§ 8. Поименованных выше начальствующих лиц предать суду за производимые ими притеснения рабочих и принять меры к полнейшему уничтожению этих притеснений.

§ 9. Уволить от службы младших дежурных: Бутенко и Нетесу, обыскивающих рабочих при выходе, ругающих и бьющих их.

Союз предупреждает, что в случае неисполнения изложенных требований киевских арсенальных рабочих в 14-ти дневный срок, он предаст начальство арсенала своему суду и наказание не замедлит постичь виновных.

Затем, «Союзом» была выпущена вторая прокламация от 24 октября 1880 г., адресованная начальству киевского арсенала.

От Южного Рабочего Союза.

Начальству Киевского арсенала.

Арсенальное начальство, получив первое заявление Союза, поспешило удовлетворить следующие требования рабочих: уменьшило рабочий день на два часа, устранило Прохорова от выдачи жалованья рабочим, увеличило время на опоздание.

Ввиду этого, Союз, не желая прибегать без крайней необходимости к кровавым мерам, предлагает еще раз начальству арсенала удовлетворить нижеследующие требования рабочих:

1. Увеличить поденную плату до размера, бывшего по первое октября; поштучную же—согласно требованиям рабочих.

2. Выдавать рабочим инструменты положенной казной стоимости, а не самого низшего достоинства, как теперь, и переменять их по требованию рабочих, а не по усмотрению мастера, которому выгоден возможно больший срок пользования инструментом.

3. Дозволить рабочим брать с собой щепу, негодные обрезки, стружки и т. п., как было прежде.

4. Платить работающим в кузнечной мастерской поденщикам по 80-ти коп. в день из казны, а не из заработка мастеровых.

5. Усилить звук свистка и подавать первый свисток за час до начала работ.

6. Только за воровство штрафовать рабочих.

7. Уволить со службы за наушничанье и придирки к рабочим Бутенко и Нетеса.

8. Заявить в полицию, что арсенальным рабочим взамен паспортов начальство выдает известной формы жестяные номера—мера необходимая для устранения неправильного задержания рабочих полицией за неимение при себе паспортов.

9. Не взыскивать за потерю вышесказанного номера по 25 копеек.

10. Выпускать рабочих по окончании работ без всякой задержки у ворот, без ругани и побоев.

Союз предупреждает, что в случае неисполнения указанных выше требований он вынужден будет привести в исполнение угрозу первого заявления Рабочего Союза Арсенальному начальству...

II. Восьмидесятые годы.

1. Первые шаги русской социал-демократии.

В 1883 г. за границей образовалась социал-демократическая группа «Освобождение Труда» (Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч, В. Игнатов), занявшаяся распространением марксистских идей. Руководитель группы, Г. В. Плеханов, как видно из его статей в «Земле и Воле» (см. выше документ на стр. 117—120), уже в период своего бакунизма высоко ценил учение Маркса и занимался пропагандой среди рабочих В его тогдашнем мировоззрении были начатки материалистического понимания истории, в смысле признания вслед за Бакуниным экономики основой общественного развития, а народной массы главной деятельной силой грядущего прогресса. Но роль политики он тогда отрицал. К «Народной Воле» Плеханов не примкнул в виду признания ею руководящей основой общества политики, а главным фактором революции интелигенции. Работа среди рабочих, потом эмиграция и изучение марксизма сделали Плеханова приверженцем этого учения. Признавая экономику основой, он понял нелепость противопоставления ей политики, а в разношерстной народной массе отметил пробуждающийся к борьбе рабочий класс.

Б) ПРОГРАММА СОЦ.-ДЕМ. ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» [1].

Нижепечатаемая «программа» была составлена Г. Плехановым (1884 г.).

Группа «Освобождение труда» задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской рабочей социалистической партии.

---

[1]) Примечание. Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами, как нечто совершенно законченное, неподлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы ввести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях.

1. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

2. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает материальную возможность такой организации, но и делает ее необходимою и неизбежною для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

3. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов—путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов—путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче,—устраняя борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами,—она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековой период этой борьбы за существование, в качестве его орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ—именно, государства, как политической организации, противостоящей обществу и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части.

Точно также и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа «Освобождение Труда» также признает великие принципы бывшей «Международной Ассоциации Рабочих» и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

4. Внося сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость, заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством.

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляет необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне демократическое государство может совершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплуататоров.

Совершаясь на началах «Международной Ассоциации Рабочих», организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. «Пролетариат каждой страны, естественно, должен, прежде всего, покончить с своей собственной буржуазией». Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразоваться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а следовательно и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных,—как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа — остатков старых, добуржуазных общественных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического накопления, а местами — в наших промышленных центрах—оно испытывает уже гнет капиталистического производства, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает,—как говорил когда-то Маркс о западе Европейского континента,—не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который не способен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1. Право быть избирателем и избираемым, как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, неприговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности [1]).

[1]) Примечание 2. К числу таких действий могут быть отнесены, например, подкупы при выборах, вопиющие притеснения нанимателем своих работников и т. п.

2. Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3. Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5. Свободу передвижения и занятий.

6. Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения [1]).

7. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8. Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Но цель эта остается недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна немедленно взяться за организацию рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудящегося населения России, в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и притом самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа «Освобождение Труда» полагает, что главнейшими пунктами экономического отдела рабочей программы должны быть требования:

1. Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.

---

[1]) Примечание 3. Этот пункт логически заключается в § 4, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, напр., евреи, не пользующиеся даже теми жалкими «правами» которые предоставлены другим «обывателям».

2. Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3. Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

4. Государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочим, кустарями и т. д.).

Группа «Освобождение Труда» убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

В виду этого, группа «Освобождение Труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение Труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Нар. Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.

Группа «Освобождение Труда» нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой этого населения, каким являются промышленные рабочие.

Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что распре-

деление сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение, и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Освобождение Труда» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старания, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

Б. ИЗ БРОШЮРЫ Г. ПЛЕХАНОВА «СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА» (1883 г.).

... Единственною нефантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России— с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая, вместе с «правами человека», обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма. И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы было бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов, действительно, «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем, другая, менее пугливая и более трезвая, часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической

зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать таким образом народу возможность политического развития и воспитания, а себе — право открытого обращения к нему со своей проповедью и открытой организации его в особую партию.

Но этого мало. Вернее, это недостижимо без одновременной деятельности другого рода и в другой сфере. Без силы нет и права. Всякая конституция — по прекрасному выражению Лассаля — соответствует или стремится придти в соответствии с «реальными, фактическими отношениями силы, существующими в стране». Поэтому наша социалистическая интеллигенция должна позаботиться о том, чтобы еще в до-конституционный период изменить эти фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса. В противном случае падение абсолютизма далеко не оправдает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами. Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совсем истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться в «исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.

К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его

политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой програмиы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, например, радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства, государственная помощь производительным ассоциациям и т.п. Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков...

В. ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ Г. ПЛЕХАНОВА «НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ» (1884 г.).

... Ни для кого не тайна, что наше революционное движение находится теперь в критическом периоде. Террористическая тактика «Народной Воли» поставила перед нашей партией целый ряд в высшей степени жизненных и важных вопросов. Но, к сожалению, они до сих пор остаются неразрешенными. Находившийся у нас в обращении запас бакунистских и прудонистских теорий оказался недостаточным даже для правильной постановки этих вопросов. Выгнутая прежде в одну сторону палка перегнулась теперь в другую. Прежнее, лишенное всякого основания отрицание «политики» уступило место столь же мало основательной уверенности во всемогуществе конспираторского «политиканства». Программа петербургской «Нар. Воли» была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верой в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизмененными, и только практические выводы оказались диаметрально противоположными прежним. Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России.

... Наша революционная молодежь находится в нерешительном, колеблющемся состоянии, она изверилась в старые способы действия, а множество возникающих в ее среде новых программ и теорий показывает, что ни одна из них в частности не в состоянии охватить всех действительных интересов и всех насущных задач нашего движения. Скептицизм вступает в свои права, «Народная Воля» утрачивает свое прежнее обаяние. Три с лишним года, протекшие со времени дела 1-го марта, характеризуются упадком революционной энергии в России. Нельзя оспаривать это печальное явление. Но многие и многие об‘ясняют его, как мне кажется, слишком поверхностным образом. Говорят, что наше движение ослабело под влиянием правительственных преследований. Я слишком верю в «своевременность» русской революции, чтобы удовольствоваться таким шаблонным об‘яснением. Я думаю, что потенциальная энергия русской революции огромна, непобедима, и что если реакция и поднимает голову, то лишь потому, что мы не умеем перевести эту потенциальную энергию в кинетическую. Общественные задачи современной России не могут найти удовлетворительное решение в традиционной, заговорщицкой программе бланкизма. Мало-по-малу эта избитая программа превратится в Прокрустово ложе русской революции. Ее призрачным, фантастическим целям будут один за другим принесены в жертву все те способы действия, все те элементы движения, которые составляли его силу, обусловливали его влияние. Террористическая борьба, агитация в народе и обществе, возбуждение и развитие народной самодеятельности — все это имеет для бланкиста лишь второстепенное, подчиненное значение. Его внимание сосредоточено прежде всего на заговоре с целью захвата власти. Он не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму. Он старается лишь скомбинировать готовые уже общественные силы. Он не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; он просто заменяет историческое развитие своей конспираторской сноровкой. А так как рост революционных сил в России еще далеко не закончен, так как они находятся еще в процессе des Werdens, то это насильственное прекращение их развития должно иметь очень вредные последствия, упрочивать существование реакции, вместо того, чтобы служить делу прогресса. В этом случае может произойти одно из двух. Или

будущее русской революции окажется поставленным на карту самого несбыточного изо всех—«социально-революционного» заговора,—или из недр оппозиционной и революционной России выдвинется новая сила, которая, отодвинув на задний план «партию Народной Воли», возьмет в свои руки дело нашего движения.

Для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов. Это сразу лишило бы их всего прежнего влияния и на долгие годы опорочило бы создание социалистической партии в передовых слоях народа. Вот почему мы и указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции, как я назвал его в своей брошюре, эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу...

... Между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности. Поэтому мы ни в коем случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени. К тому же мы наперед готовы признать, что она заключает в себе многие «недостатки и непрактичности», как всякий первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений. Но дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам н а п р а в л е н и е, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они смогут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что «наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции». Наша программа еще должна быть закончена и закончена там, на месте, теми самыми кружками рабочих и революционной молодежи, которые станут бороться за ее осуществление. Поправки, дополне-

ния, улучшения этой программы совершенно естественны, неизбежны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаем ее с нетерпением, и уж, конечно, не станем, как Фамусов, затыкать перед нею уши.

Представляя действующим в России товарищам этот первый опыт программы русских марксистов, мы не только не желаем соперничать с «Народной Волей», но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия «Народной Воли» обязана стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время.

---

2. Из программы «Партии русских социал-демократов»—группы Благоева.

Группа Благоева возникла в Петербурге зимою в 1883—84 г.г. Убедившись, что народничество не может быть научно обосновано, Благоев обратился к изучению Маркса и Лассаля и образовал свою группу из студентов и рабочих, примыкавших к чернопередельцам. Программа группы, (автором ее первоначального проекта был член группы П. А. Латышев), как не вполне свободная от народнической точки зрения, не была одобрена «Группой освобождения труда» и тогда благоевцы присоединились к «Группе освобождения труда».

В 1887 г. Благоев был арестован и выслан, как болгарин, за границу. Вскоре после того вся группа была разгромлена арестами.

В настоящее время в среде русского народа революционные элементы уже существуют и растут; это—безземельный пролетариат. Благодаря прогрессивному развитию кулачества и капитализма, пролетариат будет необходимо расти и размножаться; с другой стороны, затруднения для развития русской промышленности, закрывая ему поле труда, будут вызывать в его среде постоянное брожение. Нельзя еще предсказать, в какие формы выльется это народное движение, но наше дело урегулировать по мере возможности ход революции, направить ее материальную силу путем наиболее продуктивным, путем сочетания крестьянской революции с политическим движением рабочих и интеллигенции в центрах.

Главную массу населения составляет у нас крестьянство. В его среде существует взгляд на землю, как на достояние государства (земля божья, да царская), и идет аграрное движение в смысле борьбы с частным землевладением. Общая цель нашей работы в данной среде должна заключаться в том, чтобы внести свет и понимание в социальное движение народа, указать ему наиболее разумные и практичные формы требований, которые он должен пред'явить государству, и те пути, которыми должна итти борьба.

Отрицая возможность широкой боевой организации в крестьянской среде, мы видим свою ближайшую задачу в том, чтобы упрочить связь интеллигенции, социализма с народом. Это возможно лишь путем организации местных групп из интеллигенции и подготовленных к этому в городах рабочих, с целью привлечения к себе наиболее подходящих элементов из крестьян и постановки на ноги самостоятельной народной пропаганды. В отдельных случаях крестьянских волнений или аграрного террора инициатива должна принадлежать самому населению; наше дело будет только указать наилучшие приемы и возможные результаты, содействовать осуществлению готового стремления, когда оно справедливо и потому имеет воспитательное значение.

В среде городских рабочих, проведя те же идеи, что и среди крестьян, мы должны обратить особенное внимание на их политическое воспитание, так как они представляют для этого элемент наиболее подходящий. Та часть рабочих, которая возвращается в деревню, достаточно подготовленная и снабженная подходящей литературой, послужит лучшим проводником революционных идей и политического развития в крестьянскую среду. Те же рабочие, которые остаются в центрах, должны послужить ядром грядущей политической силы народа. Атмосфера политических интересов, созданная в их среде, послужит им необходимою школою политического воспитания. Но активное их выступление на поприще политической борьбы желательно не ранее, чем будут подготовлены такие рабочие группы по всем крупным центрам, не ранее, чем они составят значительную силу; иначе все частные попытки будут легко раздавлены и поведут к деморализации и непроизводительной затрате сил. Поэтому в случае отдельных волнений среди рабочего населения, а также в случае стачек, проявлений фабричного террора и т. д., мы относимся, как и к подобным же явлениям в крестьянской среде.

В армии пропаганда среди солдат возможна лишь в ограниченных размерах—путем проникновения в их среду подготовленных рабочих и путем воздействия офицеров на отдельные приближенные личности из солдат. Но большое внимание должно быть обращено на самих офицеров в том расчете, что они своим нравственным влиянием и властью даже без предварительной пропаганды в момент действия окажут давление в желательную сторону.

В среде привилегированных классов и интеллигенции наше внимание должно быть обращено на пропаганду наших идей и привлечение новых сил. Силы свои мы не будем сосредоточивать воедино, в одном пункте, а будем стараться организовать их в местные провинциальные и городские центральные группы. Группы эти должны организоваться между собой в смысле взаимной поддержки, обмена сведений и постановки литературного дела. Для удобства этих сношений—регуляции свободных денежных средств, направление людей в желательные и доступные местности, редактирование руководящего органа—необходим известный центр с представителями от местных групп. Но он не должен являться принудительной властью, его функция только распорядительная, местные группы сохраняет полную самостоятельность.

Остается еще сказать о нашем отношении к существующим направлениям и программам.

Признавая желательность и пользу требований либералов относительно ограничения всех форм правительственного произвола, мы относимся отрицательно к оборотной стороне либеральной конституции—к покровительству имущим классам в ущерб народу. Центральный захват власти с нашей точки зрения может иметь прочное значение только тогда, когда он является завершением общенародной революции крестьян и рабочих, но не тогда, если он совершается путем предварительного заговора военного или какого иного.

Относительно политического террора, как системы вынуждения уступок у правительства, мы должны сказать, что при настоящих условиях, — при отсутствии прочной рабочей организации, могущей непосредственно поддержать эффект терро-

ристического факта, — мы не признаем продуктивности террора в том смысле и будем его практиковать лишь в следующих случаях:

1) Когда само население намечает жертвы из среды администрации.
2) Когда жертвы намечаются партией из лиц высшей администрации и их гибель не может вооружить против себя общественного мнения и недовольства народа.
3) В случае самозащиты от шпионов.

2. Стачечное движение.

А. Ельницкий.

Наступивший в 1881 г. застой в промышленности, усилившийся еще более в связи с общеевропейским кризисом, продолжался вплоть до 1887 г. и наложил свою печать на характер рабочих стачек в эти годы. Под влиянием заминки в сбыте товаров большинство фабрик и заводов стало усиленно сокращать производство, выбрасывая рабочих десятками тысяч на улицу и обрекая их на неизвестные до того времени в России бедствия. Мы не располагаем полными сведениями о размерах безработицы в эти годы, но их достаточно иллюстрируют следующие отдельные цифры: в г. Варшаве летом 1882 г. число безработных достигло 20.000 чел.; в г. Ржеве, Тверской губ., и его окрестностях осталось без работы до 12.000 прядильщиков пеньки; в м. Клинцах, Черниговской губ., рассчитано было 40% рабочих; в Александровском уезде, Владимирской губ., одних рабочих, занятых размоткой шелка, без работы было до 9.000 чел.; в Петербурге только на четырех фабриках из 6.700 рабочих было уволено 4.300 человек; в Костромской губ. число рабочих сократилось на $^1/_3$. Одновременно с ростом безработицы, которая, судя уже по этим данным, должна была охватить не менее 25% всех рабочих, шло такое же интенсивное сокращение заработной платы, падающей почти повсеместно от 20 до 30%; местами же это понижение достигало 40 и 50%, а в районе с. Павлова заработок кустарей упал с 2 р. 50 коп. до 80 коп. в неделю, т.-е. понизился больше, чем на $^2/_3$.

Да кроме того, помимо открытого понижения платы, широко практиковалось предпринимателями и скрытое сокращение заработка путем систематического увеличения штрафов и всякого рода вычетов. Если и до этого кризиса положение рабочих в 80-е годы было достаточно безотрадно, то можно себе представить, до каких пределов оно доходило в период застоя промышленности. Поэтому и борьба рабочих в эти годы почти исключительно направлена против штрафов и понижения расценок; стачки отличаются крупными размерами, многочисленностью участников и остротой формы; во многих случаях они сопровождались фабричными погромами.

В 1882 г. крупные стачки происходили: на Пермском пушечном заводе из-за непомерных штрафов, сбавок заработной платы и грубости вновь назначенного мастера, на фабрике Дербенева, в Иваново-Вознесенске, из-за больших штрафов и плохой основы: фабрикант приобрел плохую основу, которая постоянно рвалась; необходимо было все время останавливать машину, терять время и заработок. Стоит только не доглядеть, как оборвавшаяся нитка дает «блин», за который полагался штраф в 20 коп., а при двух блинах—рабочий лишался всего своего дневного заработка.

Интересна стачка евреев-ткачей на ткацкой фабрике Суражских, в Белостоке, вспыхнувшая в декабре 1882 г. из-за понижения заработной платы. Участие в ней приняло всего 70 еврейских семей, работавших на этой фабрике, но ее следует отметить, как пример стойкой солидарности и поддержки, нарождавшейся в рабочей среде.

Рабочие-евреи всех других фабрик Белостока решили поддержать стачечников, отчисляя в их пользу по 50 коп. в неделю. Немцы-ткачи отказывались наниматься на места уволенных стачечников, а затем, когда стачка затянулась, также стали уделять часть своего заработка для поддержки забастовавших. Благодаря этой организованной поддержке хозяева принуждены были уступить, и стачка привела к полной победе рабочих.

Еще более поучительна, как пример сознательности и организованности рабочих, стачка тех же белостокских ткачей летом 1887 г.; стачка носила перемежающийся характер: пока одни мастерские бастовали, другие работали, поддерживая своим заработком бастующих; таким путем ткачам, действительно, удалось добиться повышения заработка.

В 1883 и 1884 г.г. крупные рабочие волнения и стачки происходили на паровозостроительном заводе Николаевской ж. д. в Москве, в Полтавских железнодорожных мастерских, на табачной фабрике Бостанжогло, на механическом заводе Малкиеля в Москве, на Жирардовской мануфактуре в Царстве Польском. Причины рабочих волнений были все те же: грубость администрации, произвольные штрафы, понижение заработной платы.

На Вознесенской мануфактуре рабочие прекратили работу дважды: первый раз в феврале 1883 г., вторично в ноябре 1884 г., оба раза вследствие сокращения работ. В 1883 г. администрация фабрики из-за застоя в делах сократила рабочий день на несколько часов. Так как заработная плата была сдельная и сокращение рабочего дня отразилось на размерах заработка, рабочие усмотрели в этом нарушение условий найма и забастовали, в количестве 3.000 человек.

В 1884 г. администрация фабрики по тем же причинам решила сократить число рабочих дней в неделю сперва до 5, а потом и до 4-х. Рабочие снова заволновались; предварительные переговоры ни к чему не привели, и 11 декабря вспыхнула стачка, сопровождавшаяся буйством рабочих, порчей фабричного имущества и оскорблением администрации фабрики.

Местные рабочие, составлявшие большинство на фабрике, вели себя во время стачки более мирно, пришлые же рабочие оказались наиболее несговорчивыми; 115 человек из них были арестованы и отправлены в Москву, в пересыльную тюрьму. Стачка все-таки окончилась уступками администрации фабрики.

Не мало волновались за эти годы и железнодорожники. На Варшаво-Венской жел. дор. дело не ограничилось стачкой, и рабочие железнодорожных мастерских произвели уличные беспорядки. Такие же беспорядки происходили в Брестских жел.-дорожных мастерских, в Николаевских мастерских в Москве, в железнодорожных мастерских Борисоглебска и Полтавы. Крупные волнения, происходившие также на Жирардовской фабрике, закончились кровавыми столкновениями рабочих с войсками. В марте 1883 г. на фабрике был введен упрощенный способ наматывания пряжи на катушки, чем воспользовалась администрация фабрики, поспешившая сбавить плату на $^1/_2$ — 1 коп. с мотка. Работницы-катушечницы, в числе 60 человек, ответили на это понижение платы стачкой. К ним вскоре присоединились рабочие других отделе-

ний мануфактуры, выставив требование повышения заработной платы, отмены штрафов, сокращения рабочего дня на 1 час. и т. д.

Среди рабочих были произведены аресты; вечером того же дня рабочие собрались большой толпой у гминного управления, где содержались 10 человек арестованных их товарищей, требуя их освобождения. В охранявших арестантскую солдат полетели камни; солдаты сперва ответили холостым залпом, а затем стали стрелять боевыми патронами. В результате трое рабочих убито и пять человек ранено.

Эти жертвы всколыхнули всю рабочую массу, большая часть коей до того момента не принимала участия в забастовке. На следующий же день прекратили работу все 8.000 рабочих, занятых на мануфактуре. Стачка прошла очень бурно, рабочие выпустили из чанов воду, приводившую в движение машины, чем нанесли фабрике убыток в 60.000 рублей.

В следующем году волнения на Жирардовской мануфактуре повторились снова.

В 1885 г. крупные волнения рабочих разразились в Иваново-Вознесенске из-за введения двух смен, по 9 ч. каждая, вызванного законом о запрещении ночных работ для женщин и подростков. При существовании на Иваново-Вознесенских фабриках сдельной заработной платы сокращение рабочего дня повлекло за собой уменьшение заработка.

24 сентября сразу забастовали рабочие пяти фабрик, добиваясь повышения расценок. Администрация быстро пошла на уступки, повысив на 15% расценки, да, кроме того, повысилась интенсивность труда рабочих вследствие сокращения рабочего дня.

В ноябре 1885 г. прекратили работы рабочие фаянсовой фабрики Кузнецова, в Тверской губ. Поводом к стачке послужило следующее обстоятельство: при увольнении двух рабочих с них было взыскано за прогульные дни в три раза больше обычного.

Общий уровень рабочих, занятых на этой фабрике, был довольно низок, но описанный случай произвола произвел на них сильное впечатление. Под влиянием слухов о борьбе рабочих в других местах, начались разговоры о забастовке. На следующий же день в одном из трактиров состоялось собрание рабочих, на котором присутствовало до 100 человек. Решено было об‘явить стачку, причем в знак присоединения к забастовке участники собрания складывали свои полушубки в общую кучу.

Стачка началась на следующий день и протекала стихийно и бурно. Рабочие разгромили фабричную лавку, перебили стекла и посуду на фабрике. Когда полиция арестовала 3 рабочих, собралась толпа в 500 человек и освободила арестованных. Дело закончилось судом и арестами. Суду были преданы 41 человек. 27 человек из них суд оправдал, а 14 человек приговорил к тюрьме на разные сроки от 2-х до 8-ми месяцев.

Еще более крупные волнения, приблизительно в то же время, разразились на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве...

Требования, выставленные рабочими при начале стачки 7 января, были многочисленны и охватывали все стороны положения рабочих на фабрике.

Рабочие требовали:

1. Чтобы фабрика возвратила рабочим все штрафы, начиная с пасхи 1884 г., удерживая лишь по 5% с заработанного рубля.

2. Чтобы были восстановлены заработные цены, существовавшие в 1881 — 1882 г. г., так как нынешние цены не дают рабочему возможности содержать семью и исправно платить казенные повинности.

3. Увольняемых по желанию хозяина рабочих рассчитывать по срок найма, т. е. по пасху 1885 г.

4. Чтобы штрафы не превышали 5% с заработанного рубля и чтобы рабочий штрафовался не более 2 раз в месяц и обязательно предупреждался о плохой работе.

5. Чтобы вычеты за прогул не превышали 1 рубля и чтобы хозяин сам платил за прогульные по его вине дни, причем каждый прогульный час записывался бы в расчетные книжки.

6. Чтобы изменены были условия найма по законам.

7. Чтобы полный расчет производился по заявлению за 15 дней, причем хозяин должен тоже предупредить за 15 дней о расчете.

8. Чтобы определение доброкачественности товара происходило при свидетелях от рабочих.

9. Чтобы уплачивалось за все излишне сработанное и принимался во внимание вес и плотность товара.

10. Чтобы до расценки новых работ рабочим было позволено освоиться с ними и выяснить цену их.

11. Чтобы был учрежден контроль для уравнения платы.

12. Чтобы рабочие были удовлетворены за прогул со дня прекращения работ, происшедшего по вине хозяина.

13. Чтобы были выданы харчи, так как деньги за харчи уже вычтены, и чтобы не задерживалась уплата заработанного.

14. Чтобы жалованье выдавалось не позже 15-го числа каждого месяца или в ближайшую за этим числом субботу.

15. Чтобы допущен был свободный выбор старост.

16. Чтобы были уволены неприятные для рабочих служащие и рабочие.

Следует признать, что все эти требования были очень продуманны и отнюдь не чрезмерны. Так, напр., рабочие добивались только восстановления заработной платы, существовавшей в 1881 г. (т.-е. 56 к. в день), которая к 1885 г. была понижена фабрикой до голодного уровня 42 коп. в день. Также справедливо было возмущение рабочих произвольными штрафами и требование ограничить их 5% заработка: по свидетельству одного из мастеров, удаления коего рабочие добивались, штрафы с'едали до 30 и даже 50% заработка рабочего; кроме того, обычно они накладывались без об'яснения причин и, как общее правило, в отсутствии штрафуемого рабочего...

К 13 января стачка пошла на убыль и совершенно прекратилась 20-го января. Всего было выслано до 800 человек рабочих. Кроме того 33 чел. были посажены во Владимирскую губернскую тюрьму и преданы суду; суд над арестованными происходил даже дважды: по обвинению в стачке 17 человек из них были приговорены к аресту от 10 дней до 3 месяцев, а по обвинению в грабеже, сопротивлении властям и нападении на воинский караул—все обвиняемые были оправданы. Волков и Моисеенко *) по отбытии тюремного заключения были сосланы в административном порядке: первый—в Вологодскую губ., а второй—в Шенкурск на 5 лет. Оправдательный приговор, вынесенный орехово-зуевским рабочим присяжными заседателями, реакционный публицист „Московских Ведомостей“ назвал „салютом рабочему вопросу в России“.

Рабочие же в результате стачки добились многих уступок, в том числе удаления наиболее ненавистного мастера и возврата штрафных денег.

Начиная с 1887 г., когда промышленный кризис был изжит, число стачек сразу упало; отчасти на уменьшение стачек повлияло издание правительством ряда фабричных законов, запретивших

*) Руководители стачки.

наиболее грубые виды эксплуатации, и введение фабричной инспекции. Кроме упомянутых выше стачек за эти годы наиболее крупные волнения были на фабрике Максвеля в Петербурге, окончившиеся поражением рабочих, на костромской фабрике Зотова из-за понижения расценок, и в Иваново-Вознесенске, направленные против ночных работ.

Размеры, какие в 80-е годы приняло рабочее движение в России, заставили правительство серьезно задуматься над необходимостью приступить к урегулированию рабочего вопроса. Правда, правительственная реакционная печать стремилась отрицать серьезное значение за всеми выступлениями рабочих, вроде описанных выше. „Московские Ведомости", например, писали по поводу стачек 1884—1885 г. г.: „Никакого рабочего вопроса у нас, слава богу, нет, но, если такое положение дел, такая слабость и безответственность будут продолжаться, то явится, пожалуй, и рабочий вопрос, но только в иной форме, нежели на Западе. Нельзя же не видеть, что население развращается вследствие слабого действия власти. Своеволие начинает входить в права и обычаи".

Более же вдумчивые представители правительственной власти и тогда уже поняли, что едиными голыми репрессиями рабочего вопроса разрешить не удастся. В бурном грохоте поднимавшихся со всех концов России волн пролетарской борьбы они правильно почуяли опасные ноты протеста против всего общественного уклада русской жизни и поспешили осуществить целый ряд мероприятий, направленных к улучшению положения рабочих на фабриках и заводах.

III. Девяностые годы.

1. Расцвет промышленности и рабочее движение в 1893—1899 г. г.

К. И. Шелавин.

Расцвет российской промышленности, непрерывно продолжавшийся с 1893 г. по 1899 г., раз навсегда решил вопрос: пойдет ли Россия путем развития капитализма или «настоящего капитализма» у нас не будет (как в свое время полагало революционное народничество)?

Факты удостоверили, что у нас утвердился самый подлинный капитализм. За девяностые годы было основано до 6.000 фабричных и ремесленных предприятий. Население городов с 1863 по 1897 г. увеличилось на 97 процентов.

Число рабочих на фабриках и заводах с 1.318.000 в 1887 г. в 1897 г. дошло до 2.098.000.

Вместе с этими цифрами, характеризующими промышленный под‘ем 1893—1899 г., необходимо сопоставить таблицу стачечного движения.

В стачках участвовало: в 1894 г.—17.000 рабочих; 1895—48.000; 1896—67.000; 1897—102.000; 1898—87.000 и 1899—130.000.

Следовательно, за шесть лет стачки охватили собою 452.000, а с рабочими мелких ремесленных заведений—не менее 500.000 рабочих.

Из этого числа главная масса падала на текстильщиков—177.000 и металлистов—107.000. При этом большая половина стачек приходилась на крупные промышленные предприятия.

Рабочее движение в 1894—1899 г.г. приняло в России впервые характер общеклассового движения. Если в прежние годы лишь намечалась борьба за уменьшение рабочего дня, если велась борьба против понижения заработной платы, против вопиющего беззакония со стороны администрации, то в рассматриваемое нами

время борьба имела определенную цель: действительное изменение условий жизни пролетариата в области действительного уменьшения рабочего дня, увеличения заработка, охраны труда и т. п.

По преимуществу борьба рабочих велась в рамках отдельной фабрики или завода.

Случаи единовременного выступления рабочих целого производства или целого района были немногочисленны.

Вовсе не было одновременной забастовки целой отрасли промышленности во всей стране (напр., всеобщей забастовки металлистов и т. п.).

Главною победой стачечного движения должно считать правительственные законы, главнейшим из которых является закон 2 июня 1897 г. Кроме ограничения рабочего времени всех рабочих $11^1/_2$ часами в сутки, он определял максимальное рабочее время для ночных работ в 10 часов и ограничивал сверхурочную работу (120 часов в год, с согласия рабочих).

Однако,—и на это надлежит обратить внимание,—единообразие требований и лозунгов рабочей борьбы, несмотря на разрозненные выступления, достигалось на этот раз повсеместной единообразной агитацией социал-демократов.

Из стачек второй половины 90-х годов мы остановимся лишь на петербургской стачке текстильщиков 1896 г., ибо стачка эта наиболее массовая и яркая. Под влиянием, главным образом, этой стачки заработала государственная законодательная машина. В петербургской стачке ярко проявляется руководство со стороны социал-демократии. Оно отмечено и правительственным сообщением в № 158 «Правительственного Вестника».

Сообщение, удостоверяя факт появления множества листков к рабочим, выпущенных «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (социал-демократическая организация, речь о которой будет ниже), с «достоверностью» предполагает, «что сочинители этих листков пытались воспользоваться уже совершившимися стачками с целью придать им социальный характер и в этом смысле руководить рабочими».

После этого суконного «предположения», упомянув о том, что «листки наполняются возмутительными наущениями против капиталистов, правительственных установлений и государственной власти», правительственное сообщение раз'ясняет — кто же такие «сочинители» листков. Оказывается: «не ограничиваясь рабочими,

авторы листков обращаются к обществу, приглашая примкнуть к русским социал-демократам».

Стачке текстилей 1896 г. в Петербурге предшествовали отдельные стачки по фабрикам, начиная с торнтоновской стачки в ноябре 1895 г., когда, кстати сказать, и появились первые социал-демократические листки.

Злоупотребления фабрикантов—в самом прямом смысле этого слова—были в 1895 г. еще очень велики, и от времени 70-х годов российские нравы далеко не уехали.

Но разоблачение в массовых листках стало действовать на господ фабрикантов. Фабриканты порою уступали, а отсюда росло уважение рабочих к листкам, и в то же время пробуждалось желание дальнейшей борьбы.

В середине 1896 г. атмосфера создалась накаленная; особенно волновались ткачи, положение которых, по сравнению с заводскими рабочими, было гораздо хуже.

С.-д. листки «Союза борьбы» пришли на помощь рабочим, открыто поговаривавшим о том, что пора-де дружно подняться на борьбу. Листки помогли рабочим продумать и свести свои требования и, главное, раз'яснили недостаточность разрозненной борьбы и необходимость совместного выступления.

Когда большинство фабрикантов отказалось заплатить рабочим за коронационные дни (праздники в честь коронации Николая II 14 мая 1896 года устроили из-за верноподданических чувств сами фабриканты), то это обстоятельство послужило тем внешним толчком, с которого и пошло движение.

Началось с Большой Екатерингофской мануфактуры. Собрание 100 делегатов в Екатерингофском парке вручило с.-д. «Союзу борьбы» требования, общие для всех рабочих бумагопрядилен. «Союз борьбы» немедля издал их особою листовкою—«чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен» и в огромном количестве распространил по Петербургу.

Рабочие требовали: 1) рабочего дня от 7 утра до 7 вечера вместо существовавшего от 6 утра до 8 вечера, 2) на обед—1½ часа и, следовательно, рабочего дня в 10½ часов, а не в 12, 3) повышения расценок на 1—2 копейки, 4) шабашу в субботу в 2 часа, 5) правильного пуска машин, 6) правильной выдачи заработка и 7) уплаты «коронационных денег».

23 мая 1896 г. началась стачка. Одна за другой остановились «Российская мануфактура» на Обводном, Екатерингофская, Митрофаниевская, Триумфальная, Кенига, Кожевникова, Новая и т. д.

В конце концов, почти все питерские бумагопрядильни прекратили работу. Количество забастовавших текстилей определялось до 40.000 человек. На фабриках и заводах остальных производств рабочие волновались и начали производить отчисления в пользу забастовавших.

С.-д. «Союз борьбы» все время руководил стачкою, выпуская целый ряд листков и стараясь придать стачке организованные формы. Стачка протекала в высшей степени спокойно и дисциплинированно, поражая всех выдержкой рабочей массы.

Прошло около двух недель. Несмотря на жестокую нужду, рабочие не сдавались. 10 июня градоначальник известил рабочих своим «листком»-об'явлением, расклеенным по фабрикам и заводам, что «претензии рабочих будут рассмотрены чинами фабричной инспекции», если рабочие станут на работу. Однако, это не подействовало и 15-го июня с воззванием выступил сам министр финансов С. Витте. Витте уверял рабочих, что рассмотрит их требования, ибо правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих.

Нужда рабочих все увеличивалась. Кое-где обещание правительства подействовало. Кое-где пообещали уступить фабриканты,— и к 18 июня, т.-е. через 26 дней, стачка петербургских текстилей совсем прекратилась.

Но так как к новому 1897 г. никакого правительственного закона о рабочих не вышло, ибо он еще «разрабатывался» и с разработкою не спешили, а рабочие ждали закона именно к 9 января, то в начале января забастовали рабочие фабрики Максвеля, а к 10 января 1897 г. снова уже бастовало 18.000 ткачей, к которым примкнул и Александровский чугунный завод.

Тогда-то петербургским фабрикантам было разрешено сделать уступки немедленно, рабочим обещано было, что с апреля будет введен закон, и, наконец, через 5 месяцев появился закон 2-го июля 1897 г.

Питерская стачка 1896—1897 г., несомненно, имела огромное значение, заложив в сознание рабочих основы единства рабочего класса. Участие и руководство социал-демократии создало единообразие движения.

2. Программа «группы Бруснева».

Социал-демократическая группа, называемая по имени одного из ее руководителей Бруснева, об'единила несколько рабочих групп, организованных как самими рабочими, так и интеллигентами. Первоначально она действовала, не имея программы, склоняясь на сторону народовольцев, но потом приняла социал-демократическую программу (1891 г.).

ПРОГРАММА ВРЕМЕННОГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

1) Убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социал-революционной организации.

2) Мы глубоко убеждены в том, что лишь целостное воплощение социалистического идеала в общественных формах приведет человечество к осуществлению тех лучезарных идей свободы, равенства и братства, которые намечены были великой французской революцией.

3) Последователи научного коллективизма, мы утверждаем, что социалистический идеал может целостно воплотиться в общественных формах лишь в мучительном процессе экономического развития, при активном, однако, воздействии на общественные формы живой человеческой личности с ее свободной волей, направленной на осуществление ясно поставленной цели.

4) Исповедуя социализм, как политику, направленную на освобождение трудящихся классов общества, мы утверждаем, что содержание и формы этой политики определяются временем и местом.

5) Обращаясь к конкретным условиям русской действительности, мы видим злейшего врага активного социализма в строго-централизованном, построенном на началах крайнего абсолютизма, полицейском государстве с его самодержавием, в котором, как в фокусе, сосредоточиваются бесконечные муки несчастного и в то же время великого русского народа.

6) Мы глубоко убеждены, что лишь строгая политическая свобода может обеспечить народу, как совокупности трудящихся классов общества, и социалистам правильное гармоническое развитие всех их сил в направлении пропаганды идей социализма и посильного воздействия на общественные формы, а равно в на-

правлении концентрации и подготовки общественных сил к совершению социального переворота.

7) Измученные безысходными страданиями окружающего нас народа, мы непосредственно стремимся к достижению политической свободы и в ней видим первый шаг на пути целостного осуществления социалистического идеала.

8) Мы глубоко убеждены, что при современном соотношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партии при дружном содействии всех живых сил страны.

9) Стремясь к созданию боевой социально-революционной организации, мы утверждаем, что таковая может и должна быть создана на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социалима, в связи с пропагандой идей политического террора, среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата и, отчасти, среди сектантов рационалистов.

10) Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии.

К этому нас обязывают специфические особенности переживаемого нами момента общественно-экономического развития.

11) В то же время мы утверждаем, что рабочий пролетариат, идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора.

12) Признавая наступательный политический террор главным орудием борьбы с самодержавием, мы однако же утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которая обеспечит живой приток силы.

3. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.

В 1894 г. В. Ульянов-Ленин написал три статьи под указанным выше названием, в которых дал отповедь народникам, выступавшим против молодого русского марксизма.

Из трех статей сохранились лишь перван и последняя. В свое время они были воспроизведены на гектографе и благодаря этому вскоре вышли из обращения—кружки второй половины 90-х годов не знали этой работы. Лишь в 1923 г. она стала доступной широкой массе читателей.

Постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа»— фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось,» а потому, что она подвергается бесстыдному грабежу со стороны кучки эксплуататоров, что если они, наподобие страусов, спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплуататоров, то эти эксплуататоры исчезнут. И когда социал-демократы говорят им, что это позорная трусость—бояться смотреть в лицо действительности, когда они берут за свою отправную точку этот факт эксплуатации и говорят, что единственно возможное объяснение его лежит в буржуазной организации русского общества, раскалывающей массу народа на пролетариат и буржуазию, и в классовом характере русского государства, представляющего из себя ни что иное, как орган господства этой буржуазии, что поэтому «единственный выход» заключается в классовой борьбе пролетариата против буржуазии,— тогда эти «друзья народа» поднимают вопли, что социал-демократы «хотят обезземелить народ», хотят разрушить нашу народную экономическую организацию...

....Концентрация средств производства в руках меньшинства, связанная с экспроприацией большинства (наемные рабочие), и объясняет нам как зависимость мелких производителей от скупщиков (крупные промышленники и являются скупщиками), так и угнетение труда в этом смысле. Мы видим, след., что причина экспроприации трудящегося и эксплуатации его лежит в самих производственных отношениях.

Русские социалисты-народники, как известно, держались противного мнения, усматривая причину угнетения труда в кустарных промыслах не в производственных отношениях (которые об‘являлись построенными на таком начале, которое исключает эксплуатацию), а вне их—в политике, именно в политике аграрной,

платежной и т. д. Спрашивается, на чем держалось и держится это мнение, которое приобрело теперь почти уже прочность предрассудка. Не на том ли, что господствовало иное представление о производственных отношениях в кустарных промыслах? *Совсем нет. Оно держится только благодаря отсутствию какой бы то ни было попытки точно и определенно охарактеризовать данные, действительные формы экономической организации*; оно держится лишь благодаря тому, что не выделяют особо производственные отношения и не подвергают их самостоятельному анализу. Одним словом, оно держится лишь *по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно материалистического метода. Понятен теперь и ход рассуждений старых наших социалистов.*

По отношению к кустарным промыслам они относят причину эксплуатации к явлениям, лежащим *вне* производственных отношений; по отношению к капитализму крупному, фабрично-заводскому они не могли не видеть, что *там*—причина эксплуатации лежит именно в производственных отношениях. Получалась непримиримая противоположность, несоответствие оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм,—когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались) кустарных промыслов нет ничего капиталистического.

Вывод естественный: не понимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противополагают первую последней, как «народную»—искусственной. Появляется идея о противоречии капитализма нашему «народному строю,»—идея, имеющая такое широкое распространение. Держится такая идея лишь по рутине,—несмотря на всю ее феноменальную нелогичность: о фабрично-заводском капитализме составляют представление по тому, что он действительно есть, а о кустарной промышленности по тому, чем она «может быть», о первом—по анализу производственных отношений, о второй—и не пытаясь рассмотреть отдельно производственные отношения и прямо перенося дело в область политики. Стоит обратиться к анализу этих производственных отношений, и мы увидим, что «народный строй» представляет из себя те же капиталистические производственные отношения, хотя бы и в неразвитом, зародышевом состоянии,—что если отказаться от наивного предрассудка считать всех кустарей равными друг

другу и выразить точно различия в среде их, то разница между «капиталистом» фабрики и завода и «кустарем», окажется подчас меньше разницы между одним и другим «кустарем»—что капитализм представляет из себя не противоречие «народному строю», а прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его.

Может быть, впрочем, найдут неподходящим взятый пример, скажут, что в данном случае вообще слишком велик процент наемных рабочих. Но дело в том, что важны тут совсем не абсолютные цифры, а отношения, вызываемые ими, отношения, по сущности своей буржуазные, и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо....

...Остановимся несколько на том процессе, который вел к перерождению народничества. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде теория эта обладала достаточной стройностью; исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты «общинного крестьянина» и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм,—но ей недоставало теоретической разработки, подтверждения на фактах русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина, с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях, в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена главным образом на изучение той формы землевладения, в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы землевладения, совершенно загромоздил от исследователей экономику деревни. Произошло это тем естественнее, что во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых,—собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий, малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости, и загнанности крестьян. Все это

было описано, изучено и раз‘яснено с таким богатством мате-риала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих классов, а беспристрастным обсуждением «народных нужд»,—оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Наивные исследователи, верившие в возможность «переубедить» общество и государство, совершенно утонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно—политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился естественно тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалась защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях в н у т р и общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен бы послужить основанием и оплотом для устранения эксплуатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т.-е. того именного класса, на котором и покоятся эти эксплуататорские порядки.

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве,— и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее врем эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба

с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и с другой стороны получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократия. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определился, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом общинном укладе крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелко-буржуазного крестьянства.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма,—о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют «друзья народа»,—показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую свободу стоят и идеологи буржуазии,— не выясняя им исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящего населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто-бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но спрашивается, какой же смысл раз'яснять рабочему форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплуатация трудящегося об'ясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства, а хотя бы малоземельем, платежами, гнетом администрации.

Какой смысл раз'яснять рабочему теорию классовой борьбы, если эта теория не может об'яснять даже его отношений к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе «народа», не принадлежащего к сложившемуся классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма,—когда у нас

хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносилен призыву его таскать из огня каштаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и народовольцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только.... только облегчение условий борьбы.... с этой самой буржуазией. Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теории социал-демократов, обращают, однако, свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи—организации социалистической рабочей партии...

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу всего русского рабочего класса, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой это деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий—единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России.... Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной

борьбе,—требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами», для этого требуется только простое выяснение ему его положения, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными хозяйствами при самых уравнительных формах общинного землевладения), эксплуатируемый большей частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения—не та или другая личность, а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, об'единяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу.

На класс рабочих и обращают социал-демократы свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции.

4. Союз борьбы за освобождение рабочего класса в России.

Существовавшие в Петербурге кружки об‘единились зимой 1894—95 г. под флагом Союза борьбы за освбождение рабочего класса, во главе которого стояли В. И. Ленин, Г. Кржижановский, Ю. Мартов, Н. Крупская, А. Потресов, рабочий В. Шелгунов и др. Союз впервые об‘явил о своем выступлении нижеследующей прокламацией 15 декабря 1895 г. [1]).

От Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Товарищи и рабочие!

Стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших капиталистов-хозяев. С ужасом увидали они, что петербургские рабочие начинают бороться против невыносимого гнета. Под влиянием страха, товарищества Лаферм и Торнтон попытались кое-какими уступками успокоить выведенных из терпения рабочих; при виде волнения, вызванного на Путиловском заводе листками, заводское управление поспешило уменьшить об‘явленную сбавку. Сама фабричная инспекция стала тщательнее относиться к своим обязанностям, и на днях в особом циркуляре фабричный инспектор признал незаконность тех браковок, против которых поднялись мастерицы фабрики Лаферм. Но, уступив там, где опасно было не уступать, капиталисты обратились к правительству за помощью против осмелившихся пошевелиться рабочих. Верные своему долгу—оберегать интересы богачей—власти горячо принялись за дело, чтобы на будущее время избавить г.г. Торнтонов от неприятных уступок ненавистным рабочим. Как же сделать, чтобы впредь не было таких стачек? По мнению жандармов, стачки и беспорядки вызываются не нищетой и страданиями тех, чьим трудом живет все общество, по мнению их, все это—дело «подстрекателей», беспокойных людей. Еще бы. Кто, как не «подстрекатели», распространяют при каждой новой прижимке те воззвания, от одного вида которых у капиталистов дыбом встают волосы?

И вот, чтобы разом вырвать с корнем зло, в ночь с 8 на 9 декабря по всем концам города жандармы произвели набеги. Десятки подо-

[1]) См. Н. Ленин. Статьи и речи по вопросу професс. движения (изд. В. Ц. С. П. С. 1924 г.), стр. 3—7.

зреваемых людей брошены в тюрьмы, фабрики наводнены шпионами. «Порядок водворен, стачек больше не будет, листки исчезнут» — так думают капиталисты в то время, как их полицейские друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной награде за дикое усердие. Сейчас же после ареста г.г. Торнтоны выбрасывают перед праздниками на улицу несколько десятков ткачей из числа стачечников, вымещая на них свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальник любезно предлагает им единственную помощь—даровой билет на родину в голодающую деревню. Денежный кошель и полицейский мундир не знают жалости. Тем не менее стачки не прекращаются. Поговаривают о новых волнениях на фабрике Лаферм, о стачке на лесопилке Лебедева и на Сампсоньевской мануфактуре. А листки появляются попрежнему, читаются и встречают повсюду сочувствие, и Союз борьбы за освобождение рабочего класса, который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения; стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитала. Товарищи, будем же попрежнему защищать свои интересы!

Дня через 3—4 или около того Союз выпустил большой листок „Ко всем Петербургским рабочим“, в котором излагались события последних месяцев и указывалось, как ведут себя относительно рабочих капиталисты, фабричные инспектора, градоначальник и вообще полиция.

«Присмотритесь к своей жизни, товарищи,—говорится в конце листка,—и вы увидите, что условия жизни всех нас плохи. Разве не совершается уже 2—3 года постоянное, быстрое понижение платы на Путиловском заводе, разве у Максвеля не делают того же, что у Торнтона, пуская под видом нового сорта, с более дешевой оплатой труда, старый сорт ткани, разве на казенных заводах, на Балтийском, Александровском, Патронном, в Порту не уменьшают заработки тем или иным способом?

Всюду одно и то же, пусть же всюду рабочие следуют примеру своих товарищей, работающих у Торнтона, Лаферма и т. д. Нас везде норовят прижать—будемте повсюду давать отпор. Не потому ли мы до сих пор так мало боролись со своими хозяевами, что слишком еще мало столковались между собою, слишком еще мало между нами единения, слишком мало веры в то, что сообща

сумеем добиться лучшей доли, что в соединении наша сила? При каждом новом набеге наших благодетелей на наши карманы будем сговариваться о том, как дать отпор, будем бороться единодушно, не будем прекращать борьбы, пока не добьемся своего. Чтобы избежать поводов для вмешательства грубой военной силы, будем вести свою борьбу спокойно, без беспорядков и насилий.

Держитесь дружно, товарищи! Не давайте себя в обиду, и пусть всякая новая прижимка хозяев застигнет вас единодушными и готовыми бороться...

5. Начало агитационного периода и стачка текстильщиков.

(Воспоминания К. М. Тахтарева).

Весной и в начале лета 1895 года уже громко раздается протест: «Довольно кружковщины!» «У нас есть достаточное количество личностей, можно и пора перейти к агитации». После годичного мира опять начались пререкания.

— К чорту кружки. Они создают лишь умственных эпикурейцев. Нужно взамен их собирать маленькие собрания из рабочих от разных мастерских данного завода, а также представителей от соседних фабрик. На этих собраниях нужно выяснять и обсуждать свое положение, записывать о положении дел там и здесь, собирать материалы... Надо, по примеру поляков, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерским.

Так говорили одни, поддерживаемые социал-демократами интеллигентами, впоследствии положившими начало «Петербургскому Союзу Борьбы за Освобождение Рабочего Класса».

Другие же продолжали держаться кружков. Споры продолжались все лето и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенции, работавшей среди рабочих. Наконец, осенью 1895 года большинство пришло к такому соглашению: кружки можно сохранить, но тактику следует изменить сообразно назревшим потребностям времени. Надо начать агитацию, собирая рабочих с соседних фабрик, а также устраивая собрания представителей разных рабочих районов. Надо на этих собраниях обсуждать общее и частное положение рабочего дела. Надо разбрасывать литературу в возможно большем количестве. Кружки остаются, но значение их изменяется. Весь смысл их отныне—

служить школой для подготовки сознательных и образованных агитаторов. Вне этой задачи кружки не имеют значения. Для агитации необходимы агитаторы, для выработки последних—кружки. Значит, кружки должны служить целям агитации.

Период агитации начался и при том можно сказать, по инициативе самих рабочих. Доказательством этому могли служить события, происшедшие на заводе Семянникова еще в декабре 1894 г. Во время беспорядков, происшедших в это время на заводе Семянникова, кружком Шелгунова и Бабушкина была изготовлена с помощью гектографа брошюрка с изложением положения рабочих на этом заводе и распространена на заводе с некоторым успехом.

Теперь предстояло применение этого опыта в более широких размерах. Первым благоприятным случаем для этого были волнения, начавшиеся на шерстяной фабрике Таратина, где положение рабочих было прямо невыносимо. Но прежде, чем продолжать свой рассказ, я упомяну в немногих словах о тех организациях и группах, которые работали среди рабочих и отчасти соперничали между собою. Во главе движения шла наиболее значительная социал-демократическая группа так называемых «стариков», «литераторов» или «старых социал-демократов». Она называлась группою литераторов потому, что во главе ее стоял В. И. Ульянов, который был известен как литератор. К этой же группе примыкал и А. Н. Потресов, тоже уже выступавший как литератор. Это была группа хорошо подготовленных социал-демократов, руководимая В. И. Ульяновым (Лениным). В ее состав входили А. Н. Потресов, Ю. О. Цедербаум (Мартов), В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, Г. Б. Красин, С. И. Радченко, Запорожец и др. К ним примыкало много учащейся молодежи, как мужской, так и женской. Из женщин нельзя не назвать Н. К. Крупскую, А. А. Якубову, З. П. Невзорову. С этой группой были тесно связаны и близкие мне рабочие за Невской заставой В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, Н. Меркулов и другие кружковые рабочие, для занятий с которыми ходили некоторые из только что перечисленных лиц. Эта группа и была главной сторонницей новой тактики, настаивая на переходе от социал-демократической пропаганды среди тесного круга рабочих к агитации в широкой рабочей среде.

На ряду с этой группой «старых» социал-демократов существовала группа студентов технологов, или так называемых «моло-

дых», группировавшихся вокруг студента-технолога И. В. Чернышева и зубного врача Михайлова, скоро предавшего своих товарищей. К этой же группе примыкали Богатырев, Малишевский и др.

Существовали и еще небольшие группы интеллигентов, имевшие связи с кружковыми рабочими.

Продолжала существовать и типографская группа народовольцев, имевшая в своей среде очень деятельного рабочего. Но ее деятельность сосредоточивалась главным образом на издательстве подпольной литературы.

Рабочие, входившие в состав рабочих кружков, организованных В. А. Шелгуновым, И. В. Бабушкиным и их товарищами, составляли за Невской заставой деятельную социал-демократическую рабочую организацию, которая до известной степени представляла собой самостоятельное целое.

Кроме этой социал-демократической группы рабочих Невской заставы, в это время существовала еще особая группа независимых рабочих, «диких». Это не было принятым ими названием, хотя некоторые из них так себя называли. Но название отвечает сущности дела, потому я прилагаю его к ним для отличия от всех остальных. «Независимые» организовали свои собственные кружки, которые занимались саморазвитием. Интеллигенцию они не подпускали к себе, как говорится, на пушечный выстрел. Они сторонились даже сношений с нею, а подчас даже и сношений с другими кружковыми рабочими, имевшими связи с интеллигенцией. Впрочем, с Шелгуновым и еще кое с кем имелись кое-какие сношения, основанные скорее на личных связях. Во главе этого направления «диких» стояла довольно характерная и своеобразная личность рабочего, очень развитого, но осторожного до крайности. Фамилии его я в настоящее время не помню...

...На фабрике Торнтона происходило в это время сильное брожение среди рабочих, и была возможна забастовка. По этому поводу, а также для выяснения общего положения дел в различных районах, было решено устроить общее собрание представителей социал-демократических групп, действовавших в различных районах. Оно было необходимо и для определения общего плана действий среди рабочих масс. Это собрание было решено устроить за Невской заставой, насколько помню, в самых первых числах ноября. Оно было довол. о многочисленное. В качестве предста-

вителей от Невской заставы на нем были В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, кажется Меркулов и я. От Нарвского района были рабочий Зиновьев, работающий на Путиловском заводе, и Карамышев, рабочий того же завода. Были, кажется, представители и других районов. Были два ткача от фабрики Торнтона. Были представители от группы «старых социал-демократов», и их числе Владимир Ильич Ульянов, с которым я впервые увиделся на этом собрании. Не помню, были ли на этом собрании представители от группы «молодых», или «группы технологов». В то время я сторонился интеллигенции и стремился поддерживать свои связи с рабочими. Среди них я знал многих, а из действовавших среди рабочих интеллигентов—почти никого. Владимир Ильич сразу же обратил на себя мое внимание как своим видом, так и своим мастерским умением вести дело. Взглянув на него, я сразу же догадался, что это был именно тот «лысый», про которого давно говорил мне Бабушкин. Собрание началось с выяснения положения дел в различных районах и на отдельных заводах и фабриках. Были опрошены и присутствовавшие на этом собрании два ткача с фабрики Торнтона, которая в этот момент привлекала собой особое внимание собравшихся, так как на ней предвиделась стачка. Опросом ткачей Торнтона руководил Владимир Ильич, который скоро оказался в роли главного руководителя собрания. Опрос торнтоновских рабочих он действительно вел мастерски, ставя вопросы очень умело и получая необходимые ему сведения, которые он немедленно же записывал карандашом на лежавшем перед ним на столе листочке бумаги. Он, очевидно, собирал материал, который должен был послужить для соответствующего воззвания к рабочим фабрики Торнтона.

После выяснения положения дел в различных районах, каковы условия труда и отношения рабочих и администрации на различных заводах и фабриках, где замечается особое недовольство рабочих, и каковы причины, где имеются связи с рабочими и где можно надеяться на успех агитации, на обсуждение были поставлены два важных вопроса: вопрос о постановке массовой агитации среди рабочих на почве их повседневных нужд и вопрос о возобновлении об'единенной рабочей кассы, прекратившей свое существование уже более года тому назад.

По вопросу о массовой агитации произошли довольно оживленные прения, потому что по этому вопросу не все присут-

ствующие на собрании были согласны. Владимир Ильич настаивал на немедленном переходе к агитации и ведении ее в самых широких размерах, его поддерживали и другие, в их числе и мои приятели Бабушкин и Шелгунов, а также Зиновьев, последний с особенным жаром. Я, наоборот, несколько побаивался сосредоточения наших сравнительно немногочисленных сил на агитации, которая грозила кружковым рабочим скорым провалом и казалась мне очень опасной. Но большинство быстро склонилось на сторону Владимира Ильича и «старых социал-демократов», и вопрос о немедленном переходе к широкой агитации в массах во всех районах был решен положительным образом.

Вопрос о возобновлении об'единенной рабочей кассы послужил предметом горячего спора. Необходимость возобновления рабочей кассы выдвигали представители Невского района, говоря, что эта касса послужит средством более тесного об'единения рабочих, как кружковых, так и отдельных рабочих различных заводов и фабрик. Я настаивал на организации самостоятельной боевой рабочей кассы, которая бы могла обслуживать рабочее движение различных районов и могла служить средством их более тесного об'единения. Владимир Ильич отрицал возможность подобного значения рабочей кассы, как целесообразного средства об'единения рабочих различных районов, и вместо этого предлагал основать общую социал-демократическую кассу при своей группе, чтобы все собираемые деньги шли в кассу группы «старых социал-демократов», а из нее выдавались бы местным группам на нужды их района. Прения по поводу об'единенной кассы ни к чему решительному не привели. Всякий остался при своем, и группа рабочих Невской заставы решила основать свою особую районную рабочую кассу. Но, благодаря скоро последовавшим арестам, не удалось осуществить и этого.

Листки с изложением положения дел и требований торнтоновских рабочих были разбросаны по мастерским и корпусам фабрики и произвели огромное впечатление на рабочих. 5-го ноября забастовало 500 ткачей. Прибывший в тот же день фабричный инспектор пытался «убедить» рабочих, но они стояли на своем. Наконец, им была сделана маленькая уступка, и 8 ноября они снова принялись за работу.

Оглавление.

Стр.

От составителей 3
Предисловие Р. А. 5

Часть первая. Эпоха крестьянской реформы и зарождение революционного движения . . . . 21—87

I. Освобождение крестьян 23

1. Разложение крепостного хозяйства. (Из статьи Н. А. Рожкова— «Архив Истории Труда в России», кн. 8, стр. 19 и след.) . . . . . —
2. Настроение эпохи. Из воспоминаний Н. В. Шелгунова. (Н. Шелгунов. «Воспоминания». Гос. Изд. 1923 г. Стр. 67, 68, 83, 84, 85) 27
3. Письмо А. И. Герцена к Александру II. (Полн. собр. соч. А. И. Герцена под ред. М. Лемке, т. VIII, стр. 160) 30
3а. Через три года. А. И. Герцена (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 126) . . 32
4. Общинное землевладение. Н. Г. Чернышевского (Полн. собр. соч., т. III, стр. 184 - 185) 35
5. Двусторонняя оппозиция дворянства 37
   А. Протесты из лагеря крепостников. «Всеподданнейший адрес» Д. Шидловского 1859 г. (Н. П. Семенов. «Освобождение крестьян», т. II. СПб. 1890, стр. 938—939) 38
   Б. Недовольство в рядах защитников реформы. Записка А. М. Унковского, поданная государю в 1857 г. (Г. Джаншиев. «А. М. Унковский и освобождение крестьян». М. 1894, стр. 58 и след.). 39
6. Крестьянские волнения в дни освобождения от крепостной зависимости. (По книге Ел. Коц «Крестьянские движения в России», изд. «Сеятель», стр. 95, 106—113) 43

II. На заре революционного движения 48

1. Из воспоминаний Н. В. Шелгунова (Шелгунов. «Восп.», стр. 113, 114— 115, 32—33, 34) . . . . —
2. Ранние прокламации 51
   А. Из подпольных листков «Великорусс» (1861): «Великорусс» № 1 (М. Лемке. «Очерки освободительного движения 60-х г.г.». СПб. 1908, стр. 359—360)—(51). «Великорусс» № 2 (М. Лемке, назв. соч., стр. 360—361)—(52). «Великорусс» № 2 (М. Лемке, назв. соч., стр. 363—367)—(53). . . . . —
   Б. К молодому поколению. («Материалы для истории револ. движения в России в 60-х г.г.». Под ред. В. Базилевского. «Русс. Истор. Библиотека», 1906, № 2, стр. 2 и след.) 55
   В. «Молодая Россия». (Центрархив. «Политические процессы 60-х г.г.» Под ред. Б. Козьмина. Стр. 259—269) 60
   Г. К барским крестьянам. («Полит. проц. 60-х г.г.», стр. 188—199) 63
   Д. Что нужно народу? (Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XI, стр. 138 и след.) 65

Стр.

3. Тайное общество «Земля и Воля» 69
 А. Из воспоминаний А. А. Слепцова. (Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XIV, стр. 72-76, 83—84, 85) . . . . —
 Б. Проект конституции «Земли и Воли» (Герцен, т. XVI, стр. 93—95) 74
 В. Инструкция Русск. Центральн. Народного Комитета «Земля и Воля» его заграничным агентам (Герцен, т. XVI, стр. 96—97) . 77
 Г. «Земля и Воля» и польское восстание 1863 г. Из записок О. Авейде. (Герцен, т. XVI, стр. 86—87). Казанский заговор. («Красный Архив», т. IV; стр. 280—281, 298—299 и 301) 78
4. Прокламация о цареубийстве («Голос Минувшего», 1918, № 10—12, стр. 160—162) 83
5. С. Г. Нечаев 85
 Из № 1 «Изданий Общества Народной Расправы» («Государств. преступления в России». Под ред. В. Богучарского. Т. I. СПб. 1906, стр. 183) 86

Часть вторая. Народничество 70-х годов . . . . 89—186

I. Общественно-экономическое состояние после крестьянской реформы 91
1. Положение крестьян и сельского хозяйства. (П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», т. I. Спб. 1906. Стр. 219—225, 229—230, 233 и след.) . . . . —
2. Состояние русской промышленности. (М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Том I. Спб. 1900, стр. 307—312) 95
3. Влияние железнодорожного строительства на политические отношения. (М. Н. Покровский. «Русская История», т. V, 2 изд., стр. 101—103) 97

II. Идейные вожди народничества 100
1. М. А. Бакунин . . . . —
 I. Бакунин о Парижской Коммуне. (Избр. соч. М. А. Бакунина Изд. «Голос Труда». Том IV. 1920. Стр. 252) . . . . —
 II. Государственность и Анархия. (Соч. М. А. Бакунина ред. А. И. Бакунина, т. 2, изд. Балашова, стр. 8—9, 12—13, 22—23, 42—43, 45, 48, 49, 58, 165—168, 173—174, 226, 236, 239—240, 247—248, 250—251, 256-258, 260, 263—264) . . . . —
 III. Из прокламации Бакунина к студентам в 1869 г. (Исторический сборник «Наша Страна», № 1. 1907 г., стр. 236) 111
2. П. Л. Лавров 112
 I. Исторические письма (4-е изд. СПб. 1906 г.) . . . . —
 II. Из журнала «Вперед». Из программы. (В. Богучарский «Активное народничество 70-х годов», стр. 110-11)—(118). Из статей. (П. А. Лавров. «Народники-пропагандисты 1873—78-х годов». СПб. 1907, стр. 110—115 и 123—124)—(119) 118
3. П. Н. Ткачев 122
 Программа журнала «Набат». (П. Лавров, назв. соч., стр. 167—172 . —
4. Из статей Н. К. Михайловского начала 70-х годов. (Из литературных и журнальных заметок 1872—73 г.г.) 124

III. Движение в народ 128
1. Кружок чайковцев. (Кропоткин. «Записки революционера», изд. 1906, стр. 221 и след.) . . . . —
2. Кружок долгушинцев 132

Стр.

А. Прокламация к русскому народу. (О. В. Аптекман. «Общество «Земля и Воля» 70-х годов». Изд. «Колос». 1924 г., стр. 96—97). 133

Б. К интеллигентным людям. (Аптекман, назв. соч., стр. 102--103). 135

3. Киевские народники по воспоминаниям В. К. Дебагория-Мокриевича. («Восп.», СПб. 1906, стр. 121—123 и 127—128) 136
4. Секретная записка министра юстиции гр. Палена «Успехи револ. пропаганды в России». («Былое», 1907, № 9, стр. 268—275) . . . 138
5. Пропаганда в народе по воспоминаниям ее участников 141

А. Воспоминания О. В. Аптекмана. (Аптекмана, назв. соч. стр. 132, 133, 165, 168, 170, 171—172) . . . . —

Б. Воспоминания В. Дебагория-Мокриевича. («Восп.», стр. 136, 138) 143

6. Цюрихские кружки и «Всероссийская Социально-Революционная Организация». Восп. И. С. Джабадари («Былое», 1907, № 10, стр. 168 и след.) . . . . —
7. Процессы пропагандистов 148

А. Процесс 193-х: Речь И. Н. Мышкина («Госуд. преступления в России». Под ред. В. Богучарского. Том III. Стр. 270 и след.). Приговор.—(152). Завещание осужденных («Госуд. Прест. в России». Том III. Стр. 303)—(153). . . . . —

Б. Процесс 50-ти: Речь С. И. Бардиной—(154). Речь Петра Алексеева—(155). Приговор—(157).(«Госуд. прест. в России». Том II. Стр. 328 333) 154

8. Чигиринское предприятие 157
«Высочайшая тайная грамота» («Былое», 1906, XII, стр. 257—259) . 158

IV. «Земля и Воля» 160

1. Идеология «Земли и Воли» . . . . —

I Из № 1 «Земли и Воли»—статья Кравчинского («Русс. Историч. Библиотека», № 7. «Революционная журналистика 70-х годов». Под ред. В Богучарского. Стр. 71—75) . . . . -

II. Из № 3 «Земли и Воли»—статья Плеханова («Револ. журнал. 70-х годов», стр. 146 и след.) 162

2. Деятельность «Земли и Воли» по воспоминаниям ее членов 165

I. Воспоминания В. Н. Фигнер. (В. Н. Фигнер. «Запечатленный труд». Т. I. М. 1921, стр. 86, 92, 99 и след.) . . . . —

II. Воспоминания О. В. Аптекмана (О. В. Аптекман. «Общество «Земля и Воля» 70-х г.г.», стр. 192 и след.) 167

III. Воспоминания Г. В. Плеханова. (Соч. Г. В. Плеханова, под ред. Д. Рязанова. Том III, стр. 139—141, 148, 149) 170

3. Правительственное сообщение о демонстрации на Казанской площади. («Госуд. преступл. в России», т. I, стр. 345—346) 172
4. Террор и самозащита 173

I. Дело Веры Засулич. Из обвинительного акта—(174). Заметка газеты «Новое Время», оглашенная на суде—(175). («Процесс Веры Засулич». Изд-во «Современник», стр. 12—14 и 37—38) . —

II. Официальное сообщение об убийстве шефа жандармов Мезенцова. («Голос Минувшего», 1917, № 7—8, стр. 128) 176

III. Террор на юге и возникновение исполн. комитета (Дебагорий-Мокриевич. «Воспоминания», стр. 306 и след.) . . . . —

IV. Покушение А. К. Соловьева на Александра II. Из статьи Н. А. Морозова в № 4 «Листка Земли и Воли». («Революц. журналистика 70-х г.г.», стр. 290—291) 178

Стр.

5. Идеология политической борьбы и террора. Статья Н. А. Морозова в № 2—3 «Листка Земли и Воли» («Револ. журналистика 70-х годов», стр. 282—283) 179
6. Раскол «Земли и Воли» и образование «Народной Воли» 181
   А. Разногласия весной 1879 года и Исполнительный Комитет. Из воспоминаний Аптекмана. («Общество «Земля и Воля» 70-х г.г.», стр. 348—349, 351, 356, 357). Из воспоминаний Н. А. Морозова (Н. Морозов. «Повести моей жизни». Т. IV. М. 1918, стр. 275 и 288—289) . . . . . —
   Б. Липецкий и Воронежский съезды. Из воспоминаний В. Н. Фигнер. («Запечатленный труд». Т. I, стр. 129—130). Из воспоминаний Н. А. Морозова. («Повести моей жизни». Т. IV, стр. 296—297). Из воспоминаний О. В. Аптекмана («Общество «Земля и Воля» 70-х годов», стр. 365 и след.) 182

Часть третья. Эпоха «Народной Воли» . . . . . 187—260

I. Идеология народовольчества 189

1. Статьи из 1-х №№ «Народной Воли» . . . . . —
   А. Из передовой статьи № 1. («Рус. Истор. Библиотека» № 9. «Литература партии Народной Воли». Вып. I, стр. 5) . . . . . —
   Б. Из передовой статьи № 2. («Литература партии Народной Воли». Вып. I, стр. 52 и след.) 190
2. Программа Исполнительного Комитета («Литер. Народной Воли». Вып. I, стр. 107—110) 193
3. Прокламация Исп. К-та после 1 марта 1881 г. («Литер. партии Нар. Воли». Загр. изд. 1905, стр. 900—901) 198
4. Письмо Исполн. Комитета к Александру III («Литер. партии Нар. Воли». Вып. 2-й, стр. 304—307) 199

II. Террор народовольцев 205

1. Покушение Степана Халтурина. Из статьи «Календаря Народной Воли» («Рус. Ист. Библ.», № 5, загр. «Былое», стр. 108—115) . . . . —
2. 1-е марта 1881 г. 209
   А. Из воспоминаний В. Н. Фигнер. («Запечатленный труд». Том I, стр. 189 и след.) . . . . . —
   Б. Из показаний А. И. Желябова и С. Л. Перовской («Былое», 1918, № 10—11, стр. 279 и след.) 214
   В. На суде. Из речи А. И. Желябова. («Процесс 1 марта 1881 г.», Изд. И. Балашова, стр. 216 и след) 217
   Г. Приговор. (Там же, стр. 251—252) 218
3. Убийство военного прокурора Стрельникова (В. Н. Фигнер. «Запечатленный труд». Т. I, стр. 261 и след.) . . . . . —

III. Организация и пропагандистская деятельность партии 220

1. Организация партии и Исполн. Комитет. Из «показаний» М. Н. Оловенниковой. («Былое», 1907, VI, стр. 5—7) . . . . . —
2. Деятельность народовольцев среди рабочих 223
   А. Программа рабочих-членов партии «Народной Воли» («Литер. Нар. Воли». Вып. 2-й, стр. 292—294) . . . . . —
   Б. Из показаний Рысакова о пропаганде среди рабочих. («Былое», 1918, № 10—11, стр. 40) 225
   В. Из воспоминаний Н. Волкова о пропаганде группы Теллалова в Москве. («Былое», 1906, № 2, стр. 178 и след.) . . . . . —

Стр.

3. Деятельность народовольцев в армии 227
А. Программа военно-револ. организации («Литер. партии Нар. Воли». Вып. 2-й, стр. 295—297) . . . . —
Б. Из воспоминаний М. Ю. Ашенбреннера (М. Ю. Ашенбреннер. «Военная организация «Народной Воли» и др. воспоминания». М. 1924. Стр. 72, 89, 90). 228

4. Деятельность среди учащейся молодежи. 231
А. Беспорядки в СПб. университете 8 февр. 1881 г. Из № 5 «Народной Воли». («Литер. партии Нар. Воли». Вып. 1-й, стр. 233—235) . . . . —
Б. Из воспоминаний А. В. Тыркова. («Былое», 1906, V, стр. 144 и след.) 233

IV. Настроение правящих сфер и разгром «Народной Воли». 235
1. Речь Александра II представителям сословий в Москве. (С. С. Татищев. «Император Александр II». Том II, стр. 618) . . . . —
2 Доклады и проект графа Лорис-Меликова. . . . . —
А. Из доклада 11 апреля 1880 года. («Былое», 1918, № 10—11, стр. 156, 157) 236
Б. Из доклада 28 янв. 1881 г. («Былое», 1918, № 10—11, стр. 163—165) 237
4. Заседание совета министров 8 марта 1881 года («Былое», 1906, I, стр. 189—191 и 193—194) 241
5. Манифест Александра III 29 апреля 1881 года. («Истор. Вестник», 1911, № 4, стр. 243—244) 245
6. Разгром партии «Народной Воли» 247
А. Процесс 20-ти народовольцев . . . . —
Из обвинительного акта . . . . —
Последнее заявление А. Д. Михайлова на суде 248
Приговор суда. («Былое», 1906, I, стр. 281, 299—300) . . . . . —
Б. Процесс 17-ти народовольцев. Речь А. П. Корбы. Речь С. С. Златопольского. («Былое» 1906, XII, стр. 246—248) 249
В. Процесс 14-ти. Из показаний В. Н. Фигнер. («Былое», 1917, № 4, стр. 76—79) 251

V. «Черный Передел». 254

1. Из воспоминаний О. В. Аптекмана. («Черный Передел». Орган социалистов-федералистов 1880—81 гг. Изд. Петр. Бюро Истпарта. Вступ. статья О. В. Аптекмана. 1923, стр. 91 и след.) . . . . —
2. Из статей «Черного Передела» 257
А. Из статьи Г. В. Плеханова в № 1 . . . . —
Б. Из статьи О. В. Аптекмана в № 2 258
В. Из статьи Плеханова в № 2. («Черный Передел», стр. 107, 112—115, 129—134, 185—192) 259

Часть четвертая. Эпоха зарождения рабочего движения . . . . . 261—328

I. Семидесятые годы. 263

1. Условия фабричного труда. (Л. Мартов. «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России». Изд. 1923, стр. 8—12. . . —

Стр.

2. Первая стачка—1870 г. (Ю. Гессен. «К истории стачек среди фабричных рабочих».—«Архив истории труда в России» Кн. 3-я.) 266
3. Стачечное движение (М. Гордон. «Очерк экономической борьбы рабочих в России». Ленингр. 1924, стр. 55 и след.) 271
4. Южно-Российский Рабочий Союз 1872—75 гг. 275
А. Показания рабочего Д. Е. Изотова. (Центрархив. «Южно-Русские Рабочие Союзы». Под ред. В. И. Невского. Стр. 89—90). 276
Б. Устав Южно-Российского Союза Рабочих. (Там же, стр. 101—102). —
5. Программа Северного Союза русских рабочих. («Былое», 1906, I) . 277
6. Южно-Русский Рабочий Союз 1880—81 гг. 282
А. Из воспоминаний Е. Н. Ковальской («Южно-Русские Рабочие Союзы», стр. 198—199, 208 и 211) . . . . —
Б. Программа Южно-Русского Рабочего Союза. (Там же, стр. 259—264) 283
От «Южного Рабочего Союза» инспектору арсеналов. (Там же, стр. 275—277) 284
От «Южного Рабочего Союза» начальству киевского арсенала (Там же, стр. 277—278) 287

II. Восьмидесятые годы. 288
1. Первые шаги русской социал-демократии . . . . —
А. Программа группы «Освобождение Труда». (Соч. Плеханова, т. II, стр. 357—362) . . . . —
Б. Из брошюры Г. Плеханова. «Социализм и политическая борьба». (Соч., т. II, стр. 83—85). 294
В. Из предисловия к книге Г. Плеханова «Наши разногласия». (Соч., т. II, стр. 101—105). 296
2. Из программы группы Благоева. («Былое», 1918, № 13, стр. 46—48) . 299
3. Стачечное движение. (А. Ельницкий. «Историяя рабочего движения в России». Изд. 1923, стр. 68—74) 302

III. Девяностые годы 309
1. Расцвет промышленности и рабочее движение в 1893—99 гг. (К. И. Шелавин. «Рабочий класс и его партия». 1924. Стр. 31 и след.) . . —
2. Программа группы Бруснева. (Невский, В. И. «Очерки по истории Р. К. П.». Том I, стр. 597—598) 313
3. Что такое «друзья народа» и как они воюют против соц.-демократов В. И. Ленина. (Изд. 1923, стр. 68, 86—88, 147—49, 164—65, 170—172) 314
4. Союз борьбы за освобождение рабочего класса. (К. М. Тахтарев. «Рабочее движение в Петербурге и 1893—1901 гг.». Ленингр. 1924. Стр. 52—54) 322
5. Начало агитационного периода и стачка текстильщиков. Воспом. Тахтарева. (Там же, стр. 44—48). 324

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Ленинград, пр. Володарского 34. Тел. 2-10-20 и 5-47-76.

СОВРЕМЕННОСТЬ В ШКОЛЕ ПЕРВОЙ СТУПЕНИ. Составлена сотрудниками Ленинградского Центрального Дома Работников Просвещения. Под ред. А. Г. Ярошевского. 152 стр. 1925 г. Цена 1 р.

Содержание: В поисках программы по обществоведению в первой ступени. Темы третьей группы: Машины и техника в добывании и приготовлении пищи. Одежда. Жилище. Темы четвертой группы: Городской пейзаж. Промышленность города: а) завод, б) фабрика и рабочий. Торговля в городе. Домовое общество. Городское хозяйство. Город, как культурный центр. Литература к проработанным темам.

Книга является результатом опыта работы в трудовой школе по новым, так наз., комплексным программам ГУС'а на третьем и четвертом году обучения.

ТРУДОВАЯ ШКОЛА В СВЕТЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ. ...орник статей под ред. проф. М. М. Рубинштейна. 2-ое изд., исправл. ...олн. Стр. 277. 1925 г. Цена 2 р.

Содержание. I. От Платона до Песталоцци. М. М. Рубинштейн. II. Социально-революционные течения в XVIII и XIX вв. и трудовая школа. А. Фортунатов. III. Идея трудовой школы в XIX в. Л. Д. Синицкий. IV. Борьба за трудовой принцип в Западной Европе и Америке. А. Фортунатов. V. Трудовой принцип в дошкольном воспитании. М. М. Рубинштейн. VI. Опыт трудовой школы. Н. В. Чехов. VII. Проблема единой школы. Н. И. Иорданский VIII. Понятие трудовой школы. М. М. Рубинштейн. IX. Сельско-хозяйственный и индустриально-городской уклон в трудовой школе. А. Ф. Евстигнеев-Беляков. X. Метод проектов. Стивенсон. XI. Метод жизненных комплексов в свете детской психики и трудовой школы. М. М. Рубинштейн. XII. Комплекс, предметы и жизнь. М. Н. Николаевский. XIII. Далтонский план и трудовая школа. М. М. Рубинштейн. XIV. Экскурсии в трудовом методе образования. И. М. Гревс. XV. Игра, труд и трудовая школа. Н. С. Филитис. XVI. Детское движение и трудовая школа. И. Н. Жуков. XVII. Самоуправление учащихся в трудовой школе. Н. И. Иорданский. XVIII. Принципы трудовой школы и высшее образование. М. С. Муратов. XIX. Очередная задача. М. М. Рубинштейн.

Ярошевский, А. Г.—ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЬНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ. 157 стр. 1925 г. Цена 1 р.

Содержание: От автора. Глава I. Краеведение и школа. Глава II. Деревенские темы. 1. Деревня. 2. Хутор и совхоз. Глава III. Лесопильный завод и лесная промышленность. Глава IV. Железнодорожная станция. Глава V. Уездный город. Глава VI. Из опытов с... ...д школьной краеведческой работы.

...зывов печати: „Книгу следует рекомендовать учителю, ... пособие по школьному краеведению“.

„Учительская Газета“.

